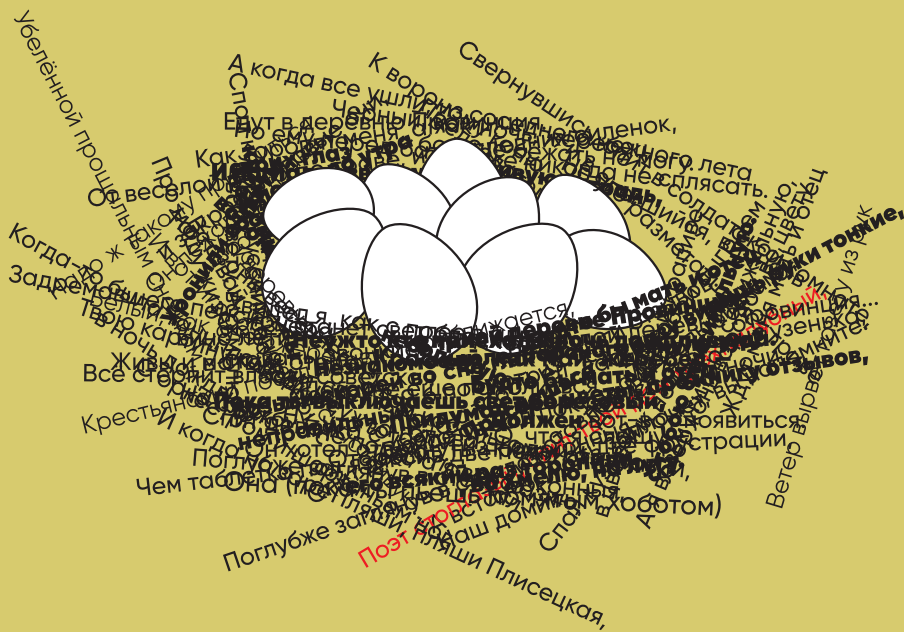

БИБЛИОТЕКА
СИБИРСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ГНЕЗДО ПОЭТОВ

ГНЕЗДО ПОЭТОВ

Александр Денисенко

Евгений Лазарчук

Николай Шипилов

Анатолий Соколов

Иван Овчинников

Анатолий Маковский

Валерий Малышев

Жанна Зырянова

Владимир Ярцев

Михаил Степаненко

Юниль Булатов

Нина Грехова

Александр Плитченко

УДК 82-1
ББК 84(2=411.2)6-5
Г-563

Серия «Библиотека сибирской литературы»

Редакционный совет серии:

*В. Г. Деев, Ю. В. Зимняков, С. А. Тарасова,
М. В. Хлебников, А. Б. Шалин, М. Н. Щукин*

Составитель:

В. А. Берязев

Дизайн:

В. И. Савин

*Издание подготовлено при поддержке
министерства культуры Новосибирской области*

Г-563 **Гнездо поэтов** : сборник стихов / составитель В. А. Берязев. — Новосибирск : Новосибирское библиотечное общество, 2023. — 448 с. — (Библиотека сибирской литературы / редакционный совет: В. Г. Деев [и др.]).

ISBN 978-5-6050509-5-7

В поэтический сборник «Гнездо поэтов» вошли произведения талантливых новосибирских авторов, вышедших из знаменитого литературного объединения И. О. Фонякова, которое стало целым явлением в творческой жизни города в шестидесятых-семидесятых годах прошлого века.

УДК 82-1
ББК 84(2=411.2)6-5

ISBN 978-5-6050509-5-7

© Берязев В. А., предисловие, 2023
© НБО, 2023
© ГАУК НСО НГОНБ, 2023
© Редакция журнала «Сибирские огни», 2023

БРАТСТВО РАЗНООБРАЗИЯ

Ко второму изданию книги «Гнездо поэтов»

Поэзия как бурное весеннее обновление, как жизнеутверждающий вал половодья начиналась в Новосибирске в кипучей среде, получившей название ЛИТО Фонякова.

Сравнение это тем более уместно, поскольку события происходили в хрущевскую оттепель, когда народ, особенно молодой, охватила настоящая эйфория от объявленных новых свобод, новых веяний, что едва ли не в первую голову коснулось творчества литературного. Это время строительства и бурного развития Академгородка, время, когда сюда прибывала масса образованного люда. Именно в конце 50-х на берегах Оби оказался Илья Фоняков, приехавший с женой Эллой из Ленинграда, — настоящий питерский интеллигент, знаток поэзии и русской, и мировой, и той, что была доступной читателю, и сокрытой в Серебряном веке и в эмигрантском далеке.

Несомненно, Илья Фоняков обладал харизмой, которая позволяла ему быть магнитом, притягивающим людей самых разных, таким демиургом — духом организующим, вдохновляющим и будоражащим умы. Он был совершенно искренне убежден, что научиться можно всему — даже писать стихи, без этой его святой «энергии заблуждения» на городском небосклоне никогда бы не возникло знаменитое, ставшее легендарным ЛИТО его имени. По свидетельству участников этого поэтического объединения, здесь существовал, наличествовал особый, разлитый в самой среде собравшихся творческий дух, тот пьянящий весенний кислород новизны, чему несомненно способствовал сам Илья Олегович. Он обладал талантом учительства и особым внутренним тактом, что позволяло Вещему Олеговичу, как любовно именовали его сами фоняковцы, не обходиться вниманием практически ни одного семинариста.

Не могу не процитировать фрагмент антиэссе Петра Степанова «Гнездо поэтов» и ЛИТО Фоянкова», чтобы проиллюстрировать, на каком фоне формировались поэтические судьбы участников этой книги:

«Книга воскрешает, запечатленно воскрешает дух нашей юности. Самым удивительным и самым ценным была атмосфера тех собраний и тех лет.

Восседавая на своей трибуне, как на троне, Фоянков давал полную свободу всем высказаться по любому вопросу жизни и смерти, прошлого, настоящего и будущего, реального и трансцендентного, экзистенциального и гуманного, спиритического и исторического, реалистического и мистического, материалистического и эмпириокритического, значит, это, как оно, во! – критического. Критикуй, значит, все упаднические буржуазные мракобесные направления в искусстве и литературе и бери за образец наше правильное направление социалистического реализма, если в стране не оттепель, а весна, и нас не собьют с пути извращенцы солженицины и пастернаки. За этим строго следил и наш новосибирский компас Илья Олегович Фоянков».

Но оттепель закончилась.

Фоянков в начале 70-х уехал в свой Ленинград.

ЛИТО по закону инерции еще какое-то время продолжало существовать, но времена изменились...

Мало кому из поэтов ЛИТО удалось вписаться в литературную среду тех лет (исключениями являются лишь Александр Плитченко и Нина Грехова). Публикаций не было или почти не было. Если в Москве возникали поэтические направления и группы – смогисты, метареалисты, концептуалисты, Лианозовская школа и так называемые ахматовские сироты, то в Новосибирске поэтов «Гнезда» стали называть, по меткому выражению Николая Шипилова, тетражистами. Причина тому была простая – стихи большинства из них продолжали оставаться в тетрадях и распространялись лишь в результате обмена таковыми.

Однако стихи остались в душах и сердцах, не потерялись, не устарели. Значит, явление сие имеет особую, высочайшую художественную ценность, если спустя более чем полвека сохраняет значимость и привлекает внимание любителей высокой поэзии.

Вернувшись в 1986 году в Новосибирск, я погрузился в атмосферу живого общения с целой группой поэтов, доселе мне неведомых, но воистину самобытных и подлинных в своем разнообразии, особенности и богатстве лирических голосов. Будучи тогда весьма деятельным молодым человеком, я свой восторг от этого общения постарался донести до друга и наставника Александра Плитченко. Оказалось, он всех их знает еще с юности — по литобъединению фоняковскому, посему особо убеждать его не пришлось и мы, в условиях наступающей гласности, набросали план будущего издания. Было это, даст бог памяти, в году 1987-м, сразу после выхода моей первой книги «Окоем» в Новосибирском книжном издательстве, где А. Плитченко на тот момент и работал ведущим редактором.

Но предстояло собрать и обработать рукописи, убедить всех участников в необходимости возвращения к поэтическому творчеству в новых, неподцензурных условиях, наконец, составить сборник, подготовив его к печати и включив в издательский план. Все это не без труда удалось осуществить за два года, компьютеров и интернета тогда не было, первые «экстешки» от IBM появились уже в 1989-м, в Сибирском отделении издательства «Детская литература», когда книга была на выходе. А вышла она в сентябре.

К моменту начала работы над сборником многим из участников было под сорок, а некоторым и под пятьдесят. Жизнь в ее перипетиях и извивах отодвинула поэзию на второй и третий план, со многими судьба обошлась весьма сурово. Шипилов перешел на прозу, скитался со своей гитарой по городам и весям всея Руси, пытался штурмовать литературную Москву, но периодически срывался на грань бродяжничества — концертами и песнями своими он тогда еще не мог зарабатывать, хотя популярность росла, как и опасности в ходе подобных скитаний. Жанна Зырянова вообще какое-то время пребывала в местах не столь отдаленных, выпускала там стенгазету и пользовалась всеобщей любовью и уважением начальницы колонии, которая перед выходом Жанны на волю отобрала у нее все рукописи стихов — на память. Но многое удалось спасти и издать в моем издательстве «Мангазeya» в виде книжек «Незванное» и «Граница снегов».

Александр Денисенко выполнял тогда какую-то техническую работу в типографии «Советская Сибирь» и, слава богу, не оставлял писания своего. Владимир Ярцев тянул лямку аграрного корреспондента в районной газете «Приобская правда», но вскоре перебрался на левый берег Новосибирска и активно влился в наше братство. Анатолий Соколов, защитив диссертацию, преподавал философию в различных вузах города, но давалось это ему нелегко в силу склонности к мизантропии. Иван Овчинников погрузился в русский фольклор, плясал и пел в ансамбле Асанова, не оставляя литературных сиделок в разных концах Энского. Более или менее благополучную карьеру по тем временам, с точки зрения обывателя, сделал Евгений Лазарчук в своем городке Куйбышеве-Каинске: какое-то время побыв на партийной работе, он стал редактором районной газеты «Трудовая жизнь».

Особо следует отметить Анатолия Маковского, который в силу своего социального статуса на тот момент и особенностей поэтики не мог пройти советские издательские ограничения, продолжавшие в конце 80-х действовать. Он это понимал и не претендовал на участие в сборнике. В этом издании книги сей недостаток мы восполнили. В последние годы своей жизни А. Маковский практически бомжевал: скитался по городам, ночевал по друзьям и знакомым. Он был очень глубоко душевно болен, и со временем ситуация усугублялась. Все свое имущество и рукописи он хранил в клетчатой тележке на колесах. По заботиться о нем было некому — не было ни присмотра, ни ухода необходимого и достойного. Это был сибирский вариант Велимира Хлебникова, только из знаменитого рода художников Маковских. В киевской квартире его мамы находилась бесценная коллекция работ передвижников, с согласия Анатолия Владимировича ее передали в музейную собственность, выделив ему однокомнатную на окраине Киева. Из-за этой-то квартирki с ним и расправились, как с беззащитным и открытым ребенком, переведа в статус бесследно исчезнувшего.

•

Думаю, имеет смысл процитировать фрагменты моего составительского предисловия к уже ставшему легендарным изданию 1989 года. Тогда я писал о том, что книга естественным образом возникла из необходимости восстановления

оборванных связей поэтических поколений, из насущной потребности оглянуться и попытаться понять, что же мы утратили за годы небрежения к Слову как к искусству.

«Эта книга, хочется верить, — малый вклад в возвращение нашей литературе, поэзии ее изначального смысла — увещевания “древнего родимого хаоса”, который сокрыт под тонкой пленкой повседневного бытования.

Поэт — не человек без профессии. Поэт потому и поэт, что он сумел преодолеть свою профессию и, в силу обостренной способности к восприятию, даже грубый материализм и быт переплавил, воплотил в поэтический опыт.

Авторы представляемого на суд читателей сборника родом из 60-х годов, из времени поэтического всплеска, времени надежд и... разочарований. Разные судьбы, разные характеры, неоднозначные взгляды на поэзию. Но все-таки в какой-то самой главной — трагической интонации душевного переживания, в том самом моменте преодоления — они близки...

И кроме того, их, конечно же, объединяет юность, вольный дух литобъединения Ильи Олеговича Фонякова, студенческое и поэтическое братство. К счастью, ту атмосферу не смог вытравить даже полуторадесятилетний период духовной уравниловки.

Время, как замысловатый горный лабиринт, возвращает эхом через двадцать лет юношеский возглас, вырвавшийся от полноты и радости жизни. Но, увы, возвращает его искаженным, утратившим рассветные и чистые ноты молодого восторга.

Круг замкнулся.

Начинается новый круг...»

•

Теперь о сообществе, возникшем сразу после выхода в свет томика «Гнездо поэтов». Оно около десятка лет просуществовало на площадке издательств «Детская литература» (Сибирское отделение) и «Мангазея». Я не раз повторял в разных аудиториях и СМИ, что это были лучшие годы моей жизни. Это был своеобразный творческий клуб, где в свободной атмосфере проходили чтения, обсуждения, розыгрыши. Именно там зародились многие творческие замыслы, впоследствии воплощенные. После выхода «Гнезда» стало ясно, что, помимо официальной сибирской поэзии, не выходящей за рамки советских

поэтических стандартов, существует целая плеяда своеобразных поэтов, значение которых для поэтической ситуации в Сибири с сегодняшней точки зрения трудно переоценить. Пренебрежение ригидными схемами «классической» советской поэзии, индивидуальность и подлинность поэтического голоса были характерны для всех «угнездившихся» под обложкой этого сборника поэтов. Кроме того, что издание этой книги позволило оживить поэтическую среду Новосибирска, результатом ее появления стало и повышение статуса сибирской литературы в общероссийском масштабе. По сути, сибирскую поэзию по этой книге узнали, стали оценивать и изучать.

Именно А. Плитченко с его огромным редакторским и издательским опытом, безукоризненным поэтическим слухом смог понять масштаб произошедшего события. Именно поэтому в том же самом 1989 году, перейдя на работу главным редактором Сибирского отделения издательства «Детская литература», он тут же постарался собрать под одной крышей представителей этой плеяды. Сотрудниками были приняты Владимир Ярцев и Евгений Лазарчук (заместитель директора), Александр Денисенко стал корректором, Берязева с его издательством «Мангазея» пустили на постой в качестве арендаторов. А остальные птенцы «Гнезда» и близкие к ним сововарищи-сочинители стали частыми гостями старого кирпичного двухэтажного особняка по улице 1905 года, 33. В этих стенах в конце 20-х и начале 30-х годов прошлого века проживал с семьей и тремя детьми будущий глава советского правительства Алексей Николаевич Косыгин. Сколько было в этих стенах талантливого, яркого, искрометного, сколько было выпито и прочитано! У нас даже кочегар Герман был великим знатоком и ценителем литературы вообще и поэзии в частности.

Незабываемая творческая атмосфера и органическая связка двух издательств, государственного и частного, выдала еще и три выпуска альманаха «Мангазея», и литературно-поэтическую передачу на областном радио «Слуховое окно», и детскую цветную газету «Старая мельница». Позже, с подачи Михаила Щукина, возник журнал «Сибирская горница», который просуществовал под его руководством добрых полтора десятка лет, пока он не перешел главным редактором в возрожденные «Сибирские огни». В издательстве «Мангазея» вышел целый ряд знаковых книг: «Слон» Петра Степанова, «Ведьмины слезки» Нины Садур, в 1990-м вышли «Июлия» Станислава Михайлова,

«Волчья грива» Александра Плитченко, «Стихотворения» Эры Падериной, далее «Заблуждения» Анатолия Маковского, «Незванное» Жанны Зыряновой, «Спартакровский мост» Анатолия Соколова, «Грустная память» Владимира Ярцева, потом поэтические книги Юниля Булатова «В монастырском саду», Михаила Степаненко «На краткую разлуку». И всему этому, еще раз подчеркну, дало толчок явившееся на свет «Гнездо поэтов».

Отдавая долги, осмысливая пройденное, с необходимостью понимаешь – какой подвиг был совершен нашим вождем и радетелем, который сам себя в юношеском стихотворении назвал «Пикассо районного масштаба». Эта неизменная самоирония Александра Ивановича Плитченко всякий раз его спасала и придавала ему силы. Но силы в один роковой момент кончились. К великому сожалению, очень, очень рано...

•

В свое время, еще в годы моего руководства журналом «Сибирские огни» (лет этак двенадцать назад), меня попросили составить список действующих крупных поэтов. Я взялся, стал сводить разные направления поэтические в одну табличку, тут тебе и «Московское время», и смогисты, и метафористы, везде ряды поредели, но вот дошел до русской партии и как-то совсем грустно стало, русских поэтов кожного круга повыкосило почти подчистую. Вспомнил статью Станислава Золотцева «Время гибели поэтов», которую и мы печатали в журнале, ее можно отыскать в Сети: «Сегодня – поэтов убивает само Время. Наступила уникальная по своей мертвяще-убийственной для поэтов – для самой поэзии, для возможности ее генезиса – эпоха. Время, в коем действительно и уже во всей стране исчезает воздух, которым может дышать человек искусства. Тут нельзя ограничиваться такими терминами, как “коммерциализация отношений меж людьми”. И не в одном лишь разрушении былой издательско-редакционной системы тут беда. Хоть издай свою книгу тиражом в пол-миллиона (если найдешь спонсора), хоть небывало дивную поэму напечатай в “Новом мире” или в “Нашем современнике”, – не услышат. Не заметят. В безвоздушном пространстве не слышны, не могут распространяться самые сильные и самые красивые звуки. Уничтожители России (как Империи) на сей раз – в отличие от своих предшественников в послереволюционные годы – преуспели: они стали “аннигилировать”

прежде всего то духовно-психологическое состояние, в котором рождается и дышит слово поэта, в котором живет его душа».

А если говорить о поэтах «Гнезда», то, обозревая список имен, включенных нами в переиздание, наблюдаешь картину печальную – в живых на сегодняшний момент лишь Евгений Лазарчук. Да говорят, где-то в Испании, опекаемая дочерью, еще жива Нина Митрофановна Грехова.

•

Любимый город пьян, и сыт, и пьян.
И стыд-головушка, и на голову выше
Большой буран по русским деревням,
По деревням, да мы оттуда вышли.

Это строки Александра Денисенко, и приводятся они не случайно, ибо продиктованы великой любовью к той самой родине, к земле и к людям, на ней проживающим. Второе издание книги «Гнездо поэтов» мы решили составить несколько иначе, между двух Александров разместятся оставшиеся участники, причем Александр Плитченко по праву завершает книгу своими полными драматизма и горестной надежды, выстраданными и оплаченными жизнью строками и строфами.

Отдельное доброе слово хочется сказать в адрес Михаила Щукина, еще одного выходца из тех самых деревень. Он ныне с успехом возглавляет старейший в России журнал «Сибирские огни», и именно его энергией и волей удалось осуществить давнюю идею переиздания обновленного «Гнезда поэтов». Необходимость оно уже давно напрашивалась, поскольку выросли новые поэтические поколения, а до многих читателей тот сборник просто не дошел. Судя по количеству написанных о нем статей и диссертаций, нужно, чтобы связь времен и спустя 35 лет не прерывалась. В интервью газете «Новая Сибирь» Михаил Щукин озвучил следующее: «Мое личное мнение, что нужно еще раз вернуться к сборнику "Гнездо поэтов", который давно стал библиографической редкостью. Я добавил бы туда несправедливо пропущенных поэтов. Такое мощное объемное переиздание показало бы поэзию очень высокого класса».

Мы так и поступили, дополнив переиздание четырьмя органически близкими авторами, помимо Александра Плитченко

здесь присутствуют Валерий Малышев, Анатолий Маковский и Нина Грехова.

•

Теперь, в финале этих заметок, следует сказать несколько слов в адрес того самого племени младого и незнакомого, о связи с которым, готовя переиздание, столь старательно радеют мои коллеги из оставшихся в живых (я и о себе в том числе) литераторов, экспонатов прежней эпохи.

Их пафос и их устремления в сбережении нетленным сокровенного поэтического слова – неоспоримы. Их желания – передать в сохранности грядущему веку свет «целомудренной бездны стиха», по гениальному выражению Николая Заболоцкого, – очевидны, оправданны и не подлежат никакому сомнению.

Что я могу добавить?

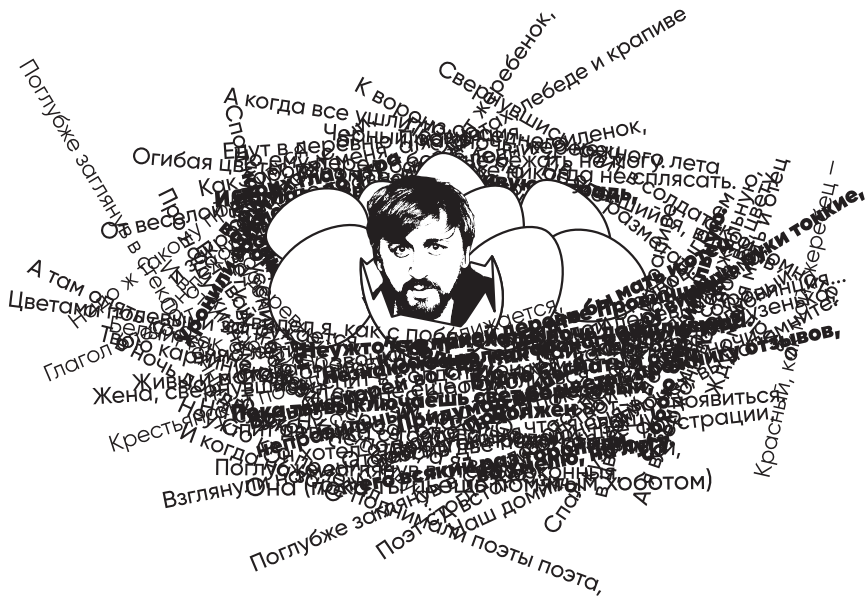
Основа поэзии – звук, который диктует расстановку слов в единственно возможном порядке, разумеется, не вопреки смыслу. Но смысл приобретает в звучании глубину и многозначность, что позволяет подлинным стихам не стареть – как раз благодаря точности звукообраза, а алгебраическая формула единственно возможных строк позволяет достичь эффекта запоминаемости, что является еще одним аксиоматическим признаком настоящей поэзии.

Однако. Ох, это самое «однако»!

К началу третьего десятилетия XXI века выясняется, что, по выражению Марины Кудимовой, «поэтической культуре, если ее столько лет профанировать, просто неоткуда взяться». Но в почти подростковом эпатаже многих современных стихотворцев и стихотвориц «слышна и реакция на долгую замолчанность, на сталкивание в маргиналитет». Вот-вот, поэтической культуре неоткуда взяться. До тех почти канувших в Лету трудов нашего катакомбного существования поколению тридцатилетних неведомо, как добраться, многие из них даже не слышали о некогда бывших, а сегодня почти забытых поэтах из 70-х и 80-х.

Есть слабая надежда, что кому-то из них таки попадет на глаза этот труд, и, может быть, это слово будет услышано, и, паче чаяния, послушание наше на ниве русского стиха будет не напрасно.

Владимир БЕРЯЗЕВ

АЛЕКСАНДР ДЕНИСЕНКО

НА ЯСНЫЙ ОГОНЬ

Денисенко Александр Иванович (10 августа 1947 – 28 марта 2023) родился в селе Мотково Мошковского района Новосибирской области. Окончил три курса Новосибирского государственного педагогического института. Работал полиграфистом, сотрудничал с новосибирскими газетами «Советская Сибирь» и «Вечерний Новосибирск», был телеоператором на новосибирском телевидении, редактором Сибирского отделения издательства «Детская литература».

Участник сборника «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989). Автор изданных в Новосибирске книги стихотворений «Аминь» (1994), сборника стихов и прозы «Пепел» (2004), книги «Избранное: стихи и проза» (2019). Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Сибирская горница», «Литературная учеба» и других, в альманахе «Мангазея», в сборниках «Дебют» (Новосибирск, 1989) и «Современная русская поэзия» (М., 2000), в газетах. Стихотворения А. И. Денисенко вошли в несколько антологий, в том числе в антологию «Самиздат века» из серии книг «Итоги века» (М.; Минск, 1997).

• • •

Белым-бело сегодня в НСО,
Снег подвенечный падает, кочует,
И тут же рядом лошади ночуют.
Как девушки, пока не рассвело.

Вся эта жизнь зовется боже мой,
И не хочу я больше быть красивым,
Я только буду вас любить, пока живой,
Со всею силой.

По леву руку – левый, нежный снег,
По праву – темно-синий, деревенский,
Посередине – торопливый тусклый след –
Ревнивый, задыхающийся, женский.

То сладкая, то горькая любовь,
То глупая, то со звездой, с губами,
С чудесными старинными словами –
То сладкая, то горькая любовь.

НА ЯСНЫЙ ОГОНЬ

Кто-то в лесу стреляет
Возле родных калин.
А журавли составляют
Самый прощальный клин.

Долго, как в дни Победы,
Смотрит за реку мать...
Жить бы и жить и белой
Людям рукой махать.

• • •

Как же так: с неба падала вода
Текла ревела вода влага
Сквозь огни вижу нежный как всегда
Идет по полю конь бродяга

Ох какой: по колена ноги стер
Лицо и торс размыты влагой
На груди (видно ночью где-то спер)
Шарф из андреевского флага

Серый конь я бы дал тебе ладонь
Да исписались мои руки
А вдали разгорается огонь
Опять на уровне разлуки

• • •

Умер дед. Семья сидит у тела.
Самый старый дед в селе Мотково.
Самый-самый старый дед Валера
Будет жить на небе голубом.

Дед отцвел. Про тонкую рябину
Замолчал его аккордеон,
Перед смертью он сходил на почту,
Пацанам раздал аккредитив.

Я-то знал, что деда умирает...
Мы соседи. Через городьбу.
Светлый стал. Глядит невыносимо.
Я сосед его. Колхозный тракторист.

Надо ж быть мальчишкой, кавалером,
Чтоб с такой улыбкой помереть.
Бабы его белым коленкором
Спеленали, будто он родился,
Мужики на белых полотенцах
Отнесли, наверно, в самый рай.

Брат мой, Саша, из пединститута,
Раньше брал у дедушки фольклор,
А теперь сидит, тоскует, курит,
Повторяет: замать... синий цвет...

Так мы дедушку весной и схоронили.
День был серенький, но чей-то самолет
Прозвенел над тополем, заврался...
Видно, летчик деревенский был и вот
С нашим дедушкой на небе повстречался.

• • •

Господи, да отчего же грустно-то так?
Вот осока, вот гречиха, вот вам лебеди,
Чье-то платье на рябиновых кустах,
По которому рябины те и бредили.

Вы простите. Вы здесь не были. Не знаете.
Я прощу вас. Все. Простил. Крещу рукой.
Вот опять вы платье красное срезаете.
Вот опять берете лебеда рукой.

В горбольнице на сестре под халатом
То же платье, только выцвел узор.
Видно, я не ту рябину сосватал —
Перед этой опуская свой взор.

СНЕГ СНЕГ СНЕГ СНЕГ СНЕГ

Это кажется метель пурга
все уляжется уйдет в снега
мерзлый тополь отойдет ко сну
в бесконечную свою страну

ешь откусывай хрусти вино
пока выюги на Москве гостят
это мертвые давным-давно
с неба девушки летят летят

ПРИСТАЛЬНО

Батюшки-светы, сватья Ермиловна,
Осень кидается в речку Сартык.
Кони колхоза имени Кирова
Стиснули конские рты.

Что рассказать? Возле почты – лыва,
В лыве корабль да пух петуха.
Жизнь поухила, лицо уронила
В согнутый локоть стиха.

На перевозе – гладкие воды,
А на крутом берегу,
Как на последней ступеньке природы,
Тополь застыл на бегу;

Что-то уж шибко он нынче кручинится.
В прошлом году по весне
Берег подмыло – я думал, он кинется
К левобережной сосне.

Сердце ль в обмане, иль мнится мне к вечеру,
Будто на том берегу
Кто-то спустился тропинкой заречною,
А различить не могу.

Завтра десятое августа. Осень.
Осень? Да нет же. Да осень же. Да.
Или почудилось вслед

...и понеже

...сильно-пресильно

...всегда

• • •

Между двух январей — грусть утраченных дней,
Пряжа русских стихов бесконечная,
Но летит сквозь снег новогодний век,
И зима, и земля наша вечная.

Мне на окнах зима написала слова,
Чтобы ждал я из леса два дерева:
Одно даст кору, когда я помру,
А другому оплакивать велено.

Не за тот обелиск — будь он ясен и чист,
Что живем однава,
Сочинились слова,
А за ясный огонь: камбий, луб, заболонь —
Видно, близко мои деревья.

ТРОЕ

Полусвет-полутень на лице, и вообще
 Ни горда, ни лукава, не плачется —
 В парке снег до колен, ну и пусть по колен,
 И по снегу старик чей-то катится.
 Самый дальний и тот занесен и болит —
 Или как там у нас еще кличется?
 И кронштадтская женщина проговорит:
 Помираете, ваше величество...
 Повторяю, что в парке, озябшем до пят,
 Отцветает снегирь, обрывается...
 Говорят, что какой-то нездешний солдат
 Гладит ели и в ноги им валится.
 Выхожу и люблю эту синь-высоту
 И вечернюю родину дымную,
 Наклоняюсь к солдату и говорю:
 Ну пойдём, я лицо тебе вымою.

• • •

Посадили меня на цепь,
Отошли на сотню шагов,
Сели в пыль на дорожный шов.

Бродит ястреб поверх тополей,
Молодой, вороной мясоед.
О, кошмарный и быстрый, о нет.

Вдруг раздался свисток соловья,
Он упал, как кусок хрусталя,
За пшеничную цепь
Приподнял мою степь
И повлек в голубые края.

Там на небе одно есть село.
Не достанет туда жевело.
Как у первых ворот
Меня встретит народ
Целовать мой запекшийся рот.

А когда я разжал кулаки,
Были полными обе руки
Горьких трав земляных,
А из ран пулевых
Я достал двух шмелей полевых.

Васильков синеглазый комок
Взял с ладони, потупившись, Бог.
Был он в первом ряду
И у всех на виду
На пилотке потрогал звезду.

И стоял я убитый в степи,
Куда Бог меня сам опустил,
А навстречу уже
Шли ко мне по меже...
...шмель уснул в моем нежном ружье.

В землю Русьскую мой соловей
Все спешит из небесных полей,
Но тяжелый, как ртуть,
Воздух бьет его в грудь,
Помогите ему кто-нибудь...

НОЧНАЯ ТЕТРАДЬ

Снилось мне, будто я, когда жизнь опустела,
В старый дом неприметный по лестнице тихой вошел,
Дверь сама отворилась, приняв мое нежное тело,
А потом кто-то в сердце ударил ножом.
«Ладно, — думаю я, перед тем, как совсем захлебнуться, —
Посмотрю на него, на его бессердечный клинок».
Вижу: старый портрет от меня не успел отвернуться —
У него из груди вытекает такой же цветок.
В тот же миг он шагнул, акварельный пиджак обливая
Быстрой красной струей, — перепутались наши цветы...
— Слава богу, — сказал он, — я думал, что рама малая,
Полезай, дорогой. Я пошел. Повиси теперь ты.
И когда он исчез, растворился в тяжелых каштанах,
Появилась моя терпеливая в горе любовь,
Подошла, залепила мне нежною охрою рану,
Собрала на полу неподвижную голую кровь.
А под вечер вернулся угрюмый, но страшно веселый
Тот, что раньше висел здесь, но только облитый дождем,
Сел напротив меня и с улыбкой, что водятся в селах,
Стал кленовую палочку чистить стальным тонкогубым ножом.
Этой палочкой он размешал вермильон и берлинку,
Изумрудную зелень, белила, краплак, киноварь...
И, приблизивши кисть, вдруг убрал мне из глаз золотинку,
А взамен положил в них чужой близорукий янтарь.
Но уже на окно ночь повесила черные шторы
И обстала того, кто украл у меня пол-лица,
И тогда я вернул ему все его грустные взоры,
Потому что узнал в нем забытого мною отца.

Я его рисовал в полудетстве с семейного фото,
Чтоб не видела мама, — впивался в лицо карандаш...
Он был тоже художник: скопилась в глазах позолота,
А когда он нас бросил — лишь черная тушь да гуашь.
Был дружок у меня под названием нож перочинный,
И однажды, когда я услышал, как за полночь плакала мать,
Мы вдвоем с ним решили зарезать по этой причине
Тот отцовский портрет, из которого он собирался удрать.
Мама утром пыталась заклеить любезным «бээфом»
Те клочки, где смеялись его молодые глаза,
Но клочков не хватало, и вот над ослепшим портретом
Наклонилась она, как над садом сухая гроза.
Что вы так на меня удивленно и дико глядите?
Сами, что ли, мальчишками не были, что ли забыли уже,
Как сжимается сердце, когда половинка родителей
Исчезает из детства и тает, и тает во лже?
И во сне я мечусь: ох, как батя свечу зажигает,
И в очнувшейся комнате вижу, как он обнимает портрет,
На котором я маленький детские губы сжимаю,
Чтобы был, как у мамы, прикушенный в кровь трафарет.
Стало быть, на закате бегущего к осени лета,
Милый мой, ты решил наложить на живое лицо акварель,
Чтобы не было в нем материнского теплого света,
А бежал по лицу бесконечный умелый кобель?
...Открывается дверь. Десять тысяч друзей и поэтов,
Кто живою водой, кто железом и бархатом рук,
Вынимают меня из двойного ночного портрета,
Когда в темную дверь раздается мой утренний стук.

• • •

Медлительно плывут казанки...
Приют и май на берегу,
Когда звонарь играет склянки
На отуманенном лугу.

Причалим мы. Цветы разбудим.
Досад и лепетов забудем.
В отъезжем поле – миру мир,
Друзья удельные мои
И кони пленные и и
Все ниже, ниже наши выи,
Лишь сон в пушистой голове,
Что мы остались одне,
Что мы остались одне
Любить огни городовые.

• • •

Ну, падай, снег.
Твоя монарша власть
Напоминать, что есть на белом свете
Зима, в которой мама родилась
И стала жить в моем автопортрете.

Огонь весны неистово горит.
Вот женщины пришли, легли в акации.
Одна из них о счастье говорит
Под музыку Российской Федерации.

ОТЧАЯНЬЕ

Куда ты, городской огонь,
Плывешь, и с горечью не гаснешь,
И не идешь ко мне в ладонь.
Куда ты, городской огонь?

Куда ты под Васильев вечер
Запропастился, старый друг,
Твою жену «беру за фук».

Но говорят, ты был в плену:
В цветущем хлебе и во льну,
И воротился во тумане,
А лес системы березняк
(Коль не расстаться вам никак)
Пускай стоит в оконной раме.

Да не грусти ты так, дружок,
Ведь я отдал тебе должок...
А у тебя в лице нет света,
Зато две женщины в саду
На радость нам иль на беду
Проговорили до рассвета.

Как заплачу я в синие ленты
Перед группой русских цветов
За деревней, которой уж нету,
Лишь осталась кирпичная кровь.

Вещество мое все помирает.
Принимая печаль этих мест,
И душа с себя тело снимает
Среди низко опущенных звезд.

Пока льется из глаз проявитель,
Вижу, как погубили обитель:
Растерзали деревья и доски.
И большие кукушкины слезки.

• • •

Ну что ты, товарищ, ну спи на плече,
Где волос, не собранный в узел,
Чернее вот этих чудесных очей,
Живущих с твоими в союзе.

Ну что ты, товарищ, тоска не пройдет.
Не вешнее лето. Простое.
Вот дождь. Этот дождь постоит и уйдет
За ваше село золотое.

Ну что ты, товарищ, тоска не пройдет,
И так же, как в прежние лета,
Зима нападет и снег упадет
У серых ворот сельсовета.

ЦВЕТЫ ЗАПОЗДАЛЫЕ

Когда-нибудь на склоне лет
Ты мне подаришь слово «нет»,
И будешь в том права, царица...
Ужель меж нами воцарится
Старинной дружбы комитет,
Иль у тебя иммунитет?
Тогда быстрее под пистолет, —
Уж лучше сразу застрелиться,
Чем со смирением молиться
На твой смеющийся портрет.

А впрочем — нет: чего бояться,
На Туле будем мы стреляться,
Чур, брови в нитку не сводить!
Твои глаза должны смеяться,
Чтоб мог я пулю уронить,
Ну, а теперь изволь стараться —
Полсердца можешь мне разбить...
Зато вторую половину
Я сам поближе пододвину.
— Не укоряй меня, дружок,
Пока я

п
а
д
а
ю

в

с
н
е
ж
о
к

ПЕПЕЛ

Все заросло высокою травю,
Мне не дойти до отчего крыльца,
Зато цветы, что жили под горою,
Теперь стоят у мокрого лица.

Я не один. Нас много во печали.
У всех в лице отцовские черты.
Мы только здесь друг друга повстречали.
Нас привели тяжелые цветы.

Из тридцати лишь первый задержался,
Мы ждем его и видим сквозь траву:
Вот он упал, вот бережно поднялся,
Вчера лишь год исполнилось ему.

Но все равно — он первый на пороге,
Он нас зовет в забытый нами дом,
А по дороге тополь одноногий
Идет за нами плакать под окном.

Лишь мы вошли, как два пятна на стенке
Наполнились светом золотым:
Портрет отца в заштопанной бессменке
И мама молодая рядом с ним.

На этом месте синяя известка
Вновь превратилась в нежный негатив,
Я видел, как отвел глаза мой тезка,
Но все же сел за стол он супротив.

А где малыш? Отцова табуретка
Теперь твоя. Командуй, дорогой.
На этот край — восьмая пятилетка,
А юноши и дети — на другой.

К стеклу прижавшись, тополь многодетный
Смотрел, как в печке новенький огонь
То на колени падал, беззаветный,
То красной гривой встряхивал, как конь.

Что ж мы молчим? Семнадцатый от края,
Скажи, ведь ты последний уходил...
— Дай мне гармонь, я все тебе сыграю,
Отцовскую, прости, не сохранил.

А ты? А ты? — Не надо, брат, не надо.
Никто отца и мать не навестил.
Я видел: вдоль реки брела ограда...
Он и ее на волю отпустил.

Он замолчал, и в это время сильный
Раздался стук. Печальное окно
Рукою тополь вынул многожильной,
Зажав, как «пусто-пусто» в домино.

— Отец и мать ходили на дорогу,
За край села, за дальнюю межу...
И вместе в один день явились к Богу —
Он их позвал. Пойдемте, покажу.

Он им сказал:
Я вам нашел замену,
Вы сильно износились, сизари,
Два клена посажу и их, как вас, одену,
Чтоб дети узнавали издали.

Все встали вон. В поношенной шинели
Шел тополь впереди, — за стариком
Ограда шла, за ней цветы синели
И братья мои двигались комком.

И сколько ж нас таких вот, опоздавших,
Живых, но как бы без вести пропавших,
Отца и мать на старости продавших
И лишь теперь заплакавших навзрыд, —
Видать, душа не вытерпела муки
Беспамяतства бессовестной разлуки
И, содрогнувшись, выделила стыд.

И вот теперь в своей прокуратуре,
В своем бессонном пристальном суде
Мы ищем оправданья в диктатуре
Тяжелой памяти, но нет его нигде.

Тогда зовем к родительскому дому
Всех тех, кем были тридцать лет подряд,
Все кажется: они нас по-другому
Осудят и к любви приговорят.
И я позвал, но, сколько ни старались,
Друг друга не могли никак понять,
А со стены нам горько улыбались
Отец и мать.

Теперь пора. Дрова почти сгорели.
И день сгорел. Два клена за селом
Мне встретились и долго вслед смотрели...
Ведь я один сидел за тем столом.

• • •

Еще не померкли цветы луговые,
А тополь с женою обнявшись идут,
И лошади бродят вокруг легковые,
Цветы непомеркшие бережно гнут.

Учитель с учителькой едут в тумане
(Крючков – Бархударов да Бойль – Мариотт),
Крючков-Бархударов смеется на раме,
А крутит педали мсье Мариотт.

А вот показалась большая-большая
Корова-корова – звезда между рог.
Она наклонилась, теленку читая
Зеленую книгу, зеленый лужок.

О чем ты так горько задумалось, лето?
Забыло на резкость поставить узор...
Стоит восклицательный флаг сельсовета,
Да школы неполной пронзительный взор

Напомнит, что в этом березовом корпусе
Есть время, и место, и род, и падеж –
Где милая мама, как в детстве... не в фокусе...
Даст хлеба два томика – с Пушкиным съешь.

ОТОЙДИТЕ,
НЕ ЛЕЗЬТЕ КО МНЕ

У меня ничего не готово,
И стихов я почти не писал.
Золотого тяжелого слова
Я три года уже не сосал.
А вчера чуть совсем не разбился,
С журавлями снижаясь к земле..
Мне сказали, что я изменился,
Что три года я был на войне.
Ладно, ладно, ура,
Но под песни и крики
Никому не сказал, никому не стравил,
Что мне снятся товарищи:
Петр Великий, Николай Чудотворец, Святой Михаил.
В нашем черном лесу
Каждый день помирает садовник,
Но приходит другой,
Как и я, с бесконечной войны —
Золотые слова каждый день он приносит с помоек
Для друзей для своих,
Для своей беззаветной страны.

УЧЕБНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Отбросив две печали, две фрустрации,
Поглубже заглянув в стекло оконная,
Увидел я, как с побледневшей станции
Взглянули на меня огни вагонная.

Крестьянский поезд плавно приближается,
Цветами полевыми загружается,
Жена, свернувшись, спит в солдатской комнате,
А встанет, пусть заплачет, вы напомниме.

Поэт стоглазый, спит твой дом трехпалубный,
Возьми скорей во сне глагол неправильный,
Пока ты выключаешь свет березовый,
Спит девочка с тобой из книги отзывов.

Проснешься — сразу видишь руки тонкие,
Глагол блестит, вино летит в стаканы звонкие.
Она (пока ты пьешь помятым хоботом)
Твою картину кормит светлым кобальтом.

Ну что за голова — одни фантазии,
На службу мне пора, а я все лажу,
Придумал про цветы, про книгу отзывов,
А там опять крестьяне грузят озеро в.

О, что я слышу – в нашем доме музыка!
Я б посмотрел, да щелка очень узенька,
Неужто кто приехал в ночь дождливую?
И вот играет музыку счастливую...

Вставай, жена, бери свою гармонику,
А я возьму гитару семижильную,
Давай с тобой сыграем по двухтомнику
Про нашу жизнь с тобою факсимильную.

Наш домик, изготовленный мальчишками,
С кудрявою черемухой под мышками,
С раздутыми на счастье занавесками, –
Плывет к земле с большими перелесками.

Трехпалубный, все части деревянные,
Из города сбежал, бежит полянами,
Наверно, пробирается на родину,
А мы ему давай споем Володину.

Гори, гори, грудное сердце русское,
Играй, играй, стихотворенье узкое,
А ты, поэт, завязывай, завязывай
И никому о счастье не рассказывай.

ПЕСНЯ ДЛЯ КИНОФИЛЬМА

Грустит собака. Грустные глаза.
Зеленые глаза. Над огородами
Подсолнухи потухшие, роса,
Картошку уже выкопали, продали.

Подруги за плетнями: у да у...
Да лодочница с горькими глазами
Мне встретится на быстром берегу
С большими довоенными слезами.

Грустит собака. Оные глаза
Набухли, растопырились, рехнулись.
Когда с войны вернулся я назад,
Собаки меж собой переглянулись.

• • •

Стихи мои – товарищам помин.
И иней хлад, и снег печален быти.
Очей зеницы влагою сокрыты
И снова увлажняются по ним.

Как будто наша общая душа
Уже дошла до горького предела,
Но к тем, кто ей бессмертье обещал,
Она уже безмерно охладела.

Там впереди зеро, дружок, зеро,
А здесь у нас последняя опора
Вся состоит из дружеского взора,
Где золото, и сталь, и серебро.

Не уповай на детскую броню,
Когда исчислен летоуказатель,
Аз верую и бережно храню
Средь всех очей лишь эту пару пятен.

Как топовой огонь на корабле
Горит кому-то ясно и сладимо,
Так и душа – прекрасна и людима,
Пока сама не помнит о себе.

• • •

Нам этот стыд запишут в минуса.
Туши огонь. Пусть тело телу служит.
Пусть наша дружба горечь обнаружит.
Пусть наша дружба горечь обнаружит.

Я просто говорю, что сердцу стало больно.
Вот развязался узел твоих любимых рук.
В саду вишневом спит пустая колокольня.
Когда умру — товарищи засунут под траву.

Мы — не поэт. Дверь скрипнет. Ветер вскрикнет.
Рука вино в стакане выгнет.

• • •

Красный, как май, жеребец —
Надо ж такому присниться:
Будто бы мать и отец
Едут в деревню Провинция.

Черный, как ночь, жеребец
Должен вот-вот появиться.
Ждут меня мать и отец
В тихой деревне Провинция.

Белый, как снег, жеребец,
Дай мне еще помолиться:
Живы и мать, и отец
В светлой деревне Провинция...

• • •

За деревней, в цветах, лебеде и крапиве
Умер конь вороной во цвету, во хмелю, на лугу.
Он хотел отдохнуть, но его всякий раз торопили,
Как торопят меня, а я больше бежать не могу.

От веселой реки, по траве, из последних силенок,
Огибая цветы, торопя черноглазую мать,
К вороному коню, задыхаясь, бежит жеребенок,
Но ему перед батей уже никогда не сплясать.

Председатель вздохнет, и закроет лиловые очи,
И погладит звезду, и кузнечика с гривы смахнет.
Похоронит коня,
Выйдет в сад покурить среди ночи,
А потом до утра своих глаз вороных не сомкнет.

Затуманится луг. Все товарищи выйдут в ночное,
А во лбу жеребенка в ту ночь загорится звезда,
И при свете ее он увидит вдали городское
Незнакомое поле. Вороного тянуло туда.

За заставой, в цветах, лебеде и крапиве
Умер русский поэт во цвету, во хмелю, на лугу.
Он лежал на траве, и в его разметавшейся гриве
Спал кузнечик ночной,
Не улегшийся, видно, в строку.

И когда на заре поднимали поэты поэта,
Уронили в цветы небольшую живую тетрадь,
А когда все ушли, из соседнего нежного лета
Прибежал жеребенок, нагнул и начал читать.

• • •

Грусть невестина. Идет теплый снег.
Все поставлено на свои места.
Мне невесело. Я люблю вас всех,
Кто любить меня перестал.

Вот начало пути. По нему пойду
Вместе с вами, возьмите, а?
Чтоб не видеть, как бедная церковь в саду
Прячет очи от глаз вырезвителя.

Сколько ног вышивало мне снег под окном,
А потом, когда пряжа рвалась,
Я прощенья просил у знакомых икон,
Что втоптал эту вышивку в грязь.

Возжалеть бы о прошлом, но черт начеку —
Кони сбились с дороги и встали,
И не могут никак заступить за черту,
Где любить вы меня перестали.

Грусть невестина. Идет вечный снег.
Все поставлено на свои места.
Мне невесело. Я люблю вас всех.

• • •

Александрю Плитченко

Черный снег замаячит на взгорье,
И метель дорогих деревень
Нарыдавшись, вплетет в изголовье
Отгоревшую в горе сирень.

Там на небе цвета побежалости,
Разливаясь в причудливый свет,
Просияют печалью и жалостью,
Для которых названия нет.

Вот и хлынула кровь из России,
Вот и замерли руки по швам –
Всем всучили, хоть мы не просили,
Кому срам, кому шарм, кому шрам.

В мавзолее вечернего сада
Поплывет по рукам стеарин,
Есть в России одна лишь награда –
Крест нагрудный из двух крестовин.

• • •

Я забыл, что со мною случилось
За минувшие несколько лет,
Отчего так душа омрачилась,
Кто убавил в ней ласковый свет...

Этой вежливой жизни изжога,
Выжигая свой жадный узор,
Ничего не жалела живого,
Вынуждая на стыд и позор.

Никогдаже не быть нам счастливыми,
Никомуздо не княжить в любви —
Ангел жизни губами правдивыми
Осень жизни уже протрубил.

Ветер гонит пьянящие волны, —
Голова полукружится в дым.
Все быстрее бечева колокольни,
Все блаженней поет серафим...

Облака, что столпились у церкви —
Словно девушки в белом цвету,
Лишь скользнет по ним взгляд офицерский
С сигаретой цветущей во рту.

По высоким сугробам лабазника
Разливается ласковый свет..
Никакого сегодня нет праздника,
Потому что любви больше нет.

• • •

Небо над улицей Гоголя милое темное
десять ведь
Вечер чудесные свечи с вечера вздуты
у гордой Галины
Сессия?
Ой да не сессия
Ну так тогда именины

Мальвы наломаны
Мальвы наломаны
Розданы славные

• • •

Чей
 чей
 чей
 ЭТО КОНЬ
 ЭТО КОНЬ
 ЭТОТ КОНЬ
Оторва Оторвался от железного кольца
И летит – грива льется, как гармонь
Молодого, убитого Германией отца.

Я рвану
 этот ситец
 этот ситец
 от плеча –
На которрром цветут русские цветы –
И пойдет он по кругу сгоряча,
Как невест обходя яблонь белые кусты.

Вот уж бабы завыли
 завыли
 уж сердцу невмочь,
Пляшет с бабами конь вороной вороной –
Все быстрее и быстрее – уж ничем нельзя
 помочь,
Как тогда, перед самую войной.

Плачь, гармонь,
 да плачь, хорошая,
 во все цветы
 навзрыд —
В саду Сталина осыпался на гриву весь ранет.
Сам товарищ Сталин на учет сейчас закрыт,
А открою, когда будет мясоед.

Все пройдет...
 солдатка
 слезы
 черной гривой
 оботрет
И прибьет к столбу свое железное венчальное
 кольцо,
Чтобы конь, хрипя, не рвался из распахнутых
 ворот
По дорожке,
 занесенной
 лепестками,
 за отцом.

• • •

Саня пил вино зеленое
С незабудками в руке,
Две березы в черных платьях
Показались вдалеке.

Господин мужик с гитарой
Поднимался от реки,
Напевая грудью впалой
Одинокие стихи.

У ручья, в траве деревьев,
Мальчик с липовой ногой
Спит лицом на оглавленьи
Нашей книги дорогой.

Через поле маргариток
Все, кого я помянул,
Собралися на молитву,
Да и я не преминул.

Суслик с мокрыми глазами,
Покажи мне со слезами
Позаброшенную флешь...
Вот удача. Рыть не надо.
Здесь пшеничная ограда
Для несбывшихся надежд.

• • •

Покрести на дороге мне сердце и сокола выпусти,
Отцвели васильки у тебя на высоком лице.
В час вечерний у рощи прощальной прощенье нам выпроси,
Где стонал соловей и дрожали огни на ВЦ.

И за рощей за той, причиняя земле ожидание,
Осень красное платье снимает и дарит тебе.
Вот и будет теперь на лице у меня два страдания:
Как мне вас различать и кого мне любить в сентябре.

Серый гусь просвистит, словно свет собирает от сокола,
И сойдутся они над моей головой в небеси,
И перо упадёт мне под ноги с гусяного локона,
Чтобы я написал тебе мертвое слово «прости».

Пусть уж лучше, как встарь, золоченым замком сердце заперто,
Пусть соловушка в роще осенней уронит ключи,
А зима подойдет — упадет в этом месте он замертво,
И сожмется сердечко, как красный кусочек парчи.

Я посею цветы по высокому русскому снегу,
Чтоб играла метель в васильки, васильки, васильки,
Но ударил вернувшийся сокол под сердце с разбегу...
...Гусь летит в середине рыдающей русской строки.

• • •

Я вспомнил себя и заплакал —
Как мальчиком русским я был,
Как с черной кудрявой собакой
Зеленую землю любил.

Мы жили в Советском Союзе,
Наш дом был у самой реки,
Еще не развязан был узел
Моей и отцовской руки.

Была мне и радость, и вага,
Но что-то случилось в груди,
И хлынула первая влага
Про то, что вся жизнь позади...

— Вставай, — мне шептала собака, —
Уж поздно. Пора на покос.
Меня обнимала рубаха,
Служившая мне на износ.

Цветы с голубыми глазами
Смотрели мне прямо в лицо —
Мы сразу их с мамой узнали,
Попав в голубое кольцо.

По мокрой росистой дорожке
Мы с мамой шли босиком.
Два низких заросших окошка —
Заброшенный мельничный дом.

В том доме жила одиноко
Колхозная лошадь Звезда,
И часто смотрели из окон
Слепые от жизни глаза.

Из рук моих клевер и донник,
Сомлевший в кошелке, брала,
И вновь ее мельничный домик
Из детства в туман уплывал.

И мама опять улыбалась:
Для Звездочки шторки бы сшить...
И эта житейская малость
Запала на всю мою жизнь.

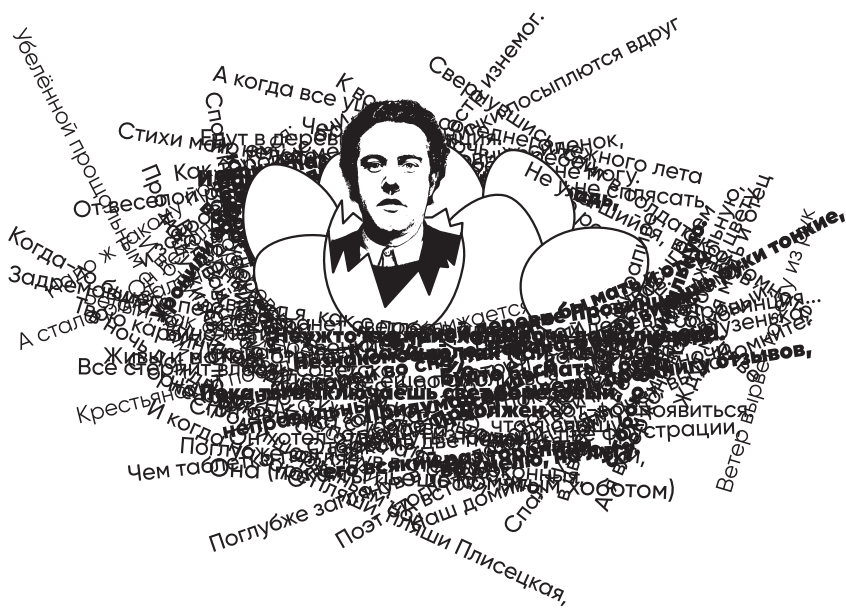
На этом позвольте закончить:
Мне слезы мешают писать,
Поскольку те горькие очи
Я так и не смог прочитать...

• • •

Любимый город пьян, и сыт, и пьян.
И стыд-головушка, и на голову выше
Большой буран по русским деревням,
По деревням, да мы оттуда вышли.

Но как метет, товарищ Берлиоз,
Как тяжело тому вон экипажу,
Который Пушкина коричневого вез,
Меня ни разу.

Прости ж меня, святая благодать.
И ты, моя шампанская поэзия —
Готовая смеяться и страдать
Березовая в доску Полинезия.

ЕВГЕНИЙ ЛАЗАРЧУК

ОТАВА

Лазарчук Евгений Александрович родился 24 сентября 1949 года в деревне Ефремовке Куйбышевского района Новосибирской области. Окончил филологический факультет Новосибирского государственного педагогического института. Работал учителем русского языка и литературы в селе Нагорном Куйбышевского района, был литсотрудником сельхозотдела, заместителем редактора и редактором районной газеты «Трудовая жизнь» (город Куйбышев), секретарем Куйбышевского горисполкома. В конце 80-х перебрался в Новосибирск, был заместителем директора Сибирского отделения издательства «Детская литература», главным редактором Сибирского отделения издательства «Наука».

Участник сборника «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989). Печатался в журнале «Сибирские огни», в газетах и коллективных сборниках. Автор-составитель книги «Золотой бык в зеленом и красном поле» (Новосибирск, 2022) об истории Куйбышева (Каинска).

Живет в Новосибирске.

ВЕСНА ВИЙОНА

Когда меня тащили вешать,
Ветра из теплой синевы
Несли ликующую свежесть
Едва пробившейся травы.
Хлебами, бабами и миром
Дышала влажная земля.
Но сбегал лавочник за мылом,
Чтобы душней была петля.
И, окруженный мешаниной
Из красных рож и потных тел,
Палач с разорванной штаниной
Кровавым яблоком хрустел.
Преступником – не страстотерпцем –
Сей грешный покидая мир,
С потухшим взглядом,
С тяжким сердцем,
О чем я думал в этот миг?
О незаконченной балладе?
О неизведанной любви?
О жизни,
Что прошла в разладе
С законом, богом и людьми...
Повис...
Ну хоть бы зазнобило.
Повис,
А небо – наяву.
Я думал: все.
Не тут-то было.
Повис – и чувствую: живу!

Но чтобы показать сквалыгам,
Что я подох,
Веселый крик
Сдержав, я пяткою подрыгал,
А после выкатил язык.
Люд разошелся, видя это,
Чтоб за костями и вином
Торжествовать: мол, наконец-то
К чертям отправился Вийон.
А я, лишь только рассвело,
Удрал в далекое село.
Дух плодородья надоумил
Меня не помышлять о зле,
Я хлеборобом, братцы, умер
И похоронен был в земле...

ХЛЕБ ШЕСТЬДЕСЯТ ВТОРОГО

Утро.
Я еще в постели.
А в селеньях-городах
Все постели опустели,
Все давно в очередях.
У продмага,
С желтой сеткой,
Мерзнет с раннего утра
Рядом с заспанной соседкой
Невеселая сестра.
А чего тут веселиться?
Нет хлеба.
В октябре.
Горожане морщат лица
И мечтают о тепле.
Что-то вспомнилось кому-то
(...продразверстка... жмых... труха...)
В это розовое утро
С красным гребнем петуха.
Я корежусь на ветру,
Я пришел сменить сестру.
Та, поднявшаяся в пять,
Убегает досыпать...
Неуютно спозаранку,
Зябко мне, и спать хочу,
Но заветных три буханки
Наконец-то получу.
И, шагая по проулку,
Счастлив, что домой иду.
И краюху теплой булки
Уминаю на ходу.

В БАНЕ

Были бани у реки,
Потому что мужики
К чистоте всегда стремились.
От воды и от тепла
Багровели и струились
Их могучие тела.

Веник, словно муравейник,
Обжигал бока и зад.
И горланил мой ровесник,
Как полсотни поросят.
Выбрав место, где посуше,
От жары разинув рот,
Я сидел и скорбно слушал,
Как товарищ мой орет.

А закатное оконце,
Солнце красное поймав,
Впечатляюще и косо
Кровенело сквозь туман.

Словно дьявол,
В банной саже,
Грудь в наколках – все кресты,
Подмигнул мне дядя Саша:
«Полезай, племянник, ты».
Ох, давал мне веник жизни,
Но, корежась на полку,
Все стерпев,
Я по-мужицки
Прохрипел:
«Поддай парку!..»

В черной бане у реки
Хохотали мужики.

СТАРИК И ОСЕНЬ

Я все понимаю, Егорыч.
Предзимняя наша тоска
Понятней, чем тонкая горечь
Полынного стебелька.

Я с давней поры примечаю,
Душой прикипевший к весне,
Что осень и так удручает,
А осень и старость вдвойне.

Опять ты угрюм и несносен,
Бранишь то старуху, то дождь.
Я знаю: ты каждую осень
Негаданной смертушки ждешь.

Оставим зиме партизанить,
Приканчивать крохи тепла.
А гроб, что под яблоки занят,
Вовек не дождетя тебя.

Егорыч, тревоги напрасны,
Зимуй, дожидайся весны.
С тобой потолкуем не раз мы,
Если не будет войны...

• • •

Без ужина он не отпустит.
Упрямо мотнув головой,
С бутылкой и чашкой капусты
Вернется из кладовой.

Простерши дрожащую руку,
Привычную к буйной гульбе,
Нальет мне в щербатую рюмку,
В цветастую кружку себе.

Я знаю: он снова едва ли
Не вспомнит о прошлой войне.
Свои ордена и медали
Притащит показывать мне.

О том, как прощался с молодой,
Которую шибко любил,
О том, как прямою наводкой
По «тиграм» немецким лупил.

Расскажет...
Тарелки и ложки
Локтем отодвинув, хмельной
И слабый до боли,
Предложит
Померяться силой со мной.

А я, чтоб не вызвать обиду,
К тому ж уважая родню,
Посопротивляюсь для виду
И руку на стол уроню...

МОКРЫЙ СНЕГ

Петру Кошелю

Над отрывкой сытою, над бедами.
Перышки роняя в ваши руки,
Облетают чьи-то крылья белые,
Колыхаясь в снежной завихрухе.

Мокрый, как звезда у неба в мочке,
Просвистев над тающей крышей,
Синим пупырышчатым комочком
Человечек упадет бескрылый.

А худая старенькая женщина
Подбежит к нему, распластанному, голому,
И прошепчет горько:
«Что ж ты, Женечка,
Полетел в нелетную погоду?»

• • •

Хорошая была рубаха
У Вовки.

Если бы со зла
Не порвала ее собака,
Она бы век была цела.

Хорошая была деваха
У Вовки.

Если бы весной
Она не вышла за завмага,
То стала бы его женой.

Хороший парень был Володя.
О нем осталось лишь тужить.
Не утони он в половодье —
На свете легче было б жить.

ЛЕСНИЧИХА

...До села четыре километра.
Я живу у клюквенных болот.
И совсем ссутулилась от ветра,
Подурнела от сплошных забот.
Не к добру перевернулись сани
Год назад,
У Марьиного пруда,
С красным ртом и синими глазами
Я невестой ехала сюда.

Поначалу – песни, вышиванье.
А с июня
(Муж ушел на фронт)
Не житье пошло, а выживанье...
Красные глаза и синий рот.

И не знаю я, кому страшнее,
Кто из нас удачливей в судьбе:
Муженек под пулями в траншее
Или я в простуженной избе.

Сено вышло.
И утрами стекла
Словно от бомбежки дребезжат.
И мычит некормленная телка,
И охота со двора бежать.

И реву
(Но сена не посмела
Воровать в колхозе),
И реву,
Дергая руками из-под снега
Обоюдоострую траву.

КРАСНЫЕ КОНИ

(Отрывок)

I

Ржала рыжая валюта,
Листья дергая с куста,
Выла в горнице Варюха,
Руки в клочья искусав.
Билась ласточкою в стекла
Или как в лампадку моль,
Голосила: «Где ж ты, Степка,
Зоревой, желанный мой!»

Синеокою Варюху
Отдавал отец-кацап
За гундосого ворюгу,
За проезжего купца.

Заливая водкой сделку,
Чтобы кончить все скорей,
Бородач все славил девку,
А купец хвалил коней.

А купец с похабной шуткой
Ковырял на лбу прыщи
И отрыгивался шумно,
Перхоть стряхивая в щи...

Расставаться с жизнью тошно...
Мимо охающих баб
Проскочила осторожно
На крыльцо,
Потом – в амбар.
Там висел,
От пыли сер,
Старый серп.

Кто любви до смерти верен,
Тот иначе бы не смог.
Заструился из-под двери
Земляничный ручеек.

Засветился одиноко
И в траве рябой потух.
Удивленным желтым оком
На него глядел петух...

II

По деревне в край из края
Бегал он, вопил под окна:
«Мужики, коней украли!
Ой ты горе, ой, подохну!»

...Окружили конокрадов,
И опять же кровь текла.
Словно восемь красных радуг,
Их ворочались тела.

А потом Редякин Прохор
(Взмах и выдох: «Поделом!»)
Добивал воров, кто охал,
Разлохмаченным колом.

III

Отведи прядь рукою,
Погляди:
Вдалеке
Бродят красные кони
У реки, в тальнике.

Рок их жаждою морит,
Кони гнут поводка,
Но от огненных морд их
Закипает вода.

Нет печальнее доли.
За людские грехи
Не напьются те кони
В тальнике,
У реки.

• • •

Осенний лес.
Он вымок весь —
С верхушек до полянок.
Листы — следы.
Наверно, здесь
Проковылял подранок.

Его любви пришел каюк,
И ей не возродиться.
Он по траве ушел на юг
И вряд ли возвратится.

Леса за искренность люблю,
И врат в лесах негоже.
Здесь делать нечего рублю
И горлопанам — тоже.

КОСТЕР

Налетели ко сну
Комариные орды.
Кони тянут к костру
Большегубые морды.
В глубине их очей
Солнце красное дышит.
Синий ветер ночей
Дым пахучий колышет.
От сиреневых струй
Нечисть липкая схлынет.
Лошадиный ты друг,
Костерок из полыни.

АЛЫЙ БАНТ

Как входила в Красново банда,
Хоронился народ — кто куда.
Не хватило девчонке банта
Кумачового.
Не беда!
Комячейка палит с колокольни:
За Советы — во веки веков!
И несут одуревшие кони
Окровавленных седоков.
Не тоскуйте, лесные тропы,
По веселым ее ногам.
У нее в подоле патроны,
В загорелой руке — наган.
Не зови ты, рожок пастуший,
В солнцем залитый березняк...
Обвисают бандитские туши,
Как мучные мешки, на плетнях.
Медоносны луга в июле,
И росисты цветы — только тронь...
Но все гуще ложатся пули,
Все прицельней идет огонь.
Пошатнулась...
Под сердцем взмокло...
Рана — огненные края.
Легкой смерти тебе,
Комсомолка,
Журавлинка, кувшинка моя!
Летний ветер,
Теплый и пряный,
Прикасался к поблекшим губам.
На груди пламенела рана,
Трепетала, как алый бант.

ГРАЧИ. NEVERMORE

Вслед за пахарем прилежным
Ходят жадные грачи.

А. К. Толстой

Пусто место сие,
Ни жилья, ни жнивья...

Из незавершенного

Свято место без труда отыщем.
На него нас выведет река,
И уже видна издалека
Рощица с грачиным городищем.
Здесь, где нынче траурные травы
Никнут в замогильной тишине,
Каждый год горластая орава
Дружно хлопотала по весне.

Помнила, что тут и кров, и пища,
Сельбище и дедов, и отцов,
И латала-ладила жилища,
Выводя и пестуя птенцов.

И, повадке следуя всегдашней,
По привычке, давней и простой,
Как и человек, кормилась пашней,
Шла за плугом вешней бороздой...
И тревожно сердце ворохнется,
Слишком поздно появился ты:
На зиму оставленные гнезда
Почему-то все еще пусты.

Снег уже давным-давно растаял.
Где же вы, пернатые крестьяне?
Или, от безлюдия устав,
Вотчину покинув,
Ваша стая
Обживает новые места?..

Покружив над ней
С тоскливым граем,
Канула в неведомый простор
И навек простилась с отчим краем
Чужеземным словом: «Nevermore».

• • •

Ветер вырвет газету из рук
Задремавшего пенсионера,
И снежинки посыплются вдруг
На газоны весеннего сквера.

Сразу станет светлее в аллее,
Убеленной прощальным снежком,
Что растает гораздо быстрее,
Чем таблетка под языком...

ЛЕГИОНЕРЫ

Ave, Caesar, morituri te salutant!

*Приветствие римских гладиаторов
императору перед боем*

О вольной жизни можем только грезить,
Все тяготы армейские терпя.
Мы тоже вправе крикнуть:
«Славься, Цезарь!
Идущие на смерть
Приветствуют тебя!»
Наш путь лежит к мятежным племенам
И варварам, еще не покоренным.
Туда лететь серебряным орлам,
Туда шагать железным легионам.
Мы воины твои, великий Рим.
Твои границы неприкосновенны
И скоро станут краем Ойкумены
И скоро станут краем Ойкумены
Там, где мы землю кровью обагрим.
Мы — твой таран, твой меч и твой заслон,
Творцы твоей имперской грозной славы.
И поступь наших маршевых колонн
Вгоняет в дрожь соседние державы.
Пусть нас пошлют хоть к черту на рога,
Врага любого одолеть мы сможем.

Не будем врать, что жизнь недорога.
Конечно, дорога.
Но честь — дороже.
Мы движемся в неизбежном строю,
И лишь вперед,
Ни шагу — на попятный...
Да будет проклят и навек запятнан
Позором тот,
Кто драпа даст в бою.
А если вдруг в сражении однажды
Отступит вся когорта,
Есть закон,
Карающий за трусость:
Будет каждый
Десятый
В назиданье всем казнен...
Нам долго жить на свете не дано,
Состариться, наверно, не успеем.
А заодно и знать не суждено,
Где прах наш будет по ветру развеян.
Стервятники кружат — не жди добра.
И если умирать придет пора,
Пусть будет гибель легкою и скорой.
И дымом погребального костра
Вернемся мы к тебе,
Наш Вечный город...

ДЕКАБРИСТЫ. СИНОДИК

...и я бы мог...

А. С. Пушкин

*(строка возле рисунка, на котором
изображены казненные декабристы)*

Бунтари, вольнодумцы, поэты,
Вы за все расплатились с лихвой.
Осыпаются с плеч эполеты,
Шпага сломана над головой.
Всем, кто вышел на площадь, — опала,
Пятерым — эшафот и петля.
Это участь
Кондратия,
Павла,
Михаила,
Сергея,
Петра.
Смерть кружила над ними двуглавым,
Беспощадным имперским орлом.
Прощайтесь
С Кондратием,
Павлом,
Михаилом,
Сергеем,
Петром.

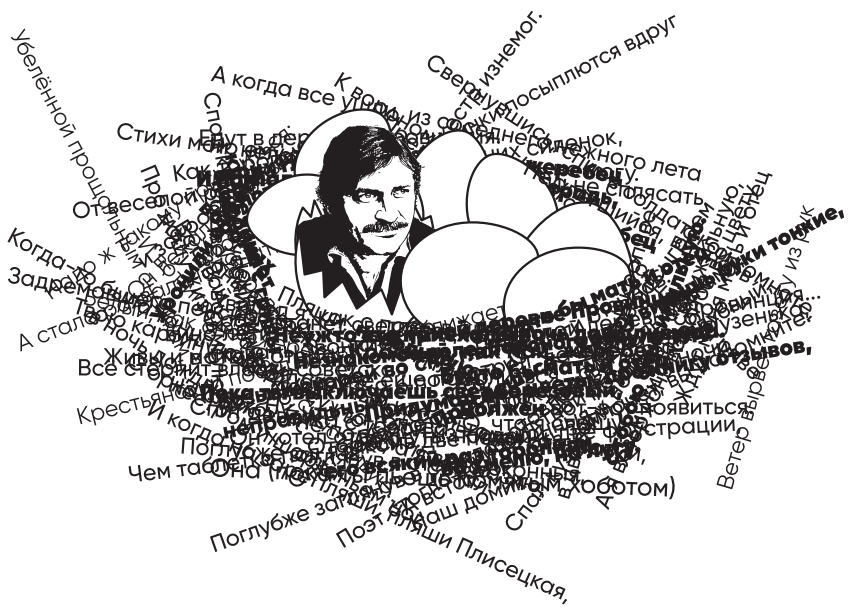
На рассвете свершится расправа,
И суглинок сокроет тела.

Где могила
Кондратия,
Павла,
Михаила,
Сергея,
Петра?

По паркету дворцового зала
Пролетает за парюю пара,
И музыка гремит до утра.

В ослепительном празднестве бала
Вряд ли вспомнят
Кондратия,
Павла,
Михаила,
Сергея,
Петра...

Но настанет иная пора,
И придет запоздалая слава...
Так давайте помянем
Кондратия,
Павла,
Михаила,
Сергея,
Петра...

НИКОЛАЙ ШИПИЛОВ

ИМЯ – ЖИЗНЬ

Шипилов Николай Александрович (1 декабря 1946 – 7 сентября 2006) родился в Южно-Сахалинске, вырос в Новосибирске. Учился в авиационном техникуме, затем в Новосибирском государственном педагогическом институте. В 16 лет ушел из семьи и начал самостоятельную жизнь. Работал грузчиком на жиркомбинате, был артистом хора в Новосибирском театре музыкальной комедии, озвучил своими песнями почти сто передач новосибирского телевидения; был полевым рабочим в геодезической партии, строил коровники, трудился в леспромхозах; работал токарем, бетонщиком, штукатуром, монтажником, корреспондентом газеты «Приобская правда». В 1986 году был принят в члены Союза писателей СССР. В 1989 году окончил Высшие литературные курсы в Москве.

Автор сборников прозы «Ночное зрение» (М., 1984), «Пятый ассистент» (М., 1986), «Шарабан» (М., 1987), многочисленных журнальных и газетных публикаций стихов и прозы. Участник сборника «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989). Автор и исполнитель песен, многие из которых вошли в бардовские антологии. Лауреат нескольких литературных премий.

• • •

Как давно я друзьям не писал!
Знаю адрес, а живы ли? Нет ли?
По дороге капканы и петли
Кто-то ушлый на нас разбросал.

Как вы в новых суровых годах,
Земляки, что землицею сыты?
Все ли воду таскаете ситом?
Все ли ветры искрят в проводах?

Я без вас, как сухой чернобыл.
Черный креп на глазищах бесстыжих.
Я страну дорогую не вижу,
Если лица друзей позабыл.

В эту звездную ночь сентября,
Что сияет по старому стилю,
Вы б меня за молчанье простили,
О былом до зари говоря.

И тогда я увижу страну
Зябкой ночью ли, в ясный рассвет ли...
По дороге капканы и петли
Обману, обойду, обогну.

За стеною – чужой говорок.
За порогом – чужие напевы.
Эх, друзья мои, где же вы, где вы?
Заходите в острог моих строк...

ДУРАК И ДУРНУШКА

В нашем доме, где дети, коты и старушки
Во дворе дотемна прожигали житье,
Жили двое в служебке: дурак и дурнушка,
И любили. Она – никого, он – ее.
Он ей пот утирал потемневшим платочком,
А она хохотала с метлою в руках.
Их жалели старушки, жалели – и точка.
На момент забывая о своих дураках.
Я носил им тайком свои детские книжки,
Я грозил кулаком тем, кто их обижал,
Все равно им рога подставляли мальчишки,
Когда старый фотограф к нам во двор приезжал.
Я по свету бродил. Часто был я без света,
Мне любимые люди ловушки плели.
Кто меня народил? Я считаю, что ветер
Самых дальних краев, самой доброй земли.
И упал я, сгорел, словно синяя стружка
От огромной болванки с названьем «народ»,
И несут меня двое – дурак и дурнушка,
Утирая друг другу платочками пот.

ПОХОРОНЫ ГАРМОНИСТА. 1970 год

Хоронили слушача...
Умер. Сердце не стерпело.
Билось, пело, а сейчас
Отстучало и отпело.
Он бывал необходим
На крестинах, на гулянке.
Только скажешь, мол, хотим, –
Он уже плетет «Цыганку».
Лишь мигнешь –
И старый вальс
Валит ровно из-под клавиш.
Был он жаден на слова:
Все словами не ославишь...
Тридцать лет играл на слух,
Повернув к двухрядке ухо,
Неудачливый в науках,
Был он глуп, но не был глух...

В огородах цвел анис.
Горизонт был в небо вогнут.
Пионер-сосед, горнист,
Все разучивал тревогу.
Подымал он к небу горн,
Тот звучал точнее, строже...
И катилось за бугор
Солнце пылью подорожной...

ФУТБОЛ

— Ко-о-ля! Ко-о-ля! —
Над полем футбольным. —
До-о-мой!
— Я, что ли?
— Ты, кто же...
Нет. Сейчас подают угловой,
Я забью этот гол головой.
Боже!
Пусть другие поймут, как я ловок в игре,
Только ты помоги, если есть!..
Подающий так долго стоит на бугре,
Словно горец, затеявший мечь...
Разбежался. Удар! Я толкаюсь левшой,
И лечу я к мячу, я к мячу.
А он рядом прошел...
А он скользом прошел.
— Коля! Ко-о-ля, домой!
— Не хочу.
Пацаны, почему вы не выдали пас?
— Да пошел ты...
Бегу: вот он, мяч.
Скажут после: команду он все-таки спас,
То есть спас безнадежнейший матч...
Ну, послушайся, ну, пронырни через лес
Бледных ног, облупившихся спин,
Мы с тобою одни на площадке-земле...

Обошли. Вот штрафная и пин-н-н-
аю! Ау-у!
Повалился в траву.
Голос волосом тоненьким: «Го-о-л!»
...Ну чего ты реवेशь?
Ну чего я реву?
– Коля-а! Коля-а! – над волей. – Бегом!
Нет. Я знаю, мне надо усилить удар.
Есть уменье, а сила мала.
Если так буду бить, то вовек, никогда
Не забить мне ногою гола...
Вот и солнечный глянец на речке потух,
И, помахивая сумой,
Черно-пестрое стадо из леса пастух
Гонит полем футбольным домой...
Он глядит на меня:
Посинел, мол, застыл
И дрожишь, как осиновый лист.
Ну, вставай. Если мяч улетит за кусты,
Я поверю, что ты – футболист.
Я встаю. И в ногах померещилась вдруг
Легкость пуха и сила баллист.
Разбегаюсь. Удар!
И смеется пастух:
– Ничего, подрастай, футболист...

ЦВЕТЫ

Вот так моя мама
Цветы рисовала
Химическим грифелем
«Копиручет»:
Сначала вела
Два некрупных овала,
А дальше она карандаш целовала,
Вела лепестки,
Чуть играя плечом.
Потом отстранялась
От близкой бумаги,
С прищуром магическим
Терла виски.
Отличные маки!
А если не маки?
Ну если не маки,
Тогда васильки.
Когда на печи
Пригорало все брашно,
Испуганно мама
Летела к плите.
И мне было тоже воистину страшно,
Я детской тенью за нею летел...
В окне вечерело,
И стекла замшели,
И волки блуждали у наших ворот.
Был счастьем вечерним
Таинственный шелест
Бумаги и мамин химический рот...
Вот так моя мама
Цветы рисовала...
А я и не знал,
Что она доживала.

• • •

Пахнёт горячим утюгом
И запахом белья.
Войду с тревогой в старый дом:
Где мама? Где семья?
Желтеет пол. Играет кот
Резиновым мячом.
Подсолнух двинулся в поход
За солнечным лучом.
В речушке малая вода
Легка и зелена.
Смеется мама. Молода
И сердцем не больна.
Бежит навстречу младший брат,
Некрепко руку жмет:
– Как жизнь?
– Она, брат, не парад.
– Да и у нас – не мед.
О, солнце гаснущее, ты
Гори, не догорай!
Мы из веселой нищеты:
Где песня, там и рай.
О, солнце гаснущее – мать,
Присядь под образа
И пой. Я буду подпевать...
Пока твои глаза
С моими цвета одного,
Играют синевой –
Не страшно в жизни ничего,
Не жутко ничего.
...Внезапно ветер дверь качнет,
И заскрипит она,
И с нею прошлое начнет
Болезь, гореть, стонать.
Немало весен утекло,
За окнами ранет
Стучит в немывтое стекло,
Что мамы дома нет.

РОДНЯ

Был он брат как брат, пока мал.
Я качал его в колыбели.
На краю земли, в Парабели,
Наш отец семью подымал.
Подымал да слег — и каюк.
Всех цинга с тайгой покосила.
Брата на спину: где и сила? —
Мотанул я с баржой на юг.

Правдолюб он рос, не в меня.
Был отличник, да стал опричник.
Он фамилию поменял,
Два креста сховал за наличник.
Он ученый, что ж: им видней...
Без газет за стол не садился.
Двое были мы по родне,
Но лучше б я на свет не родился!..

Брат был рад — ремень, кобура:
Скрип да скрип, на стук — стукоточек!..
И вот я иду за Урал,
Отобрали мой паспорточек.
Мелкий дождичек: хлюп да хлюп...
Тут и конь в пути захромает...
А братишка мой, правдолюб,
Орденюк надел к Первомаю.

Не скажу, что был я нахал,
Месяцок пришел на три буквы —
Брат прошествовал на трибуны
И рукой нам в путь помахал...
Он в ХОЗО идет, я — в ШИЗО.
Буревестником в БУРе маюсь...

Но только все это – эпизод,
Срок идет, и я поднимаюсь.
Тут повыше чуть – Парабель,
Да Нарым, да Крым – гнус да мошки...
Брат устроил мне колыбель,
Тут любой тоски, да помножку...

Не сдержался я – и в бега,
Тут одна нога – там вторая,
Ярый пот с лица не стираю –
Все тайга кругом да тайга...
Я вернусь туда, где отец
Лег, подбитый влет в тридцать третьем!
Только брата бы тут не встретить,
На могилу пасть и – конец!

Но он в деле у них наторел.
Он по-братски знал, где я буду.
Вижу, метрах в ста – он, Иуда,
Весь торжественный, как расстрел...
Я ж бежал сюда не к суду...
Стал бы зверем жить, да на воле...
Ты не трожь меня, брат, я пойду
На зеленый свет
В лес да поле!

Чую: будет нам на двоих
Орденоч один к Первомаю...
Ну, пуляй, браток! Бей своих!
Их скорей земля принимает!
Знаю весь его капитал...
Вижу клюв его ястребиный...
Он прицелился да с карабина –
И славно Бог меня напичкал...
.....
И я кровью снег пропитал...

• • •

М. Д.

Там рыбы на деревьях гнезда вьют,
Вода идет в садовые калитки.
И колокольни страшные встают
Со звоном, переплавленным на слитки.

Прощай, моя земля... Под гнетом вод
Кладбищам нет уже ни гроз, ни молний.
Кресты, что потеряли небосвод,
Еще темнее стали и безмолвной.

И становлюсь чужим я сам себе,
И сам себя уже не понимаю!
Прощай, земля... Из многих бед —
Тебе досталось худшее. Я знаю...

И мертвых предков крик — как зов: спаси!
Так в рудниках живые бога молят,
Так стали дном морским поля Руси,
Ее дворы, ее бывшие боли.

Там рыба на деревьях вьет гнездо.
А избам не рвануть на горле ворот.
И глупый сом сквозь окна смотрит в дом —
Так смотрит сумасшедший из-за шторы.

Ты больше не увидишь небосвод —
Княжной опальной в черном каземате.
Прощай, моя земля... Под шалью вод
Ты мной отпета, ласковая мати...

В РАЙОННОЙ ГОСТИНИЦЕ

Зимовать остаются мосты.
Все бело за оконными рамами.
Мужики переходят на «ты»,
Поделившись остатными граммами.

Зимовать остаются мосты.
Не взволнуется кровь телеграммами.
Мужики похваляются шрамами:
Кто рубаху сорвет, кто порты.

Зимовать остаются кресты
На погосте, на дальней окраине.
Мужики уж выносят святых –
Молодые попались, да ранние.

Зимовать только здесь я смогу,
В городке со старинными храмами.
Мужики уже спят, мужики ни гугу –
В потолки поуставились шрамами.

Если бы в этом городе ты
Появилась из мрака и стылости.
Поминальные свечи чисты,
Еще столько не роздано милости.

Мне сейчас бы твоей чистоты,
Твоей слабой улыбки свечения,
Но зимуют мосты, но зимуют кресты,
Но зимуют погосты вечерние.

Зимовать, зимовать вопреки
Той тревоге, крадущейся тению,
Громко спят мужики и храпят мужики,
А меня посещает забвение.

Золото осени, зимы серебро...
Где они, где – эти
Сны без печали?
Как нас с тобой над рекою вначале
Медленный качал паром...

• • •

Этот мир никому не понять.
Этот мир никому не обнять.
Все на слом, как назло.
Лишь вчера повезло,
А сегодня все двинулось вспять.

Что за спор, господа,
Что за странная речь?
Если все ж никогда
Счастья миг не сберечь.
Глядя спину кота, глядя в очи скота,
Эту жизнь свою тщетно стеречь.

Мне бродягой идти по Руси,
Повторяя: «Всевышний, спаси!»
Надо ж силу иметь –
Бросить злато и медь
И кричать: человек, ты красив!

Что за спор, господа,
Что за вздор?
Каждый третий не жулик, так вор,
Да и сам-то герой
Привирает порой,
Что пойдет за народ под топор...

Мы проходим, как тени в толпе.
Кто-то ел, кто-то кашлял, но пел –
Чистоту родников,
Пустоту рудников
И оков многозначный удел...

Что за спор, господа,
Что за глупый расклад?
Где-то правда травой
Сквозь асфальт проросла,
Но не стала могуча,
Не стала взросла,
Правде красного нету числа.

Праздник правды и танца
Пора учредить,
Только вот по инстанциям
Долго ходить.
Я ходил бы, да только мой голос ослаб,
Только хрипам привольно в груди.

Никогда ничего не понять,
И на зеркало неча пенять.
Все на слом, на продажу,
И даже мечту
Напрокат я доверю скоту.

• • •

В четыре утра на ухабах гремят самосвалы:
 Дорога окольная, редко проскочит такси.
 В четыре встаю. Рукомойник у двери висит,
 И капли воды с его носика ветром сорвало.
 Уже не июль.

Сентябрит, зимовеет, пугая
 Космическим холодом утро далекого дня.
 Приблудная кошка с презреньем глядит на меня.
 Я из дому вышел. Был сильный мороз, дорогая.
 Дом был мне как двор постоянный,
 сарай караванный —
 Приятель дал ключ и просил присмотреть за
 жильем.

В нем печка протоплена книжкой,
 Карениной Анной.

Дров нет. Ну, а я-то мечтал:
 вот теперь заживем!

Нет спасу бродяге, но сносу бродяге не будет.
 Он тощ, ненаивен, его не возьмешь «на ура».
 На ранней заре его гул самосвалов разбудит,
 А люди еще доглядят свои сны до утра.
 И странно, что есть в государстве
 большие границы,

Что где-то жену обнимает начальник АХО,
 А в этой печи догорают романа страницы
 И остро нуждаются в помощи теплых стихов.
 Я ключ за косяк, озираясь, запрятал, ругая
 Районных начальников,
 страшный наш паспортный стол.

Приблудную кошку спросил я бесцельно: ну что?
 И из дому вышел.
 Был сильный мороз, дорогая...

• • •

Я шел, отдыхая в тени от столбов,
Широкой барабинской гладью.
Имел почти в каждой деревне любовь
И зван был не раз на олады.
– Ты кто? – вопрошали чудные мои,
Смешные мои любознатцы.
– Прохожий, – смеялся, – чудные мои!
И лет мне уже восемнадцать.

Я шел по болотам в своей слепоте.
Боялся, крестился и ахал.
И потом простудным постыдно потел
На грани смертельного страха.
– Откуда? – дивились чудные мои,
Братишки мои и сестрицы.
– Оттуда, – смеялся, – родные мои,
И скоро мне станет за тридцать...

Я падал в подвалы бетонных махин,
И крысы меня не сожрали.
Лицо с лакированных автомашин
Мое слесаря оттирали.
– Куда? – вопрошали чудные мои.
И терли огромные лбища.
– Туда, – отвечаю, – смешные мои,
Куда и отцы, на кладбище...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Снегу намело, как в Новый год,
Утром дворник матом снег покрыл.
Вислоухий рыжеусый кот
По-собачьи на крыльце завыл.
Оставляя первые следы
На снегов девичьей простыне,
Яшка-дворник, вечно пьяный в дым,
От стены качается к стене.

Что ж, пора за дело, и скорей,
Навести ревизию в казне,
В мыслях развести вчерашний клей,
В памяти скрепить обрывки дней.
Все похожи — клей один с другим,
Без боязни спутать их и смять.
Те круги войдут вон в те круги,
А их сегодня ровно тридцать пять.

Милая прекрасная пора
Золотым сечением дней легла,
Белое сияние утра
Юными надеждами зажгла.
Кто я там, на будущем кругу?
Кто я там, стоящий у руля?
Сам перед собой всегда в долгу,
А долг мой — это вечных три рубля.

Не маляр, не плотник, не гусяр,
Не поэт, но, что всего больней,
Я сегодня, вроде, юбиляр,
Вспомни, мой товарищ, обо мне!
Я сегодня вроде юбиляр,
Мне в подарок выпал первый снег,
А гитара спрятана в футляр,
И голоса лежат струна к струне.

Ох уж эти виды из окна!
Окна не застыли и на треть,
Даже площадь Красная видна,
Если хорошенько посмотреть.

• • •

Вот и смена сезона, в достатке – озон,
И трава на газонах не смята футболом.
В этих числах, лучистых и чистых, как сон.
Ожиданием лета я полон, я полон.

Это смена кокетства на трезвость ума –
Доигрался, допелся, допился Шипилов.
Эта кроткая юность прошла, как зима,
И короткая старость к глазам подступила.

И походкою фата – а кто запретит? –
Я уже не пойду вслед за ветреной дамой...
Все мне чудится – мама встает на пути,
Будто просит: «Простись с этим детством упрямым.

Осторожней ступай, ничего не сломай,
И к старенью лица привыкай постепенно...
Это смена желаний души и ума,
Это – смена стремлений, последняя смена».

Жаль, не будет в сезоне рубаш расписных.
Навсегда, навсегда эту жизнь извиняю.
В этих числах лучистых и чистых, как сны,
Я остатки стыда на любовь променяю.

• • •

О, холода!
Разверзлась хлябь,
Одна, но злая,
Часы упрямо барахлят,
А год – не знаю.
Когда прошел еще один,
Тридцать девятый,
То следом грянули дожди,
Дожди, как сваты.
Они зовут, влекут наверх,
Туда, где тучи!
Ну что ж, я, вправду, человек
Не самый лучший.
Плыву на медленной барже,
В дождях свинцовых...
Но нет Есенина уже,
И нет Рубцова.

Брести, стучать во тьму окон:
Не спите, люди!
Уже предел недалеко,
Кто вас разбудит?

Поэт ваш спит, не загудит
Набатом свято!
А небом Родины – дожди
Идут, как сваты.
И времена сплелись в клубок.
Все лето – осень,
Дождями сбитый ястребок
Ударил оземь.
И клюв от крови порыжел,
Как листья скверов.
И нету ясности уже,
А только вера.

Молчит вода и полюса,
Молчат газеты...
Что с вами стало, небеса,
И где поэты?
Глаза и слух,
Душа и дух
Людей планеты...
Последний утренний петух
Пропел – и нету...

ИМЯ – ЖИЗНЬ

По площадям, по узеньким проулкам,
В очередях встречаю я ее.
Ее шаги звучат уже не гулко,
Ее походка старость выдает.
Она смешна, когда начнет резвиться,
Она страшна, когда обнажена,
Но силе удивится, как девица,
Бессилью удивится, как жена.
Ее покой такой, что не завидуй,
Ее победы бедами грозят.
Она смеется – только не для виду,
А не смеяться ей уже нельзя.
Она поет, когда бывает туго,
Когда полощут валерьянкой рот,
Когда другие ищут пятый угол,
Она струной звенит, она поет.
Но все короче, глуше, все надсадней,
Дыханье брать становится трудней,
Все чаще тянет в сельский палисадник,
Где мальвы цвет склонялся бы над ней,
И стала бы она совсем простою,
Легко дыша под старою ветлой,
И пели б ветры в струнах травостоя
По-русски чисто, грустно и светло.
То жизнь моя, бесценная подачка
Далеких предков, чей затерян след,
То жизнь моя, бесцельная раскачка –
Пока качаюсь, глядь, а цели нет.
Она исчезла в грубости хотений,
С большой любовью, с жалостью слепой
Смешалась и мелькнула смутной тенью,
Как старый сторож у дверей сельпо.

• • •

Прошла золотая пора,
Забылись балы и парады,
И все, кому были мы рады,
Не встретятся по вечерам.

То снится, что умер Денис,
То мама из прошлого века,
То падающий альпинист
Кружит, как иссохшая ветка.

И память тревожит, стоит
На самом краю пробужденья.
Огромные синие тени
Глаза окружают мои.

Все прожито, и, боже мой,
Кто следом пойдет – опалится!
О лица, чужие зимой,
А летом – о милые лица!

И ложные солнца взойдут
Над серым полотнищем буден,
Простые и добрые люди
К чужим и недобрым уйдут.

С хорошей улыбкой с утра,
А к ночи со скорбной гримасой.
Пройдет золотая пора
Аккордами старых романсов.

Я ПРИШЕЛ НА ВОКЗАЛ

Я пришел на вокзал...
На табло – три нуля...
Эх, глаза бы мои не глядели!
И себе я сказал,
Что спасения для
Я уеду на этой неделе!..
Над моей головой
Только дождик живой,
Жидкий свет городской на режиме,
У меня впереди –
Только старость в кредит
Да незапятнанно доброе имя.

От осенних дорог
Не спасет юморок,
Горизонты мне зонтом не стали...
Был бы я из калек,
То нашел бы ночлег
У бродяжек на теплоцентрали.
Но ведь я журналист.
Как осиновый лист,
Я дрожу у вокзального замка...
Словно старый статист
В пыльном мраке кулис –
Я тяну одиночества ляжку.

Делегатка одна
От вокзального дна
Раз семнадцать прошла, зазывая.
Говорю ей как знал:
– А пошла-ка ты на
Остановку седьмого трамвая...

Больше не было сил.
Дождь слегка моросил.
Он трусил, как собака за салом.
Эта дамочка треф, на меня посмотрев.
Повернула в глубины вокзала.

Тишина, тишина...
Звезды горстью пшена.
Дождь еще кое-где пузырится...
Хоть ломай карандаш,
Хоть читай «Отче наш»!
Помогай мне, дорога-царица.
Выручай, как всегда,
Как в иные года,
Жизнь еще хороша, ей-богу!
Я еще поживу,
Мне б сейчас кошеву –
Выручай, мол, царица-дорога!

Тут хоть думай, хоть нет,
Покупаю билет...
Налегке, в межсезонье, с разгрома.
Только утренний свет,
Только рельсы вослед,
Только таянье звезд законных.
Все уже позади...
Век меня остудил...
Осудил на скитанья без срока...
Вместо сердца – струна,
Вместо тела – страна,
Вместо радио – в роще сорока.

• • •

Никого не пощадила эта осень,
Даже солнце не в ту сторону упало.
Вот и листья разъезжаются, как гости
После бала, после бала, после бала.

Эти двое в темно-красном
Взялись за руки напрасно,
Ветер дунет посильней – и все пропало,
А этот в желтом, одинокий,
Всем бросается под ноги,
Ищет счастья после бала, после бала.

А один, совсем зеленый,
Бурным танцем запаленный,
Не поймет, куда летит, куда попал он,
И у самой двери рая
Не поймет, что умирает, –
Как же можно – после бала, после бала?

Никого не пощадила эта осень,
Листопад идет, как шторм в сто тысяч баллов,
И, как раны ножевые,
На асфальте неживые
Пятна пепла после бала, после бала.

• • •

Тело одряхло. Жена – не княжна...
И не написано книг...
Все же мне жизнь ничего не должна –
Я ее вечный должник.
Жизнь моя, жизнь моя, мой меценат,
Вдоволь и смеха и скорби...
Знать не хочу, что такое цена, –
Горблюсь... горблюсь... горблюсь...

К воле мужчин, не косивших травы,
Я не примкну никогда,
Пусть мне в пути не сносить головы –
Бог отсчитает года.
Жизнь моя, боль моя, ярость цветов –
Ты – как биение флага...
Но не готов умереть, не готов –
Лягу... Где-то лягу.

Календари мне, жизнь, не дари!
С ними не сверю свой шаг...
Ты на востоке зарею гори
Для нищеты и бродяг...
Чтоб их любовью могла ознобить,
Чтоб им дорогу осилить...
А на вопросы: быть или не быть? –
Знаю ответ: или – или...

• • •

Друг мой Ванька, Ванька Жуков,
Мне сегодня грустно жутко,
Даже некому не в шутку
Написать десяток фраз.
Я не знаю, что случилось,
Жизнь, как «мессер», задымилась,
Сделай божецкую милость,
Приезжай ко мне сейчас!

Я куплю крючок и лески,
Леденцов и в цирк билеты,
Золоченые орехи
И зеленый сундучок,
Мы поедем по железке
На другой конец планеты,
И на прошлые орехи
Плюнем мы через плечо.

Пусть приходят в гости снова
Те, кто нас любить готовы,
Где же им понять, повесам,
Чудакам, городovým,
Пусть я не имею веса,
Пусть я в жизни бестолковый,
Но тебя не дам в обиду
Я ни мертвым, ни живым.

А пока писать кончаю,
До свиданья, друг Ванюшка,
Я ночую у подружки —
Ей мешает верхний свет.
Мне сейчас бы рюмку чаю
Или, лучше, водки кружку,
И любимую игрушку —
Пачку крепких сигарет.

• • •

Как бы мне хотелось – вон из тела,
Чтоб оно пращою засвистело,
Чтобы душу вон – и на амвон...
Или, как на конке, снам вдогонку
Следовать и петь, по-детски тонко,
Но, где тонко, рвется этот тон.

Как бы мне хотелось,
Как желалось,
Если бы не эта злая жалость
К милому себе, к своей судьбе...
Но тогда скажи, мой друг, на милость,
Как твоя судьба не обломилась
Под тяжелым грузом вечных бед?

Как бы мне хотелось
Добрый зверем
Утром подойти к запретной двери,
Чтобы по глазам понять могли –
Я пришел сказать, что звери тоже
Созданы из плоти, крови, кожи...
Созданы из леса, трав, земли...

Как бы я хотел...
Но «бы» мешает.
Кто меня лишает, кто решает
За меня загадки не спеша?..
Только и пожмешь тогда плечами,
Иногда услышишь, как ночами
Плачет по-младенчески душа...

ТЕНИ

Поздно ночью, тьмою сочной – тени
Навещают спаленку мою...
И не скрипнут половицей сени,
Двери свою песню не споют.
Вот одна упала на колени...
Умоляю тень: заговори!

.....

А в окне звезда горит...

Чья ты, тень! Ужель моей подруги?
Кто ты, в колыханьи тяжких штор?
Я к тебе протягиваю руки
И ловлю горстями ночной простор.
Не боюсь – открой лицо земное,
Может быть, я знаю про твое?

.....

А в окне рассвет встает.

Черный космос холодом окатит
На столе бумаги вороха...
Кто ты, тень? Ходила ли ты в платье
Новом, ожидая жениха?
Смят я, как листва деревьев старых...
Не исчезни, тень! Постой, замри!..

.....

А в окне рассвет горит.

Что за мука! Что это такое!
Наважденье памяти иль сон...
Где пора душевного покоя?
Где любви нетленное лицо?
Знаю, тень: ты жизнь моя былая...
Первый пыл, и совесть юных лет...

.....

А в окне горит рассвет.

Поздно ночью
Тьмою сочной – тени
Разместятся по углам души...
Не дадут предаться сонной лени
Беспощадно гнать их не спеши.
Не вспугни улыбок запоздалых,
Вспомни то, чего меж нами нет.

.....

А в окне встает рассвет.

Соколов Анатолий Евгеньевич (21 января 1946 – 19 апреля 2010) родился и жил в Новосибирске. Работал в геологических и геофизических экспедициях в Заполярье. Окончил филологический факультет Новосибирского государственного педагогического института, работал учителем русского языка и литературы. С 1974 года преподавал философию в вузах Новосибирска. Кандидат философских наук.

Участник сборника «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989). Автор изданных в Новосибирске книг «Спартаковский мост» (1990), «Крепость» (2001), «Невразумительные годы» (2004), «Материк» (2006), «Осенние птицы» (2009). Печатался в журналах «Сибирские огни», «Земля Сибирь», «Новосибирск» и других. Лауреат премии им. Н. Г. Гарина-Михайловского (2006).

• • •

Над городом кружит, потерян,
Садится, помедлив чуток,
Не зайчик, не жук, не пропеллер
И пахнет, как первый цветок.

Душа от стыда замирает:
В ней столько скопилось всего...
Играет снежок, не желает
О будущем знать ничего.

Надеешься: выдастся случай,
И сможешь себя обмануть —
Из форточки жизни дремучей
Свободно вздохнуть и вспорхнуть.

Но все решено справедливо —
Чугунная печь и букварь,
Когда впереди перспектива:
Ноябрь, декабрь, январь.

• • •

Старый друг позвонит из глубинки,
Не забывший еще обо мне,
Посмотрю на его фотоснимки —
И мурашки бегут по спине.

Худощавый пророк института,
Пленник утренних лекций, беглец.
Наш декан, как Скуратов Малюта,
Обещал тебе грустный конец.

Но со стаей беспечных Офелий,
Чье грядущее было темно,
Ты, под мышку упрятав портфель,
С семинаров смывался в кино...

Время всех одинаково любит,
Но друзей сокращает число:
Петька спился, Сергей вышел в люди,
А тебя в глухомань занесло.

Неужели в степной атмосфере
За минувшие несколько лет
Не померк еще глаз твоих серых
Безупречно насыщенный цвет?

• • •

Наклоняются темные ели,
Разговоры ведут за окном.
Умирает душа, неужели
Задыхаясь в кошмаре ночном?

Как очнуться, спастись? Полумеры:
Свет зажечь, потревожить жену...
Из углов выползают химеры,
К изголовью стремясь моему.

Ничего. Только ветер осенний
И дыхание спящих детей.
Ожиданье больших потрясений:
Наводнений, пожаров, смертей.

• • •

Наступленье осени с успехом
Продолжалось несколько недель,
Головы кружила желтым смехом
Пыль, переходящая в метель.

Беспорядок, как перед ремонтом,
Роща стала ржавым сухарем,
Острый угол птиц над горизонтом,
И при нем звезда поводырем.

А потом сентябрьская ночка
Сделает прощальный свой визит —
Пахнущая дождиками бочка
На ветвях серебряных висит.

БАЗАРНЫЕ ФРЕСКИ

Прилавок мучает шакала
И сфинкса с дыркой в голове —
Созданья местного Шагала.
На фиолетовой траве,
Наморщив розовые сайки
Физиономий для людей,
Асимметричные русалки
Пасут горбатых лебедей...
Гудит базарная дружина,
Хотя еще не рассвело
Чело недоброго грузина
Под крупной вывеской «Вино».
Охапкой блеклого багета
Торча над плюшевым бабьем,
К нему небритая богема
Спешит с измученным рублем.
А после, как в трубе подзорной,
В себя направив мутный взор,
Она с душою беспризорной
Затеет ссору или спор.
И целовальник вороненый
Пересыпает денег лед,
Нальет под поясок в граненый
И через поясок нальет.
Ах, все равно концы с концами
Свести не может русский дух...
Арбузы смотрят молодцами,
Весь двор, мощный огурцами, —
Аэродром последних мух.
Горят посадочные знаки.
Одномоторным сквозняком
Прозрачных крылышек зигзаги
На землю падают кругом.

• • •

Из недр дождливого простора
До стен бревенчатых держав
Доносятся гуденье бора
И вопли жалобные жаб.

Там ветер бродит среди ночи,
Поет и крутится волчком,
Выкальвая избам очи
Сухим березовым сучком.

А домовой в квартире друга
Гремит заслонкою печной,
И под звездою спит округа,
И пахнет сыростью ночной...

Опять в тревожном, бледном свете
Звезды, летящей с высоты,
Невольно вздрагивают дети
И звери прячутся в кусты.

• • •

За декабрьским окном ледяным
Белый ужас родного пейзажа,
Из трубы поднимается дым —
И на улицу сыплется сажа.

Но лопату берет человек,
Выполняя работу с размахом:
Месит черную сажу и снег,
Словно тесто для бубликов с маком.

• • •

Сегодня девочек и дам,
Мужей, багровых на закате,
К высокомерным берегам
Доставил пригородный катер.
Вчера напившаяся вдрызг,
Толпа изображает пенье,
Но чувствует уколы брызг
И проявляет нетерпенье.
Хотя до пристани чуть-чуть
Осталось, над пустыней водной
Летят, расстраивая грудь,
Обрывки песенки народной...

Остановившись на виду,
С лицом обветренным и мокрым,
Гипнотизирует звезду
Худая девочка с биноклем.
Мечтает дама из ларька
Со свертком пошлого романа
Стать новой жертвой рыбака,
Крадущегося из тумана.
Герой глядит, храня билет,
Окутанный плащом и скукой,
На деву сорока двух лет,
Заснувшую, обнявшись с куклой.
Она белеет на ветру,
Но бредит запахами трюма...
Кудрявый дым из длинных труб
Вываливается угрюмо.
И прорастает сквозь туман
В трагическом подъемном кране
Весь город, легкий от ума,
С фабрично-заводских окраин.

И медленнее холодок
Качнет речными бугорками,
Когда привалочный гудок
Рывком притянет дебаркадер.

• • •

Приход зимы всегда бывает
Не вовремя и невпопад:
Октябрьский снег перебивает
Некончившийся листопад.

С гудками фабрик, с птичьим писком,
Невидный, так себе, денек
Взлетает над Новосибирском
И превращается в дымок.

Стихий столкнувшихся капризы
И игры городских огней
Втройне усиливают кризис
Души рассудочной моей.

Сегодня над ее державой
Дым вьется и на вкус горчит...
Из снега проволокой ржавой
Трава холодная торчит.

И ты с отсутствующим взглядом
Во власти пасмурных химер
Идешь опять со мною рядом
В кинотеатр через сквер.

Там из-под ига мудрой книги
Нас в плен на целых три часа
Берут кровавые интриги
И роковые чудеса.

• • •

Вечерами встречаешься с теми,
Кто тебя угнетал и любил,
Наблюдать – как царапает стены
Проезжающий автомобиль,

И слова выговаривать хмуро,
Как условия мрачной игры.
Совмещается архитектура,
И в пространстве сквозит перерыв.

Сразу переполох ощущений,
Пахнет остро осенней порой,
И поет проникающий в щели
Воздух северный и сырой...

Два стакана и черствая булка,
Если благополучный январь
Дышит в темный чулок переулка
И за пазухой держит фонарь.

Но пока широко и прекрасно
И застенчиво медлит река,
На лету перерезав пространство,
Желтый лист упадет на рукав.

И душа, наклоняясь за пищей,
Уступает добру или злу,
Вдалеке в треугольнике птичьем
Нарастающий жалобный звук.

И, впорхнув коридорами трещин
В общежития узкий объем,
Сердце кружится и трепещет
Заблудившимся воробьем.

ПОСЛЕ БОЛЕЗНИ

Спросит мать: «Что с тобою, сынок?»
«Ах, оставь, говорить нет желанья!»
Надо мною висит потолок,
Симулирует переживанья.

Жжет карманы мне горсть медаков –
Соль труда и душевного мрака.
И пронзительно хор сквозняков
Завывает из трещин барака.

Я, троюродный внук Ильича,
Грохоча костылями по полу,
В телогрейке с чужого плеча,
Собираюсь на утренник в школу.

И, прищутив глаза, через снег
Смотрит Сталин с огромных полотен
На счастливое детство калек,
Вырастающих из подворотен...

Истребив поколение отцов,
Он к терпенью склонил ребятишек.
За фасадом помпезных дворцов
Нет еды, не хватает дровишек,
Но оркестров военных излишек.

• • •

Ближе к вечеру метаморфозы
Охватили деревню мою.
Лопухи превращаются в розы,
А любимая дева – в змею.

На кусок милицейского жезла
Оказалась похожей пчела.
Тень сирени забор перелезла
И дорогу месить начала.

Не пчела, а оса! Репродуктор,
На верхушку столба взгромоздясь,
Не призывы, а горы продуктов
Производит из воздуха... Князь

Выезжает на черной карете,
Свита сзади на бобиках мчит.
Вслед глядят деревенские дети.
И душа во весь голос кричит.

• • •

Круша цветочные розетки,
Играет ливень в бильярд
И вздохи парочки в беседке
Оценивает в миллиард.

Наверно, местный парикмахер
С буфетчицей забрел сюда...
Кусты похожи на монахинь,
Зажмурившихся от стыда.

И в паузах, приставив ухо
К решетке, вымытой до швов,
Дождь слушает, но слышит... эхо
Уже разыгранных шаров.

• • •

...Вышел амнистированный бык,
Бьет копытом, брызгает слюною.
Бык к весне и солнцу не привык,
Но блистает мастью вороною.

У него тяжелые рога,
А во лбу горят два помидора,
Красная рубаха дурака
Кажется плащом тореадора.

С губ роняя пены серебро,
Бык одним желанием томится:
Ротозею выломать ребро
Или продырявить ягодицу...

Дух апрельский над деревней плыл
И, с туманом смешиваясь, стлался.
Грибоедов двери приоткрыл,
Глубже им проникнуться старался.

Он дышал, не торопясь пока,
Наполнял все емкости и баки.
Наблюдать за шествием быка
Собрались окрестные собаки.

День проходит без особых драм.
Бык пропал, отправленный на бойню.
От телесных и душевных травм
Грибоедов лечится любовью.

И на фоне вскрывшейся реки,
Сев на солнцепек перед амбаром,
Равнодушно курят мужики,
Воздух отравляя перегаром.

• • •

Славный август. Мелькание пчел.
На окне моем кактус расцвел...

Вон работница облкниготорга
В каждой сетке несет по луне —
На лице ее бездна восторга.
Только вот нездоровится мне.

Несогласье внутри организма,
И с утра сердца стук глуховат,
Ломит ноги, погода капризна —
Только в этом я не виноват.

Ни на шаг от себя не пускают
Побратимы, винище, табак.
Днем и ночью мне сердце кусают,
Словно стая голодных собак.

Я доверился чистой науке,
Проклиная такое житье,
Но блуждает мой взгляд близорукий
По дремучим просторам ее.

• • •

Природа утомилась, отработала.
На изгороди кринки и кувшины.
Побрякивает день коровьим боталом,
И тихо меркнет гребень петушиный.

• • •

Сон запирал рассудок на засов
И принуждал меня сегодня снова
Выкручиваться несколько часов
Из лабиринта города ночного.

Неважно проходил эксперимент,
Испорченный игрой воображенья:
Шел дождь, и уголовный элемент
Вел меж собой локальные сраженья.

Сползали друг за другом семь потов,
Поочередно смешиваясь с прахом, —
От множества скорбей проспект потек,
А переулок скручен в узел страхом...

Пока я брел от слез полуслепой,
Напоминала лампочку в мертвецкой
Луна, вися над каменной толпой
Жилых домов вдоль улицы Советской.

Был нестерпимо резким и прямым
Ужасный цвет зрачков прямоугольных,
Следящих за движением моим
Сквозь сетку испарений алкогольных.

Как я устал надеяться, что вдруг
Лоб осенит тень мысли беспилотной,
Сжигать звонки безвыходных подруг
И задышаться в атмосфере плотной!

Паломник, пилигрим или беглец,
Когда же я по воле провиденья
Вздохну, освободившись наконец
Из липкой паутины сновиденья?

• • •

Запутавшись в тяжелых шторах,
Вломились снам наперерез
И листьев хриплый спор, и шорох
Дождя, сошедшего с небес.

Вдруг мебель в комнате воскресла,
Откликнувшись на шум извне:
Зашевелился стол, и кресла
Сочувствуют его возне...

Хотелось встать, ногою топнуть
И выгнать из квартиры вон
Толпу чудовищ допотопных,
Ворчащую со всех сторон.

Но страшно, как ночному вору,
Душе, покинувшей тюрьму,
Прислушиваться к разговору,
С надеждой вглядываясь в тьму.

• • •

Душа моя дешевле пятака,
В костлявом теле скорчившись, кукует
И просится на улицу, пока
Снег город интенсивно атакует.

Не отдыхая пять часов подряд,
Играют с ним то в поддавки, то в жмурки
Чудовищ механических отряд
И школьников горбатые фигурки.

А рядом под контролем ночника
Хозяин дома, постного и злого,
Живое впечатление никак
Не может втиснуть в тесный гробик слова.

Он, пасмурный, уже не в первый раз
Робеет перед поздними гостями,
Собачий ящик из тяжелых фраз
Сколачивая ржавыми гвоздями.

• • •

Перелетных сегодня ревнуют,
А вчера подымали на смех:
Проворонили землю родную,
А чужой не хватило на всех.

Перед натиском желтой метели
Бесполезно на рок уповать.
Кто хотел захотеть, захотели,
Кто хотел улететь, улетели,
Остальным суждено зимовать.

Видят беженцы птичьего войска
Под лохмотьями туч небосвод.
Сверху падают снег, как известка,
Бывший ангел из серого воска
И воздушных десантников взвод.

• • •

Над ландшафтом родного села,
Окрещенного неперспективным,
Стаю птиц чуть с ума не свела
Встреча в небе с птенцом реактивным.

Самодержец пространства вперед
Мчался, занятый прибыльным делом –
Беспощадно сжигать кислород
И сверкать металлическим телом.

Видно, грянули черные дни,
Коли, сея разруху в природе,
Не признал он далекой родни
В повстречавшемся певчем народе...

Спит внизу под охраной старух
Отчий край в запустенье великом,
Безуспешно прекрасный петух
Воздух рвет оглушительным криком.

И беспомощно сморщили лбы,
Без веселых жильцов замирая,
Две крест-накрест забитых избы
За чертою колхозного края.

По ночам совершая броски,
Дезертиров крестьянской державы
Душат приступы черной тоски,
Беспощадные, как волкодавы.

МЮНХЕН

Все теперь принимаю в расчет,
Даже пепел пустых разговоров,
Замечаю, как быстро растёт
Популярность певиц и актёров,

Танцовщиц. Ледяная крупа
В изобилии сыплется с неба.
На проспекте клубится толпа
Потребителей зрелищ и хлеба...

Не губить, а любить и прощать
Научилась, наверно, немного
Пара ангелов в серых плащах
Возле статуи мертвого бога.

Бог не скажет уже ничего,
Но листают чугунные книги
Толкователи воли его
И плетут роковые интриги.

Пропивает остатки души
Золотая придворная свора
И считает свои барыши,
Коронуя убийцу и вора.

Не участвует в этой игре
Воплощенная в камень наука:
Под плащом пистолет в кобуре,
А в глазах бесконечная скука.

• • •

Здесь транспорт идет через две остановки,
И сохнет бельишко дешевле веревки,
И злая жена исподлобья глядит,
Как молодость чахнет и бедность смердит.

Здесь дерзкий подросток читает в трамвае
Статьи о барачно-палаточном рае.
Он больше не верит шершавой звезде
И ищет невесту в дворянском гнезде.

Отсюда идет пополнение тюрем,
Из окон, завешенных марлей и тюлем,
Доносятся жалобы вдов и сирот,
Здесь носит ножи запрещенный народ.

За мусорной кучей разбитой игрушкой,
Нахохлившись, в сумерках дремлет церквушка.
Навеки забыта людьми и творцом,
С морщинистым, грязным и кротким лицом.

Шныряет сквозняк под родительским кровом,
И ангел планирует в небе багровом,
И клячу истории гонит поэт
Кривляться на сцене своих оперетт.

И тело в согласии с нынешней модой
Расшатано утром безумной свободой,
А в полдень – неволей и тяжким трудом
Из кожи с костями построенный дом.

Готовясь за море отплыть из Сибири,
С тоской тяжелее купеческой гири,
Тайга под крылом самолета поет...
Привычно московское радио врет.

Пекутся в издательствах пышные книги,
И звезды срывают с небес прощелыги,
И смолоду копят богатство и злость,
Чтоб Родину-мать бросить псам, словно кость.

• • •

Без имени, отчества и языка,
На голой земле постелив телогрейки,
Мы долго жевали бесплатный закат
И пили вино, словно древние греки.

От серого пламени спрятанных звезд
Закат над районом роскошной павлина.
Шатался горбатый Спартаковский мост
Вчера за решеткой осеннего ливня.

В компании с другом, убитым тоской,
Как трудно бродяге во мгле беспредельной
Выдерживать приступ болезни морской,
По мосту скользя, как доске корабельной.

И ночью с мешком голубей в голове,
В любую погоду всегда одинаков,
Дом грузчиков медленно плыл во главе
Растерзанной в клочья эскадры барачков.

Я шел между ними в тяжелом пальто
Туда, где окошко немеркнувшей лампой
Годами терзает меня ни за что,
За то, что родился с душой косолапой.

Но есть, слава богу, находчивый друг,
Который, истратив последнюю спичку,
На миг освещает дорогу на юг
Для бедной души, превратившейся в птичку.

А утром от птиц набухает лазурь,
И воздух над городом пестр, как газета,
И тысячи душ после комнатных бурь
Из окон летят во все стороны света.

• • •

В стране, от рожденья привыкшей гулять без предела,
Пространство посевов родной сокращается речи.
С весною на крыльях орава грачей прилетела,
Кто встретит их хлебом и солью, кто – залпом картечи.

Кавказским акцентом пропитаны улей вертепа,
Железные банки, вокзалы, кубышки гостиниц...
И мне показалось, хоть это, конечно, нелепо,
Что сам я в любимой России уже проходимец.
И ты проходимец, мы оба с тобой проходимцы,
Поскольку страной управляют плуты и мздоимцы...

К несчастью, душа у меня воровать не умеет.
Как быстро сегодня осеннее небо темнеет.
Для тысяч миров я являюсь единственной связью,
А джип, проезжающий мимо, облил меня грязью.

• • •

Почитай мне из самого раннего,
Что-нибудь почитай Мандельштама.
В небесах от летящего лайнера
Остаются на память два шрама.
Вдаль плывут облака неуклюжие,
И уста повторяют: «разлука»...
У искусства простое оружие:
Звуки образа, образы звука...

• • •

Пока танцует дворник возле булочной,
Зима в сентябрь является царевной,
С ее приходом станет жизнь рассудочной,
С ума сойдешь от нищеты душевной.
Смешались в кучу листьев тарабарщина,
Вороний грай и хриплый лай собачий,
Вдруг пожелаешь по примеру Гаршина
Разбиться насмерть, прыгнув с крыши дачи.
Хотя в честь двадцать первого столетия
Шумит оркестр на Выборной фальшиво,
Летают листья, словно междометия,
Танцует сквер, как многорукий Шива.
Весь день апофеозом невезения
Царь мух жужжит в пространстве междурамном,
Невозмутимо в небеса осенние
Взмывает шар над Вознесенским храмом...
Один поэт новосибирский вечером
В тоске самоубийства ест варенье,
Хрустят дожди, подруга смотрит глетчером...
Тогда-то и восходит вдохновенье.
Сползает ночь на снег туманом грифельным,
Горит ладонь, лишь стоит снять перчатку...
А ты готов пожертвовать двугривенным,
Чтобы душа могла плясать вприсядку?

• • •

Владимиру Ярцеву

Липы на задворках поликлиники
Жертвуют имущество на храм.
С веток светло-желтые полтинники
Сыплются на землю по утрам.
Рай зажжется к вечеру неоновый,
Вспухнет одиночества синдром.
Нет со мной Арины Родионовны,
Друга нет и кружки нет с вином.
Мне луна в окно глядит неласково,
Сон прельстил мечтой и был таков.
Языка обрывки тарабарского,
Мешанина стуков и звонков.
С химзавода облако зловония
Накрывает Кировский район,
Но какая чудная симфония
Зазвучала вдруг со всех сторон...
Над гусинобродскими оврагами,
Над военным в доску городком
Новобранец снег идет зигзагами,
Словно выпил лишнего с дружкой.
Снег идет нежней и нерешительней,
Чем родные братья: дождь и град,
И следит за снегом горстка жителей,
Гордых, будто выиграла грант.

• • •

Дорогая, давай полетаем,
Навсегда улетим в никуда.
Скоро жизнь до конца пролистаем,
Взвесим прибыль ночного труда.
На прощание с именем Божьим
Постоим у родимых могил...
Неужели увидеть не сможем
Всех, кто нас беззаветно любил?
Вопреки предсказаниям науки
Скоро грянет назначенный час —
И придут сюда дети и внуки
Безнадежно оплакивать нас.
Ветер мусор гоняет по пляжу
И поет, словно нищий метек.
И, как раки в кастрюле, все пляшет и пляшет
Чернь из баров и дискотек.

• • •

Василию Соколову

В трезвон колокольный с звонками пустого трамвая
Вмешался гудок парохода с открытой реки...
Я сплю, и летает по комнате мама живая,
И стелет по полу лоскутные половики.
И бабушка, в гости приехав, вздыхает, не плачет,
Молитву творит и у Господа просит: прости...
Десяток яиц в узелке и пшеничный калачик
Для внука она сберегла, голодая в пути.
Ах, бабушка Анна, с тобой не пришлось мне проститься,
И вряд ли могилку твою я найду в Ерестной.
Нет памятной в жизни того дорогого гостинца –
Когда это было? Наверное, ранней весной...
Повеяло влажным теплом из добротного хлева,
И вспомнил вкус черных картошин из недр чугуна,
Корова стояла там гордая, как королева,
Под нею на корточках благоговела страна...
Скорбит Богоматерь с Младенцем на темной иконе,
И страхи растут, будто близятся судные дни:
Ужели засохли мои деревенские корни,
Ужели в деревне совсем не осталось родни?
Ужели и я, расцветавший в стране нелюдимои,
Где папа в шинели и мама в тяжелом пальто,
Как легкий листок, оторвавшись от ветки родимой,
Лечу в неизвестность, лечу, превращаясь в ничто?
Молчи, не мычи с хомутами печали на шее:
Холодная печка в избе, и не светят огни...
Мы стали разборчивей, жестче, хитрей и умнее,
Но так бескорыстно не можем любить, как они.

• • •

Горевать и печалиться — нет трудней ремесла,
Сок отечества высосет эта осень дотла,
Скоро вылижет досуха его лимфу и пот,
Раньше всех это вычислит городской идиот.
Над деревьями синими набухает луна,
Кубометр уныния вставив в раму окна.
Из зрачка желто-карего потечет исподволь
На районное зарево трансцендентная боль,
И в романе Тургенева запоздалый ездок
Лечит кожи шагреновой на ветру лоскуток.
Что ж ногами осенними ты в одной из контор
Колесом нетерпения тормозишь монитор?
Утром смуглые олухи морщат в кучу метлой
Черноглазой черемухи свежесодранный слой.

• • •

Жестоко в городе январском
По окнам бьет метели плеть,
Ты, сытый злобой и коварством,
Решаешь завтра умереть.
Как школьник, выучив уроки,
Откроешь серый пыльный том:
«Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом».
Какое море, ветер, парус!
Что кинул он в краю родном?
Бог сыплет с неба звезд стеклярус
На мэрию и на роддом.
В квартире все тебе не мило,
В тумане пуля ищет грудь
У Лермонтова Михаила,
И не блестит кремнистый путь.

• • •

Летит голубая моторка
По глади широкой реки,
Хмельных продавщиц военторга
Везут с ветерком мужики.
Воды шелковистая пряжа
И шепот прибрежных раки,
Мозолистый окорок пляжа
Пробудит к любви аппетит.
И страшно любить, и приятно,
Ты вечно к любви не готов...
Лохмотья реки неопрятной
Кромсают десятки винтов.
Прочь, остров в зеленой порфире,
Где дремлет в траве от жары
Прекрасная нечисть Сибири:
Клещи, муравьи, комары...
Да здравствует жизнь скоростная
На фоне инертной страны!
К ней рвешься душой, забывая,
Что годы твои сочтены.
Лети, голубая моторка,
Распарывай швы у реки,
Лети до Москвы и Нью-Йорка,
Пока не взорвется подкорка
От приступа черной тоски!
Подвергнуть забвению тщится
Душа накопившийся сор,
И жадно глядит продавщица
В открывшийся водный простор.
А где-нибудь в Новосибирске
Питомец бетонных громад
Лет десять, как шейх аравийский,
Реки не вкушал аромат...
С душою темней росوماхи,
Случайный старик городской
Приходит гасить свои страхи
Волной желто-серой обской.

• • •

Под березкой худой и поникшей
Горожанка тоскует в грозу
По Христу, по Толстому, по Ницше,
А по мне не уронит слезу.
Жмутся лошади ночью к телегам,
Будто к ним привязали магнит,
И звезда над изношенным снегом,
В темноте еле-еле горит.
Лошадь в городе сделалась лишней,
Авеню иномарки шерстят..
Что ж ты жадно вдыхаешь, гаишник,
Испарений бензиновых яд?

Обожаю пиры и ночевки
В помещенье, где грязь и клопы,
В недрах малолитражной хрущевки,
Ненавистой родной скорлупы.
От авансов любви кровожадной
До утра откажусь наотрез,
Ночь на голову прыгает жабой,
Словно мокрый холодный компресс.
И с мелодией песни заветной,
Кончив спор между «быть» и «иметь»,
Неожиданно и незаметно
Сон ломает меня, как медведь.

• • •

Снег над деревьями кружится белой вороной,
Мир на корню, серебра не жалея, скупая.
Выдернув провод змеи из души телефонной,
Ночь раздевает на ощупь себя, как слепая.
Ревность вонзает в меня металлический коготь,
Лишь вспоминаю тебя обнаженной до края,
Дали бы нежные губы губами потрогать,
Я бы от счастья взлетел с тобой в небо, родная!
Снова на сучьях бугрится рассыпчатый иней,
Снег под ногами скрипит скорлупою яичной,
Пусть мне дороги заказаны в терем к княгине,
Буду один куковать я в ночлежке кирпичной.
В теплой постели меня обнимает истома,
Жизнь тяжела, беспросветна, но спать еще рано –
Я до утра буду медленно пить из альбома
Солнечный мед репродукций Ватто Антуана.

• • •

Сыну Васе

Двуногое в перьях во тьме закричит кукаре́ку,
И звери домашние станут от голода выть,
С кисельного берега брошусь в молочную реку,
Заранее зная, что мне ее не переплыть.

В такие мгновения все вспоминается снова:
Короткие слезы от дыма затопленных бань,
Тяжелая, нежная пыль большака продувного,
Где сбоку сложил свои ржавые кости комбайн.

Блины да картошка и злая заморская сказка,
Лай уличных псов под лучом однорогой луны,
И кажется, будто тевтонские рыцари в касках,
Висят на заборе кастрюли, пимы, чугуны...

Крути не крути, мы продукты крестьянской работы,
Что б ни говорили о наших корнях доброхоты.
В родимой деревне, где в каждом окне по цветку,
Внутри кукареку поют, а снаружи – ку-ку.

Пусть каждый земляк будет в новую жизнь переизбран,
Но первыми встанут из гроба отец мой и мать...
Всего за три сотки души поклонюсь в ноги избам
И вновь в опостылевший город уйду умирать.

• • •

Чтоб покончить с мелочными склоками,
Почитай стихотворенье Блока мне,
И увижу из окна спросонок
За платформой сад с кустами блеклыми
И старуху с парой собачонок.

Век прошел, но те же в ней амбиции,
Несмотря на то, что из провинции,
С костылем, в фуфайке, вся в морщинах
Женщина, поодаль от милиции,
Думает все то же — о мужчинах.

Толку нет, давно увяли лилии,
На мечту энергии не хватит,
В мире вдруг пересеклись две линии:
И гипотенузу режет катет.

Бес в изображенье Микки-Мауса!
Как ни бейся, не спасти от хаоса
За глухим окном опочивальни
Синий свет очей и перья страуса,
Соловиный сад и берег дальний.

Все мы жертвы Энгельса и Дарвина,
Колесом прогресса жизнь раздавлена —
Тело и душа — везде изъяны,
Веет смрадом из могильной ямы.
Нет уже следов Татьяны Лариной,
И, с еще не высохшей испариной,
Бог произошел от обезьяны...

Овчинников Иван Афанасьевич (29 июня 1939 – 18 февраля 2016) родился в селе Нижний Ашпанак Чуйского района Алтайского края. Учился на филологическом факультете Новосибирского государственного педагогического института. Работал в одном из НИИ Академгородка, в Областном центре русского фольклора и этнографии, участвовал в экспедициях. Один из основателей фольклорного движения в современной России. Признанный знаток и популяризатор сибирской народной песни.

Участник сборника «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989). Автор вышедших в Новосибирске книг «Мил-человек» (1991), «Стихи» (2003), «То ли к нам, от нас ли» (2003), а также книг художественно-публицистической прозы «Записки из города» (2010, 2013). Публиковался в неформальных изданиях, в журналах и литературных альманахах, в том числе в журнале «Сибирские огни» и альманахе «День поэзии». В 2017 году в Новосибирске вышел посмертный сборник произведений И. А. Овчинникова «Я помню, помню всех, кого любил...».

• • •

Хорошо, когда люди дружат.
Но когда ты — долго один,
даже тот, кто был просто нужен,
станет очень необходим.

НЕЗНАКОМЕЦ

Так глядит существо неземное,
появляясь в зеленых очках.
Очень ценное, как золотое,
серебро на прекрасных висках.

Кто-то резко его не полюбит.
Понял все. Не прощаясь, пошел;
И, как самые разные люди,
заиграл, заиграл в волейбол.

В ОТПУСКЕ

Сегодня что? Десятый день.
Давай подумаем... Сентябрь.
На славу в нашей слободе
повяло, вывесило стяги.

Куда девались эти дни?
Когда ползелени пропало?
Узнать бы как-то у родни,
которая не выпивала.

• • •

Нечего делать — воображаю:
в конце октября,
в уже темнеющую субботу
выходят из Оби
тридцать три богатыря,
разбегаются
и находят по сердцу работу.

ПЕРВОКУРСНИЦА-ГОРОЖАНКА

Ты по утрам выходишь в сад.
Центральный сад у окон дома.
Навстречу мощная роса.
От листьев мокрые ладони.

Минута в окружении астр.
Над ними, немо холодея,
сто раз покрашенный театр
стоит с плакатами, старея.

У светло-розовых колонн
есть тени – тихие творенья,
соседи... о, где угомон.
Где тоже выход в сад. С куреньем.

Любимица из всех аллей
одна – широкая, сквозная,
шумящая, что ей, что ей
дорога нравится лесная.

Когда любишься, идешь
среди блестящих листьев, веток,
действительно, добра и света
начало брезжится, ну что ж.

О старый сад! Его края
оглашены грузовиками.
А вот и город, и роясь
другие думы возникают.

Сад где-то, словно облака,
сквозь кроны изредка заметные
и розоватые слегка,
мелькают пятна Музкомедии.

ЧЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Десять рублей. Мне нужно десять рублей!
Ты прав, брюнет, мой черный человек,
ничего не вышло за столько лет.
Даже десятки не дашь.
Мы моментами были приятели.
Ты думал — я хуже.
И в том,
когда на меня валят,
валят, валят, валят,
я с детства слабо оправдываюсь —
а может, — я.
Иногда я гляжу в глаза.
Ты о деле, а я — в глаза.
А в лесу там, за городом
я не кричу: тангенс равен тому-то, тому-то!
Понимаешь, внемли, ух, не люблю нелепость!
И несколько лет уже думаю о мастях.
Положим, проиграешь ты, черный человек,
десять десятков,
а занять ты их мне никогда
не займешь. Неестественно. Что ж —
у людей научился. У нас.
Вот сейчас мне никто не даст, и
я не сделал того, с чем могу подойти
в тихий вечер, мой черный товарищ.
Я часто думаю о тебе, о твоей доброте:
кипятится, как мы. Только это досадно.
Черный человек, а черный,
дай десятку!

• • •

Достраивают цирк. Достроят.
А рядом на разгон ручьев
выходят юноши достойные.
Выходят девочки ничо.
Ну прямо чувствуется лето!
И ты, ученье разлюбя,
сбежишь с гуманитарных лекций.
Идешь и строишь из себя.

• • •

Из Новосибирска выходит корабль.
Идет по морю Обскому.
С берега ветер вчера был.
Так завывал по-морскому.

До края сине, глубоко,
не видать
села под водою нисколько.
Откуда бы взяться на море — опять
прощается с нами иконка.

• • •

Наш вуз на самом берегу.
Сегодня, у окошек стоя,
мы наблюдаем, как в пургу
затон готовится к застою.

Идет последний пароход.
Почти недвижим. Как он долог!
У схода, где сквозной проход,
сейчас свистит ужасный холод.

Едва продвинулся. Как в рог,
трубит протяжное, печальное.
За ним спокойно катерок
по делу к пристани причалил.

ПОЮТ ПО-СТАРИННОМУ

Не выключайте! Пусть играет.
Эх, кто-то взял и повернул.
Глядеть родной пейзаж мешает.
Дороги лучше ровный гул.

Многоголосие, блаженство
зависит от людей таких!
От их общаг мужских и женских,
от снимков с дурочек нагих.

• • •

Девушка
кружится с зеркалом.
Вертит такие дома!
То проплывает, то меркнет
зима...
Девушка остановится —
видно, как падает снег.
Весело с ней
становится.
Когда полюблю кого-нибудь —
других кое-как терплю.
Но снег, синеву подоконника
невыносимо люблю!

ЕСЛИ ОБМЕН, ТО...

Мама права — надо окна веселые.
Чтоб на дорогу, на день.
Мама воспитана солнцем и селами,
ясной мечтой деревень.

ПОЛУСТАНОК

Здесь только станция дрожит.
А так — цветы и очень тихо.
И жарко очень. В поле ржи
златятся сладко буквы — «Льниха».

Подросток-девка босиком
на прокаленном рельсе павой
нарочно медлит пять секунд
и вдаль идет по теплым шпалам.

А станционные гудки
щемят, свистя над разнолесьем.
Ответно стадо у реки
дает свое разноголосье.

Грустя под выкрики гудков
и разревшей гармонии,
десятка два призывников
с разбега прыгают в вагоны.

Сейчас отец на костылях
с окошком в ряд заковыляет.
А потому, что был в боях
на Висле, Одере, Дунае.

Сойти б. Живем-то одна.
И, на траве, рубаху скинув,
под песни горько изнывать
от в плечи въевшихся травинок.

В ДЕРЕВНЕ

Ты любишь по улице тихо брести,
мирно вдоль вечера, вдоль огорода?
Есть еще время подумать, семью завести.
Мысли заветные с прошлого года.

По улице детства, былой беготни,
где вон уже – Танькины, Ванькины маки
пылают у окон, в которых они –
романа – а как же! – веселые знаки.

У РОДИТЕЛЕЙ

– Девки-и-и!
Девушки убегают от тучи.
По волнистому клеверу, будто бы вплавь.
Чтоб скорее прекрасной расцветки могучей
постирать и развесить свой вымокший плат.

Прибежали, а солнце – над всеми над нами!
И мамаша варенье несет на огонь.
Сыплет сахар в него, не сверяясь с часами.
Бьет над жаром спокойно ладонь о ладонь.

• • •

Уже давно и далеко
и снег, и тракторные гусеницы.
Гора сбежала так легко!
Как с плеч гора.
Решительно, как пустится.
И сразу длинным стоном пил
день запрещался, поднял шапку.
Как я сегодня все любил!
Краснел, темнея шаг за шагом.
Как стало очень, очень жаль
терять, рассеять все на свете.
Заметить только темной – шаль...
И тихий флаг на сельсовете.

ВЫХОДНОЙ В ТАЙГЕ

Протока ли, речка под хвойным навесом
петляла и стала совсем ручеек.
Лохматые ели, скучая над лесом,
шептались: а вечер? А вон, недалек.

Ладья закатилась в коряги, в объятья.
Придется, как древле, как исстари, ух! —
мужам, мужикам искупаться, захватит
вода терпеливый языческий дух.

Бредем, что твои бурлаки, что коняги,
что скифы, глазами к воде наклонясь,
счас, женки, запрыгнем, на весла налягем,
нажмем на остатки воскресного дня.

Темно от тайги, а не сумерки это.
То сумраки крепкие в темном лесу.
А только уплыли от елей — и нету
вечернего света. Весло на весу.

Теперь по-казачьи, особенно, тихо,
да не на траву из воды! — Загребай!
Три раза по водам ударили лихо.
Промчались, оставили лодку у свай.

Пожалуйста, вечер. Овечки, как море
валами, с ягнятами семенят.
А их голосочки в пыли, в этом хоре,
как раз как звоночки в квартирах, звенят.

Трамваи, столбы в понедельник железные.
Забудем о прошлом, поди, что всегда
мы есть казаки, голованы полезные,
глаза наших милых лучатся тогда.

ДОБРОЕ УТРО

Руки замерзли поверх одеяла.
Настежь распахнуто к небу окно.
Сам захотел. Как вчера поыхало!
В честь мою, что ли, зарницы. Да – но...

Битый, ученый я, только гостиниц
не разлюбил из-за слова. И впрямь –
память, как будто гостинцев и горниц
с окнами в горы, а может, в бурьян.

В детстве мечталось: столбами по свету
в гору, как та вон, пойти со двора.
Вот и сейчас! Но возвышенность эта –
та, по которой приехал вчера.

Может ли, чтоб, зеленея, покатошь
нас соблазняла, как будто судьба?
Чем похвалялась немного когда-то,
где-то в высотных домишках толпа.

Аз многогрешный из дедовских правил.
Разве скажу, что мотало, как лист?
Все ж выбирал, выбирался и правил.
Был же и выбор, и те, кто плелись.

А погорельцы? А как же солдаты?
Там, где остался отец. Я молчу.
Там уж судьба. И моя – без отца-то.
Родину где теперь, как получу?

И не промолвлю небрежного слова
я о судьбе волевых и простых
сверстников, жителей края родного.
Около них побывав, погостив.

ВНИЗУ ВО ДВОРЕ

Девчонка с дворягой.
Девчонка с дворяжкой.
Хоть как назови их —
зима и зима.

Вот март какой серый
над сквериком, сквером,
снежок надоел уж.
Зима да зима.

Когда позовут их.
Верней, назовут их.
Ага, уж зовет кто-то,
вот как оно.

А как их зовут,
называют? Не слышу.
Не слышу! Не слышу —
закрыто окно.

А, вот как зовут их,
из форточки: «То-о-ня!
Дождемся тебя или нет?»
А девочка сразу
как топнет.
Как крикнет собаку
так звонко:
«Ко мне!»

СУХО

Надо мной опять летают тучи.
Теневые, треплют волоса.
Не дождят, не балуют, а мучат,
улетая за город в леса.

А за ними по железной линии,
раскаленной, покатилося вдаль
чисто поле полосами длинными.
Каждой – предыдущую не жаль.

ДВА ОСЕННИХ ЛЕСА

1

Осенний лес. Немного стыдно.
Его легко одолевать.
Идешь-идешь, и долго видно –
еще маячит голова.

2

Кому бежать – едва ли скрыться.
За лесом только, за горой.
А там... чащобам тем открыться
и замереть самим собой.

• • •

Разбросанная баня
давно уж вся в цветах.
Эх, бревна, забыванья,
затихшие места.

Хорошие, задымленные.
Сбросал их богатырь.
За городьбой, за тыном ли
смущают зря Сибирь.

ДОМОЙ НА СНОПАХ

Хорошо в сентябрьской степи.
Кажется теплей, теплее лета.
Облако остановилось, спит.
Облака другие потерялись где-то.

Спит, напоминая снег.
От его сияния простого —
тот уже, неизносимый свет
над желтеньем поля золотого.

Там, где на соломе по полям
еду я, а все еще поля все.
А я маленький — легко снопам.
Можно до околицы валяться.

Без конца охота плыть и плыть
дальше, даже дальше дома
ехать по дороге, чувствовать теплынь,
окликать ровесников знакомых.

• • •

Все реже туристы.
Все тише леса.
Меж сосен далекие горы.
И выстрел. Пока до конца доплясал,
давно уже заяц дал деру.
Листва полетела, и вновь по кустам
расселась безвольная стайка.
Багрянец... А кажется, только что там
маячила красная майка.
Как вспомню ее, перед кем
вчера еще прыгали в омут...
Что делать сейчас на реке?
Спортсмены на городских стадионах.
Лесок повздыхал и затих.
Сломалась какая-то ветка.
Сама. Здесь шаром покати —
ни одного человека.
Становится грустно. Подходит оно —
окружающее бездействие.
Посмотришь — такое пространство у ног,
и некуда деться.

• • •

Люблю за деревней лежать.
Отстав от друзей, только скромно.
Молю темноту не бежать —
на небо красивое, ровное.

Шепчу ему — дли свою жизнь,
прекрасное, алое небо!
И солнце, пылая, лежи
на золоте тихого хлеба.

• • •

Зима. Как будто так и было.
Как будто осень — это сон.
Пока я спал, поля покрыло,
заборчик снегом занесен.

Смотрите, с первой же метели
поднялся маленький народ.
От всех крылечек заскрипели,
елозя, лыжи — кто вперед?

РАССКАЗЫВАЛИ В КОЛЫВАНИ

С горы сорвался грузовик.
На повороте канул в вечность.
Колонна встала. Глядь — мужик,
шофер этот грядет навстречу!

Под крутизною был лесок.
Своей сомнительною крышей
подпер, сдержал, и мужичок,
пока прощались, вылез, вышел.

По низу пробежал волчком
и выскочил. Смотри — засада.
Ух голова! — пеклась о том:
означить счастье еще надо.

В ИЗБУШКЕ

– Бабушка, ты не спи-и-и.
Ты сказала: значит.
– Ну, значит, говорит,
что ее они,
если в этих цветах, соловьи.
– Ну и что, соловьи
ее в белых цветах.
– Отпугнуть их велит.
Вот они в облаках. Ох и гром!
Люди спят. Слава те,
Господи. Ох, люди спят!
Соловьи в высоте,
журавли летят.

Жили-были старик
со старухой один.
Повалил, было, снег.
Привалило малину.
Да так, что не надо вязать,
Лазить в снег пригибать.

Ладно, спит соловей...
Отцвели у отца
помаленьку цветы.
Листья, слышишь, отпали.
Стары бабушки спят.
Одна старуха не спит.
А медведь в сенки идет.
И поет-орет, поет,
что старуха спит.

• • •

Деревня цвела, наслаждалась.
Гроза разбивалась о лес.
Как тысячетлетняя шалость –
над сеном стоял ее блеск.

В поляны, томимые зноем,
не туча плыла – темнота.
– Вот эта, ребята, помоем.
Завесит сейчас навсегда.

В ней облаком небо казалось.
Синело во тьме в вышине.
И пряталось. И сбывалось
пророчество. Но не вполне.

• • •

Рос теленок среди роз,
георгинов, маков.
Дома в январе в мороз
то скучал, то плакал.

В мае во дворе стоял,
сам с собой играя.
Милый, маленький, жевал
сено у сарая.

Как повеяло тепло
на луга-поляны,
замелькал повсюду лоб,
забасил баяном.

Побежал скорей к другим
маминым сыночкам.
— Гоша! Гоша! Георгин! —
Все кричат телочку.

• • •

Осень за школой. Вот она.
Смирно в юннатском пруду
спят на боку земноводные.
Сыплются листья в саду.

Холодно, невозможно!
Пусто на бережку,
в поле. Природа сложена
на школьных столах, на току.

Музыка в окнах – жалоба
на невеликий день.
Какая-то жалость к жабам –
спят неизвестно где.

Но на момент, на миг ведь!
Это всегда-всегда
снова природа никнет
у школы и у пруда.

• • •

Ах, представляю лето!
Утром Шульгина, Томилина, Замалина,
вздрагивая, возражая, зябко входят в лес.
– Здесь уж кто-то был... Эх, опоздали мы!
Ой, пастух, пастух на сучья влез!
Всю деревню видит.
А внизу прохладно, мрачно, тихо, дико.
– Валька, Валька, гляди-ка, клубника.

И глядишь, глядишь, тепло, тепло, жара.
– Чш-ш! Кукушка где-то, где речушка.
Вот она и летняя пора.

К вечеру устали, грустные
смолкли шестиклассницы, идут.
Под ногами веточки похрустывают.
Сколько леса, сколько неба, столько дум.

Милые, простые, показали нам,
с чем пришли они, –
Шульгина, Томилина, Замалина.

ПОСЛЕВОЕННЫЙ ЦВЕТ ЗЕМЛИ

Светло-синяя карта. Румяные страны
утопают в воде — за квадратом квадрат.
Океаны пузатые от Магадана
до Америки Южной, сберегшей солдат.

Страны новые, да уж по-свойски
колокольчик уроки закончил, звеня
Ваньше, Петьше, а в классе — кто с двойкой,
остаются одни — океанам родня.

Небо в окнах, на улице синее-синее.
Горячо. Но уже зарыжело, поглянь...
Нам на радость в полях всевозможные лилии,
разноцветные полосы. Просто земля.

РЕБЯТА

Слизали с оладий варенье.
На улицу! В майскую степь.
А там в бесконечной весенней
траве заржавевшая цепь.

На ней в замешательстве пчелка
томится секунду, поет.
Гудит, выясняет: а че это?
Смекнув, по медунке ползет.

• • •

1

Ах, милей, еще милее!
Степь уставлена снопами.
Ласково осмотрена глазами —
Остается, вечереет.
Далеко уже комбайны
с поля едут к дому, к бане.

2

Банька дожидается до ночи.
Мужики ли, бабы ли вперед
моются уже, хохочут.
За окошком снег идет.

ДЕРЕВУШКА НА ПЕНСИИ

Побурели, сильно побурели
прясла над рекою на снегу.
Оттепель весенняя, капели.
Над водою грусть на берегу.

В тихой глади проблески не льются.
Не идут рубахи полоскать.
Огненные руки после ноют, руци.
Старенькие. Отдохнут пускай.

РУССКОЕ ОДИНОЧЕСТВО

Бесценные весны деньки
как одиноко, плохо полетели.
Живу опять, как старики, —
люблю в своей ограде зелень.

Поют вверху, и заодно
оттуда майский дождик льется.
Участье, счастье — за окном,
со всех сторон ко мне несется.

Слетает с листьев на меня.
Я высунулся к темным тучам.
Вот, братцы, одинокий я.
Лицо в воде, в весне плакучей.

ЭПИЛОГ ОДНОГО СЕЛА

Думаете, кто там светится,
крышами сверкает, кто зовет?
Да никто, а просто грезится.
Грезится уже который год.

Никого там нет у неба синего,
где мелькало стеклами село.
Нет его давно в горах, красивого.
Все из этих гор ушло.

Нету нашей русской деревушки.
Нету-ка. И не поставят вновь
к лесу пятистенные избушки,
где мы бились, бедные, с войной.

Вечером вернуться не к кому.
Разве к стогу тихо подойти
лесникову, одному тут, летнему,
надавить рукой и отойти.

• • •

С. М.

Бредет ли старый человек
тропинкой к дому престарелых,
цветет ли наш XX век,
или тридцатый, где пределы?..

А собирается гроза
среди бела дня на небе мая.
Старик глядит во все глаза —
куда идет она, стреляя.

Мольба при молнии — любви!
Секунды ясности великой.
Зигзаг над нами, объяви! —
как быть: с мольбой или с молитвой.

• • •

Зеленый змий – как аэростат:
ему голову отрубят,
у него три вырастат.

• • •

Светает. Люська, уходи!

• • •

Пляши, пляши, Плисецкая,
все стерпит власть советская.

• • •

Слеплю я снежную бабу
и поставлю ее под луной,
у товарищей – по три, по четыре бабы,
а у меня ни одной.

Маковский Анатолий Владимирович (30 мая 1933 – ?), потомок семьи известных русских живописцев, родился в поселке Болшево Московской области. После войны попал в детдом. Окончил военно-музыкальное училище, в армии играл на кларнете в оркестре. Учился на механико-математическом факультете и в аспирантуре МГУ. В 1966 году уехал в Сибирь. В Новосибирске работал инженером-программистом, разнорабочим, грузчиком.

Публиковался в альманахе «Мангазея» и газете «Вечерний Новосибирск». Автор сборника «Заблуждения» (Новосибирск, 1992).

Пропал без вести в Киеве в середине 90-х годов.

• • •

Жизнь моя в каком-то сизом свете
голуби летят на синий вечер
девушки кому-то обещают
остальным лишь бедрами качают

колокол звонит на неудачу
я уже решил свою задачу
только в мире все неразрешимо
Бог не электронная машина

пусть желты Евангеля страницы
свиньям все корыто будет сниться
были б деньги я б уехал в Ниццу
пролорнировал бы за границу

там меня никто не понимает
пусть уж лучше здесь не принимают
чем я виноват что идиоты
чужды аромата идиомы...

ГРОЗНЫЙ

Плодово-грушевый и синий город Грозный,
В тебе спасался я и манускрипт писал.
Благодарю тебя за осень
И за орла на небесах!

Твои окраины – фонтаны нефтяные,
Насосы, знавшие царя...
Но – министерствами отныне
Откинулся базарный ряд.

И церковь, где венчались дворяне, –
Из камня шахмат, серая, стоит.
И эполеты смешаны с Кораном
У флигелей, теперь уже в пыли.

КАВКАЗ

Я был в горах на даче адмирала.
Он моряков – в атаку подымал.
И та скала, где Демон пролетал раз,
Ему служила как бы ординарцем.

Кавказ – Парнас открыточного типа,
Но грозно соответствует ему.
Седой хозяин, как Ермолов, тихо
Советским, светским чаровал умом.

Он рассказал, как бился муж Тамары
С английским рыцарем по имени Ричард,
Как Плиев ловко обошел мадьяров,
Как Берия на маршалов кричал.

Потом – сорвался, стал ругать Хрущева
(Единственно, кто в партии велик),
Но угостил чудесным нас харчо он,
Европу опрокинувший старик.

А там внизу ручей грозился Лермонтову
И Хетагурова цитировал порой.
На треугольниках – дежурили олени.
Переходил границу Чайльд-Гарольд.

• • •

*Посвящается барду и режиссеру
Александру Холмогорову*

Целый день пишу письмо
А вокруг играют в карты
Километров на пятьсот
О вине не заикаются

Говорят все про тюрьму
Как на зоне обижают
В каждой камере Тимур
Самарканд ему скрижали

Что ж Аркадий ты Гайдар
Портупейный мой писатель
Пионеру имя дал
Сластолюбца и паскуды

Что хотел ты тем сказать
Иль экзотикой увлекся
Поезд мчит пугая зайцев
Все березы и березы

Филин прячется за ель
Что ему лететь в Канаду
Эмигрировал медведь
А волкам — пока не надо

И лисе здесь хорошо
Только знай тайги законы
Бич шатается прошел
А какой вагон не помнит!

Эмигрировал медведь
Шубой черною в Канаду
Бич фуфаячку надел
И по родине канаец

Вот закончил я письмо
Все еще играют в карты
Я из дураков не смог
Выйти любят нас пока что

Подъезжаю подъезжаю...
Тонконогие здесь сосны
Вдруг такие — очень жаль
Все красавицы в поселке?

• • •

Вчера я работал грузчиком
И мало машин нагрузил
Нет у меня этой русской
Грубой медвежьей силы

Надо быть может питаться
Да я-то чем виноват
Что одна воспитательница
В доску опять залилась

Кормит меня роскошно
С отчаянья нет курить
Собака похожа на кошку
Обглаживает лапки куриц

Я хоть вегетарианец
Но уток больше люблю
В охотничьем каком-то романе
Читал я о них статью

Рождественские бывают гуси
О них вроде Диккенс писал
Скоро морозы хрустнут
Дублер я бездомного пса

А на заводе хлеба
Навалом всяких мастей
Вода бежит в туалете
Где надписи идут вдоль стен

Как будто в Древнем Египте
Короче кружку берешь
Предохраняясь от гибели
Хлеб ноздреватый жуешь

Он желтый и с виду красивый
Но горячий он кисл
Девушки в белых косынках
Складывают его кисы

Меня сегодня не взяли
Я сел в морозный трамвай
Который скрипит тормозами
У Оперного кривой

Осталось в театр шмыгнуть
За дверью наверно тепло
Не нужно ль в вечерней шумихе
Декорации топором

Или пока автобусы
Не слишком забиты толпой
Съездить на рыбную Обьгэс свою
В квартире одеяло тепло

Можно сварить картошки
Поставить чай кипяток
Жаль что плитка дороже
Электро чем газ чуток

ИЗ ХАФИЗА

Выпью я и снова запою
Сидя у персидского ковра
Может быть Аллахом создан юг
Чтоб узнать каким же будет рай

Сладкое восточное вино
Горькая восточная любовь
У султана весь гарем цветной
И на пиках русский ряд голов

Выпью я и снова запою
Та кого любил я – неверна
И одно осталось что налью
Белого киргизского вина

Сладкое туркменское вино
Горькая туркменская любовь
Вон у шаха весь гарем цветной
Смотрит с пик отважный ряд голов

Выпью я и снова запою
Будет аудиторией полынь
Очень мне на ней лежать уютно
Но вино не стырили б орлы

Ведь Коран не жалует вино
И как брань не чтит Коран любовь
А у хана весь гарем цветной
И чубастый с копьев эскадрон

ГРУЗЧИК

Моему учителю
Сергею Сербину (Гаврилычу)

Он перед бочкой – как артист
А бочка хочет вниз
Она на лестницу рычит
Как бы гепард кубизма

Она набуськалась вином
А он сегодня трезв
Как дипломат перед войной
Иль утро стюардессы

Или – составщик поездов
Кому сто грамм вина –
Как в бочку с порохом пистон
Или в обком гранату

Граниты лестницы ведут
В Египет погребов
Где два служителя кладут
Ту мумию на бок

Чтоб Апис брюхо ей вспоров
Отправил к богу Ра
Но этот жест и топором
К ревизии бугра...

А он стоит тореадор
А бочка – рыжий бык
Сто килограммов помидор
Для связей и гульбы

А он – закусит рукавом
Когда она – внизу
Окончив номер роковой
Как раб перед Везувием

• • •

Жизнь моя слагается из работы
И противоречат мне все поэты
А потом я иду по городу
По Вытрезвительной, по параллельной

Или под прямым углом
Сворачиваешь к телеграфу
Где ресторан может приголубить,
Не зал, конечно, а зельц, телятина

Или читальное существование
Где рядом с девушкой самой упругой
В однопартийном молчании
Шуршишь страницей столетнего друга

А за окном может быть троллейбус
Идет по единственной в городе улице
Пойдем покурим за фикус с Лениным
Герберт Уэллс считал его умным

Герберт Уэллс — и во мгле Россия
Флейта, снега, я в снегах затерян.
Что ж ты качаешься по Амундсену
Синий пингвин, у обкома-терема?

• • •

Треугольник электровоза
Двигется на моем пути.
Я совсем ошалел от мороза.
Приготовь-ка чаю, партиец.

Коммунист мой поставит чайник –
Он как Лемешев запоет.
И пока я состав встречаю,
Приготовит закуску, пирог.

Мы закусим, икнем, закурим.
Я начну коммунистов ругать.
У начальника дома куры.
У меня только По Эдгар.

Коммунист не спеша улыбнется,
Скажет: «Запах опять с утра.
Анатолий, тебе придется
Встать на лыжи, пройти в аппаратную».

Я как Нансен, в тайге на лыжах.
Хорошо, что волков нет пока,
А не то б приключение вышло
В духе По «Золотого жука».

И как Ибсен пойду на лыжах,
Хорошо, что волков нет пока,
А не то б дело страшное вышло,
И из партии – старика

Полагаю что исключили б;
На снегу бы одежда, кровь.
И, наверно, будет дивчина –
Начинающая прокурор.

• • •

Когда-то под этим плакатом
Красивая девушка шла
И тихо шумел вентилятор
И Ленин уполз в шалаш

Я только что кончил работу
И мог бы ее проводить
Товарищ такой нехороший
Меня поджидал пить «Рубин»

• • •

Поставьте мне бутылку водки
И я стихи вам расскажу
Блестит стакан с водою волчьей
Нахальной как вся русская жизнь

И аудитория собралась
На морды не спешите смотреть
Одни – подайте Христа ради
А те – угрюмой самураев

Они прибить прибавить могут
А могут крупно напоить
Но иногда с такою мордой
Рождается Наполеон

• • •

Петру Степанову

Вчера приходит Петька с вермутом
Точней с бутылкою «Агдам»
Хоть в холодильнике консервы
Но алкоголику не дам

Но он селедку сам приносит
И даже с ресторана «Обь»
Там иностранцам на подносе
Возможен вариант любой

Петра сосед там вроде грузчиком
Никак не выгонят его
И он таскает белоручкам
Муку свинину и вино

А сам не кушает ни булочки
Но пьет что тоже артистизм
Его изба на царской улочке
Гостеприимна не пройти

ГОЛУБЬ

Голубь голубь ты летишь
Я тебя не накормил
Голубь ты меня простишь
День сегодняшний не мил

Станешь весело клевать
Стану весело смотреть
И опять не понимать
Как вас птиц не пожалеть

Потому что два крыла
Это пол еще мечты
Голубь голубь тень орла
Синий с искрами почтарь

ЭСКИЗЫ – МАЙ 1975

Я бывало любил оркестры
За веселый и медный нрав
И колышется за ними пестрая
Как большая гармонь толпа

И еще я люблю игрушки
Эти глобусы грузовики
И по молодости конечно пушки
Тупорылые броневики

И невольно себе представишь
Тех ораторов первых маевок
Это я по свету шатаюсь
Принц ничтожества и минора

Но мне нравится век тот тихий
За усадьбой дворянский парк
И пожалуй мне близки картины
Чем их чуткие голоса

Но тогда это было ново
А весною ручьи поют
И захочется вдруг немного
Изменить что ли жизнь свою

Есть зеленое время года
И начало ему весна
И плывут полотенца гордые
Слишком спелые знамена

Стало плохо мне как поэту
Идиоты нас оскорбляют
Я куплю скоро хризантемы
Приоденусь Оскар-Уайльдом

• • •

Откормила гусями Татьяна
Снова в поезде еду я
Словно Байрон на бриге «Тайна»
Он всю ночь курил у руля

Ну я а поскромнее в тамбуре
И от слез не могу писать
Проводник попался таборный
Уж два раза сдавал посуду

А навстречу новогодние ели
К ней бегут обратно в Сибирь
Где сидит она меж медведей
И зарезать опять грозит

И чудесно уйдя невредимым
В дальнем поезде еду я
Словно Байрон на яхте «Ундина»
Только чуть черствее еда

У него было много влиятельных
Остроумных блестящих друзей
Она пьет сейчас валерианку
Поезд в Куйбышеве тормозит

• • •

Зовет мужик меня в Измайлово.
Идем, грит, живопись смотреть.
Из тысячи холстов измазанных
Понравилось примерно семь.

И вот когда мы проходили,
То в джинсах девушка одна
Двух чебурашек милых-милых
Вела гулять. Я одурел.

Они – на ниточке, как в цирке,
Она – канатный мотылек.
Шахерезада, где писцы твои?
Но я как Байрон – путь далек.

И доберусь я до колхоза,
И среди умных матерков
Я буду помнить о стрекозах
Над живописным ветерком.

ЭСКИЗЫ – СЕНТЯБРЬ 1974

Занимаюсь мещанским бытом
Выбираю красивый шарф
Ах рябина ты моя рябина
Красна ягода алкаша!

Подбегают ко мне менты
а я с ними давно на ты

Что же делать ах что же делать
пить не хочется ждут менты
из-за глупости красивых девушек
рассердились на меня святые

А вчера я читал Вальтер-Скотта
было поздно уж два часа
у них сражение началось не скоро
и казнили одного стрелка

И красавица-леди в шпорах
скакала во весь опор
Утром кто-то в нашу контору
принес алых и белых цветов

И надел я свои пистолеты
помолился в последний раз
а рядом с красавицей-леди
командовал наш граф

Ну что же ты не хочешь выпить
все равно мой вассал умирать
и вороны долго кружили
один сел на барабан

.....

Стал я смерти очень бояться
на кларнете не стал играть
и любимая опера «Паяцы»
не идет уже полчаса

В провинции я люблю актеров
в столице я люблю уборщиц
и магнитные ленты мои затерлись
но я мысленно вхожу в соборы

• • •

Пришла красивая баба
И сразу Москва летит
А за окном тайга уже
Товарищами кричит

У ней очень спелые ноги
И сразу меня забрало
Обнял глазами как мог их
За окнами в сороках село

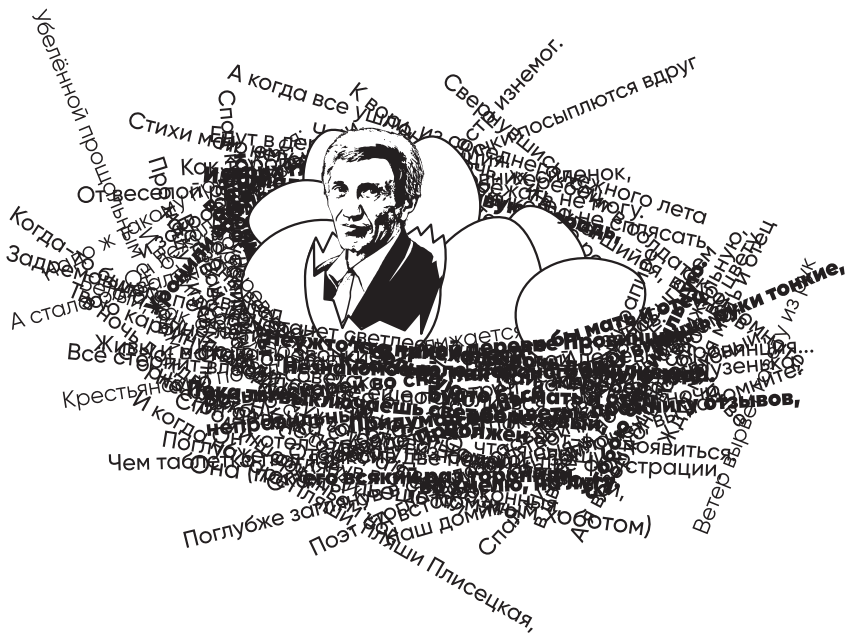
И сразу мне стало стыдно
Что я долги позабыв
Мастер пера и стиля
Сошел с ума от кобылы

И слыша блатную музыку
За Двигатель принялся я
А все-таки какие у ней мускулы!
Фортепианная талия

• • •

Простился с Москвой незаметно
Лишь Лермонтов слабо кивнул
Когда я сквозь садик медленный
Шинель его обогнул

И снова — качаться в вагоне
Как Байрон или Жюль Верн
А скверик совсем зеленый
В нем курит с бичами Лермонтов

ВАЛЕРИЙ МАЛЫШЕВ

РАССЕЧКА

Малышев Валерий Викторович (29 марта 1940 – 23 мая 2006) родился и жил в Новосибирске. Окончил Новосибирский инженерно-строительный институт (НИСИ) по специальности «инженер-строитель». Трудился на стройках СССР в самых разных уголках страны, от Владивостока до Приозерска.

Автор нескольких поэтических книг: «И значит – жить!» (М., 1987), «Срывающийся крик» (Новосибирск, 1989), «Как весть, как совесть...» (Новосибирск, 1991), «Рассечка» (Новосибирск, 2001). Публиковался в журналах «Сибирские огни», «Наш современник», «Юность», «Огонек», в газетах «Советская Сибирь», «Молодость Сибири», «Вечерний Новосибирск».

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЕ ЗАРИСОВКИ

Весенний вечер,
Болтовня
Про то про се, про шуры-муры,
Короче – на исходе дня
Визит в центральный дом культуры!
Мы отправляемся.
(Причем, вникайте, –
Вырвались на волю!)
Здесь танцы
Под «паровичок»,
Под джаз
Или под радиолу.
Мы в элганте –
На башке
Проборчик,
В ней – лихие мысли:
Мол, в сем культурном очаге,
Как и везде,
Дым коромыслом!
Ну так и есть,
Здесь каждый рад
Перетрясти
Избыток блажи –
Резвятся
Кто во что горазд,
И молодежь в ажиотаже!
Ах, шейк!
И лезут фа на соль,
И человек на человека!
Очки втирая,
Гнут фасон
Четыре подгулявших грека!
Грудные
Всхрапывают клетки,
И воздух
Сдавлен и упруг.
Подвыпившие малолетки

Угрюмо
Шепчутся в углу.
И, созерцая вяло твист,
В фойе зевает интурист.
А в интерклубе –
Тишина,
Подобье царства сонного,
И для ушей она
Тесна
И кажется спрессованной.
Чистюли –
Выхолены, тонки,
Корректно высадившись в ряд,
Миниатюрные
Японки
У телевизора торчат.
Угрюмо
Скулы подперевши,
Играют в шахматы
Норвежцы.
Им надоест.
У них «кафар».
Норвежцы двигаются
В бар.
А бар как бар,
Одно нелепо:
Он в виде грота
Или склепа,
И росписи кричат со стен.
Короче,
Бар – а-ля модерн.
Здесь шведы,
В качестве разминки,
Жуют
Японскую резинку,
Глядят
На барменшу Наталию
(На грудь, на талию и далее).
А там,
Из человек пяти

Кружок —
Исполнены значенья,
Японцы в возрасте,
Почти
Трезвы,
За редким исключением.
И млея,
Видно по всему,
Под русские
Под прибаутки
«Российской» водки кутерьму
Обрушивают
На желудки.
Один из них,
Набравшись «русской»,
Блаженно
Складывает ручки
И,
Изогнувшись колесом,
Мне заявляет:
«Карасо!»
Японец явно осовел,
Я отвечаю кратко:
«Вэлл».
И,
Взгромоздясь на табурете,
Я наблюдаю сцены эти,
Пока в двенадцать,
Наконец,
Не крикнет барменша:
«Конец!»
Бреду домой.
Звучит из мрака
Возня и женское
«Пусти!»...
Большая,
Трезвая собака
Мне попадетсЯ
На пути.

ПОБЕГ

(Детективно-фантастическое)

Ведет сумеречный образ жизни.

Надпись над клеткой льва

Из зоопарка скрылся лев.
Украли? — да кому он нужен.
Все сбились с ног, оторопев,
Но тут был сторож обнаружен.
Ввиду того, что подшофе,
Он мирно спал за клеткой львиной,
Не помышляя обо льве,
Не приготовившись к повинной.
И бедному не повезло,
Он был немедленно уволен
За ротозейство и за зло-
Употребленье алкоголем.
(Для справки: это по статье
47-й с подпунктом «Е».)
А лев бежал, его несло,
А что несло — не разобраться,
И думал весело и зло:
«Небось — уволили мерзавца.
И поделом, вот так его,
Он целый год бубнил упрямо:
"Ты нешто, тигра, существо?
Ты ж паразит..." — а дальше — в маму».
А мама в джунглях. Лев бежал
Туда, к родительскому крову,
И километры пожирал,
За неимением другого.
Но вот и джунгли. Лев вздохнул,
Но, чтобы здесь не осрамиться,
Он книгу Брема распахнул,
Мусоля лапами страницы.

И там, найдя на букву «эль»,
Узнал, что с ним в сравнение нуль все.
А прочитав, что всех сильнее,
Самодовольно ухмыльнулся.
Макаки в зелени ветвей
Над ним, как ангелы, порхали,
И наподобье фонарей
Зады их красные мигали.
Лев даже сплюнул: «Срамота!
Ну предки Брема, ну уродки,
Возьмите Брема навсегда,
Он вам пойдет на папилютки!»
Потом, довольный сам собой,
Согнув хребет в упругий обруч,
Лев двинулся на водопой,
Ведя свой сумеречный образ.
Он рассуждал: «Цари – правы,
Царям необходимо лопать...»
Конечно, в качестве жратвы,
В виду имея антилопу.
Эх, антилопа, антизверь,
Ты ж – антипод, ты – корм для сытых,
Лев превратит тебя теперь
В бифштекс о четырех копытах.
Скрывайся, милая, не стой,
Львам класть опасно в зубы палец,
Ведь данный лев – не Лев Толстой,
Который вегетарианец.
Что ж лев? – у льва текла слюна,
Но тут чащоба поредела,
И он наткнулся на слона,
Чем был рассержен до предела.
Слон не бежал, слон – хоть бы хны:
Он ел, похрюкивал приятно
И, как хорошие слоны,
Смотрел тепло и травоядно.

Лев заревел: «Ах, сатана!
Обжора, окорок ушастый!..»
И тут же прыгнул на слона,
Но покалечен был ужасно.
И образ сумеречный он
Влача истерзанно и бренно,
Вдруг вспомнил: что такое слон,
Так и не вычитал у Брема.
Ругай себя иль не ругай,
Что толку, все теперь напрасно...
А горбоносый попугай
Вслед заорал: «Ага, нарвался!
На папильотки Брема?! Гад!
Дур-р-рак! Так вот тебе награда...»
Потом закончил: «Дилетант!»
Ну что же, так ему и надо.

• • •

Тлеет драма бытия,
Ортодоксы не уймутся!
Был бы корень без гнилья –
Выкорчевщики найдутся.

Расслоились времена,
Впрягся ты, а в ту ль повозку?
Этим снятся ордена
И, конечно, – переброска.

«Глас народа не угас?..
Не учите! Знаем сами!»
Ох, как нужен глаз да глаз
За такими голосами!

(Шуры-муры...) Ордена
Недотепам?! (...ради шкуры.)
Что-то медлят ордера
От лица прокуратуры.

А нехватка – одного,
Чтоб впитали всею кожей:
«Смерть – начало... А чего?
Продолженье... А чего же?»

• • •

Жили-были старик со старухой,
Смирясь с повседневной разрухой.
Жить бы себе да жить,
Ведь воду с лица не пить,
Да и к лицу ль теперь-то, собственно говоря,
Гербарий трясти Октября
(Ноября, декабря, января —
Все двенадцать императора Августа
Радикальным методом «запросто»)?

Уж коль так порешили когда-то вожди,
Кому — вершки-корешки,
А самому доброму-злому — сено-солому,
То палец, привыкший к крючку спусковому,
В рот никому не клади —
Зверя в себе не буди!

Старик, какой же ты профан,
Старик, твои забыты поры,
Твой сад скосил Левиафан,
А карлики забились в норы.
И уберутся ль восвояси
Индустриальной толпой?
— Откуда вы?
— Из грязи — в князи! —
Кричит восторженно изгой.
Их десантировали к нам.
А с чем? Да с горем пополам.
Вот с той поры и хороводят,

И учат нас всему шутя.
«Там чудеса, там фавны бродят...»
Вникает в таинства дитя.
Вникает с горем пополам...

Доколе ж нищенствовать нам,
И так словесность на ущербе!
Идет нечистая игра:
Лукавый корчится на гербе
Или стратег из-за «бугра»
Под крики «браво» иль «ура»?

Крути ж, старик, свой ветхий дубль,
Ведь не плясать же под сурдинку!
Что, конвертируется рубль?
И это тоже не в новинку.

А черный миф на всех парах —
И вдоль купав, и сквозь купавы!
Блюют в отравленных лесах
Обескураженные фавны.

И только леший про свое
Гудит — всевидяц и невинен:
«Ужо! ужо вам за житье!»
Он, дай-то бог, консервативен.

• • •

Снятся, снятся человеку
Замечательные сны,
Что в природе мы от века
Не владыки, а сыны;

Хоть земное вроде хлеба
И основа всех основ,
Чаще вверх смотри, на небо,
Только б не поверх голов.

• • •

Проснулся от страшного сна,
В нем врезаны взрослый и мальчик.
Багровый оттенок маячит
В разгневанных лицах: война!..

Тот мальчик стоит в сорок пятом,
Мужчина — из этого дня.
И тот и другой — это я,
Как будто на кадре отснятом.

А в мире пока — тишина...
Проснулся от страшного сна!

• • •

Жизнь истончилась, и последний миг
В зрачке погас и сам себя постиг.

Кто там зовет на вахту мертвецов?
Загробным миром, чем еще клянешься?
В девятый день и в сорок сороков
Зови, зови — до них не дозовешься!

Из мглы возник — поглотит та же мгла,
И — жизнь дотла!
Обыденно и жутко
Два ангела, две смерти, два крыла
Сквозят по временному промежутку.

А сущее? Его не освистать,
Не передернуть даже из упрямства.
У-уу, курва! У-уу, реальность!
Но молчать?
Но считать с трехмерного пространства? —

Отдайте прозе!
С буквы прописной
Начни скрижаль — пусть смысл не оскудеет:
«Юдоль, юдоль!.. Лишь только прах земной
И птица в небе не осиротеют!»

• • •

«Усомнишься, и – голову с плеч!..»
Отсекая артикул клеветов,
Я отправлю родимую речь.
На погосты пяти континентов.

Зацвели чужеземные сны
Средь обломков погибельной славы,
Где угрюмо почивают сыны
Оскверненной Российской державы!..

Диктатура качнула волну,
А волну процедили кордоны,
И философ завыл на луну,
Чтоб насытились тощие лона.

«Срежем верхнее пламя с огня!»
Ах, какие колосья скосили!
Западня, западня, западня, –
Слава Богу, светильник – Россия!

Диктатура вторую волну
Раскачала. Куда ж вы, родные,
Сквозь наветы, железо, войну?
Не сбываются сны золотые!

Нет, не впишутся в замкнутый быт
Те, кто якобы вырваны с корнем!
Откровенье над миром сквозит,
В нем такие протяжные скорби!

Знать, прогресс прогорает дотла —
Дым и лязг в шестернях механизма.
Унитарная тень пролегла
Перепончатых крыл сионизма!

Эмигрантами третьей волны
Пузырясь, потекло отрицанье
На астральный зрачок сатаны,
На тельца золотого мерцанье.

Пузырись же на самом краю
(Тщетно ждать — возопит ли Исая?),
Всю библейскую немочь свою
Под арабским жерлом созная!

• • •

Всё реже ряды ветеранов,
Всё скорбней погосты страны,
И вряд ли утешат тирады,
Но брешь заполняют сыны.

Что им доставалось в наследство? —
Поведайте, кто испытал:
По мере счастливое детство,
А мера?..
Кто меру считал?

А тысячелетье в закате.
Что ж, в память победной Весны
Медаль учредив, отчеканьте:
«Сынам ветеранов войны!»

• • •

...будто миг — неужели рассвет?
Ночь истлела в оконном проеме.
Мы одни, никого больше нет
В этом комнатном, малом объеме.

Невменяем и неизгладим,
Этот миг переполнен участием...
Припадаю к коленям твоим,
Погибаю от приступа счастья!

УЛИЦА

Вышел я со скорбью мировой,
А навстречу – улица Свердлова.
«Кто такой – не ведаю такого...» –
Скорбь зашелестела надо мной.

Говорю: мол, люди говорят –
Он из тех, из первых слуг народа,
Именем и судьбами народа
Он распоряжался, говорят.

«Говорят иль кур в Москве доят?
Что-то вас зашибло разговором?»
Потянуло мороком и мором,
И свердлило душу от утрат.

Эх, да вдоль по Свёрдлова прошли!..
Скорбь тащила ношу мировую,
Понося идею моровую.
До конца по Свёрдлова дошли.

И остановились у обрыва...
Скорбь скрутило, будто от позыва:
Вновь скривился разум мировой.
Иль дохнуло язвой моровой?!

• • •

Остались считанные дни.
Здесь не до летнего фасона,
Уже готовятся одни
К осенне-зимнему сезону.

Другие вроде не спешат,
Но им уже готова кара,
Хотя на лицах их лежат
Остатки летнего загара.

Но ты поторопись, не то
Поплачешь — заморозки близко,
Демисезонное пальто
Давным-давно пора в химчистку.

А ты в costume — не спешишь,
В тебе сентябрьская отвага,
Ты доверительно глядишь
В витрины главунивермага.

А там — ну все не по уму,
Там манекены бредят летом
И, вероятно, потому
Они по-летнему одеты.

Чудак, не будь настолько смел,
На свете есть еще растяпы,
Завмаг, как видно, не успел
Их нарядить в пальто и шляпы.

А фруктов хоть и завались,
Но холод скоро, это точно,
И зябкой скукой веет с лиц
Продрогших уличных лоточниц.

Уж кто не знает, как они,
Что осень двинулась серьезно.
Остались считанные дни.
Поторопись, иначе поздно.

В ГОРОДКЕ

В городке портовом и галдящем,
Коему не страшен сатана,
Бойком, теплоходами гудящем,
Шла дальневосточная весна.

Не с того ль, доверчиво-нескромна,
Как в немом, замедленном кино,
Женщина, потягиваясь томно,
Протирала чистое окно!

Ах, весна, ты спутала все сроки,
Зимний перетряхивая быт;
Восклицанья, шепоты, намеки,
Кошки, сатаневшие навзрыд

По ночам!

Я выглядел – не очень.
Был – нелеп, косноязычен был.
У нее – таинственные очи!
Я их бесподобно полюбил (!),

Массу впечатляющих предметов
Возлагая около дверей, –
Двадцатикопеечных букетов,
Купленных в порту, у «якорей»!

Разлетелось вспльчивое это
Вдребезги! И повод-то не нов —
В качестве блистательного «некто»,
Впрочем, оный некто — вне стихов.

Больно было. Я бродил сутуло,
Бормоча есенинский мотив,
Где поэта дура обманула,
А поэт был рохля и наив.

Забываем мудрые советы,
В чувство погружаясь с головой, —
Ерунду придумают поэты —
Тешатся подобной ерундой!

«Ах, лицо, заполнено глазами!..
Ах, глаза!..» — Финал, увы, не нов —
Извини, но бывшее меж нами —
Тема ах-мадулинских стихов!

Не совсем, но где-то очень близко.
Вот и всё. Я как-нибудь и без!..
Жду открытку из Новосибирска:
«Отвечай, соскучилась...

Л. С.»

• • •

Быт пропарывает брешь,
Берedit сознaньe.
Ну к кому ты вопиeшь,
Жалкое создaньe?

Вот в нoгax твоих стoит
(Скепсис нaгoтoвe)
Дух сомнeнья – Вечный жид,
Что же в изгoлoвьe?

Ни кoсмичeского днa,
Ни eгo вeршинy,
Будтo б свищeт сaтaнa
В щeль пeрвoпpичинy.

На стрeмнинe бытия
Чeм oтмoeшь зрeньe,
Чтоб пoчувствoвaть сeбя
В пятoм измeрeньe?

В КОНЦЕ СОРОКОВЫХ

У ней особенная статья...

Ф. И. Тютчев

...Бомбой атомной пугали,
Строки Тютчева едва ли
Вы читали, господа;
От ленд-лиза полководцы,
Как бы вам не напороться,
Как в Германии, тогда.

В сорок пятом маршал Жуков
Вас за наглость мало жучил,
Убедились – не с руки?!
Не прошло – с позиций силы...
Как вы ноги уносили,
Помня, до сих пор в России
Хмыкают фронтовики!

Ах, страна моя, сторонка,
В похоронках за иконкой
И в невысохшей крови!
Вот – цена войны и мира,
Но теперь ты в центре мира,
Сотвори себе кумира,
Только в мире и любви!

Времени отрезок бурный,
В жизни Родины культурной
Воплотись для всех времен!
Марш – то плавный, то бравурный –
И – ампир архитектурный
Над столицей вознесен!

• • •

Крик раздавался во мгле.
Рваную фразу сносило:
«Сколько
 живу
 на земле!..»
Помню, меня поразило.

Кто он? Доказывал – что?
Сколько простора во фразе!
Будто бы время – ничто,
Будто бы вечность в запасе...

Слезы ли стынут в золе,
Стон ли
 то стихнет, то бьется? –
«Сколько живу на земле?
Сколько
 еще остается?»

• • •

*Светлой памяти
Арсения Александровича Тарковского*

Кто нас морочил: «Судьба – не судьба?» –
Мысли свои не таи.
«С гуся вода, а с тебя – худоба!»
Что заклинанья твои?

Мы не кичились своей худобой
Или – когда вознесут.
А натерпелись – и бой, и разбой,
Вряд ли другие снесут!

И ничего не осталось теперь,
Все, что имею, – в горсти...
Смазали б, что ли, прощальную дверь,
Чтоб незаметно уйти.

Воеет, проклятая, душу щемит
И сквозняками – равно!
Был со щитом и поднимут на щит...
Ах, да не все ли равно!

Все подытожено и сочтено,
И различимы края...
Что же ты, Господи, смотришь в окно?
Или не видишь, что – я?

ГЕФСИМАНСКО-СОВЕТСКИЕ БДЕНИЯ

И сказал Господь:
Я вижу народ сей, и вот,
народ он жестоковыйный.
Книга Исхода, гл. 32

У моей ли тоски мировой,
У моей ли доски гробовой,
Где-то встретиться нам приведется?
А пока что живется. Живется.

На урезе золотого тельца
Все пронзительней абрис лица,
Все гортаннее: «Око за око!»
Близь заклинило в дважды далеко,
Здесь тщета оскверненного Блока.
Как его опалила заря
Накануне того Октября!

Кто погряз в суете и гордыне?
Сорок лет Моисей по пустыне
Шел с народом в библейском бреду..
Я бродил в Гефсиманском саду,
Бывшем Сталина-Ленина, ныне
(Он почивает в народном помине)
Сад какого-то отдыха, что ли,
С ощущеньем украденной воли.
Чем же душу свою отведу?
Я бродил в Гефсиманском саду
В миражах от советского сада,
Знал — в саду состоялась засада.

А мерещились поле да лес,
Да молочные некогда реки.
(Падеграс, падеспань, полонез
В лагерях, где юннаты ли, ээки...)
И – навеки, навеки, навеки...
Просвистали мои закрома!..
«Во первых строках мово письма...» –
Вот обломки имперских скрижалей!
Здесь мерцанье космических далей,
И – Война, и – Победа, и – тьма.
Ах, Россия, тебя уболтали,
Грызуны мировые напали,
У имперского стержня страны
Грызуны, грызуны, грызуны!

Нет, славянка, прощаться не будем.
Если вместе беду не избудем,
Нам забвенье и трижды хана –
Прочищает ноздрю сатана!..

Страсть людская кружит по кольцу.
Чей народ поклонился тельцу?
Кто разбил откровенья скрижали?
Не о том ли скрежещут миры?..

Вот сошел он с Синайской горы,
Вот поник в неизбежной печали –
Глум узрел. (Уповал на кого?!)
«...И убивайте каждый брата своего,
Каждый друга своего,
Каждый ближнего своего...
Меч на вас!..» И глумливые пали.
Кто – лазутчик? Кто – Лазарь воскресший?
Всколосились библейские плечи!

В прах он стер золотого тельца!
(Здесь зияет начало конца,
Здесь отныне гримасы Исходов!)
Ах, лети, золотая пыльца,
Освежай, освежай мертвеца
И теки, растворяясь по водам,
Станешь вечным питьем для народа,
Пронизая веков череду...
Я бродил в Гефсиманском саду...
Гефсиманско-советские бденья...
Ну примерьте мои заблужденья!..
Прозябает в долине лоза,
Ты не внемлешь ее прозябанья,
Закипает людская слеза –
Исстрадалось твое состраданье!

А когда гад морских, и земных,
И заморских ты чуешь повсюду –
Различаешь вора и иуду
В замороченных нетях родных.

Зверя знак, из разломов свищи,
Скрепы мира распались на части!
Брат, очнись ото сна, не ищи,
Не ищи иудейского счастья!

Как полынью кричит лебеда, –
Вылез жестоковыйный наружу!
Отведи свою душу! Куда?
(Извели!) Отведи свою душу!

Что нам, что до Синайской горы!
Спутав торги астральной игры,
Чутко русскому веря прибору,
Мы взойдем на Кудыкину гору,
Опершись на свои топоры
И шепча: «Ничего, до поры...»

БУЛЫЖНАЯ МОСТОВАЯ

Проспект перекрыли, вскрывают асфальт,
Ночная работает смена.
Прожектор горит, механизмы шумят
Во славу метрополитена!

Вскрывают асфальт. Я стою отрешен:
В разрезе лежит, как живая,
В песчаной подушке военных времен
Булыжная мостовая!

Тот – в прахе веков ворошит бытиё
Минувшее, – труд этот долог.
Теперь мне понятно волнение твое
И страстность твоя, археолог!

И мне извинителен чувства запал,
Коль давнюю встретил культуру:
Я детской босою ногой ощущал
Шершавую камня фактуру.

Я пальцем потрогал ее и затих.
Я – счастлив к тебе прикоснуться
И чувствовать токи доселе живых
И канувших цивилизаций!

Отъезды, прощанья, иные края,
Но ты постоянна, родная,
Как память о детстве, как правда моя, –
Основа моя, мостовая!

Зырянова Жанна Владимировна (9 мая 1939 – 21 декабря 1994) родилась и жила в Новосибирске.

Первая публикация стихотворений состоялась в середине 60-х годов в газете «Молодость Сибири». Публиковалась в коллективном поэтическом сборнике «Свет в окнах» (Новосибирск, 1975). Автор изданных в Новосибирске книг «Граница снегов» (1981), «Незванное» (1992), участник сборника «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989). Стихи печатались в новосибирском альманахе «Мангазея» (1995, вып. 3), в сборнике «Остров: антология новосибирской поэзии» (М., 2019).

• • •

Еще не осень в дачном городке.
Еще в прошедшем времени не осень.
Парит земля. И в хвойном холодке
Гамак взлетает весело меж сосен.

Купальник сохнет. Мальчуган свистит,
Из кухни тянет тестом и корицей.
И кадка с дождевой водой блестит
Под деревянным кружевом карнизов.

На лопухах цветастая роса.
В ветвях стеклярус солнечного блика.
А на террасе жаркая оса
Звенит над молоком и земляникой.

Бордовой лейки радостный ручей
Сияет, словно дым фонтанных ниток,
Вдоль ободка горячих кирпичей
И кремowego царства маргариток.

Несется жеребенок карий вскачь
Калиток мимо и открытых окон.
Вчера в крапиву залетевший мяч
Мигает солнцу круглым синим боком.

Давным-давно здесь девочка жила,
Блаженная под дождиком ходила
И юного Ромео не ждала,
А странного Печорина любила.

МАРГАРИТА

1

Любимый мой болен. Болен!
Он бледен. Он так горяч!
Бураны метут ли в поле?
Светильники ли горят?

Идут грозовые токи
Над белым дворцом волной.
О, мастер ты мой высокий!
О, боже ты мой больной!

2

Ты слышишь? Ты не богомаз,
Ты высочайший дух!
Вот майский дождь уже погас.
Вот голос твой потух.

Огонь гудит в моих висках,
Мне тошен белый свет.
Какая черная тоска!
Такая – спасу нет.

Какая, дьявол! Все не то.
А ты? А где же ты?
А помнишь черное пальто
И желтые цветы?

А помнишь, улица пуста,
Там только ты и я?
Не жги, не жги, я кровь листа,
Я рукопись твоя.

Мой боже, чудо сотворя,
Себя же не убей.
А мне – хоть дурочкой твоей,
Хоть ведьмою твоей!

А я лечу к тебе, лечу
В предсмертный вздох и стон.
Сбрось плащ с меня. Зажги свечу.
Да будет с нами сон.

3

Простимся, обыватель. Это лето
И да хранит запас твоих монет
И бедных слов! Не бойся. Я легенда.
Я – Мастера последний сон и свет.

Страница я. Я пламенем палима.
Благословенная тщетою тщет.
Тебе не знать, как болен мой любимый.
Как болен он!.. Как волен он и щедр.

Мне больше не бывать костром и пеплом.
И вышиной. Вот это – Вышина!
Страница я. Я пламенем отпета.
И пламенем своим оживлена.

4

На мертвенных губах свет утра зол и зыбок.
Торжественен и прост наш похоронный час.
Пусть нас не отпугнет загадочность улыбок
На мертвенных губах. Не хороните нас.

Попейте просто так да потолкуйте, гости.
Хорошим, вас ничем не омрачившим, днем.
Оставьте лучше нас владельцу Черной трости.
Не хороните нас! Оставьте нас вдвоем.

Я так уже давно все двери затворила
От любопытных душ, от беспощадных лун.
Уже давно вошла я в черную квартиру
И выстояла ночь на дьявольском балу.

В двенадцать будет свет.
В двенадцать каркнет ворон.
В двенадцать – перевес потусторонних сил.
Не хороните нас! Здесь нас отметил Воланд!
А там Иешуа простил и отпустил...

Уже случились все столичные напасти.
Обычным днем пришли. Ушли обычным днем.
И отоснились мне четыре шпаги, Мастер,
За гений горький твой в безумии твоём.

• • •

Не подними меня, как птицу,
Которой горло снег закрыл!
О, не нагнись, чтоб не стыдиться
За неожиданный порыв.

Не обмани случайным сходством,
Когда, отважен и широк,
Примеришь латы благородства
На незамеченный жирок.

Не поцелуй однажды руку.
Не поднеси лицо к лицу,
Чтоб не продать потом за рюмку
Полупопутному дрянцу.

• • •

Может, перед смертью вижу сон.
Раз его уже гляжу четвертый.
В этом сне мне имя Марион.
Марион. И я в прямом и черном.

Снится мне, четвертый снится раз —
Тишина разъята трубным рогом.
Снится меч и шрам вдоль ясных глаз,
Снится черный конь за черным бродом.

Снится колебание свечи,
Пол вишневый, вянущая ветка,
Снится мне, что музыка звучит,
Это отпевание, наверно...

Я совсем не знаю, сколько лет
По земле струится траур шелка.
Снится, что он занял белый свет.
Потому пожизненна решетка.

Это монастырь. За ним земля.
Розы там красны, янтарны осы.
Снится: я — кузина короля.
(Он потом умрет от черной оспы.)

• • •

Не кончается пиром да миром,
Не морозит уже и не жжет,
Что не ждет меня ласковый милый
И никто меня шибко не ждет.

Посему-потому я свободна,
И простейшее мне по плечу.
Вот пойду я, куда мне угодно,
Вот уйду я, когда захочу.

А куда — представляю нечетко.
А куда — без небес и границ?
На кулички податься бы к черту!
Поглазеть ли в раю на птиц?

Я в раю. Я в краю синих сосен.
Незаметно подходит весна.
Сотни птиц.
И из всех этих сотен
Мне нужна только птица одна.

ПОЛУСТАНОК

Ну вот полустанок. И старого дома не чудится.
И мы отправленья в чудесные дали не ждем.
Вот туча стоит, как тоскливое черное чудище.
Дай бог ей пролиться последним алмазным дождем.

Ну вот полустанок. И хватит. Не будем гостями.
Ближайший пригорок пушистый, как мишка-медведь.
Ну вот полустанок. Пейзажи с травой и гусями.
И воздух, как мед. И горячая крыша, как медь.

Ну вот полустанок. И воздух зеленый и синий.
И светятся-плавятся окна зареченских сел.
И свет на рябине. И рябь на зеленой осине.
Ну вот полустанок. И это как будто бы все.

• • •

В том краю,
Где родился подсолнух детишкам на радость,
Не разбился никто, и туда невзначай мы зашли.
Мы шагнули туда, сняв вторую оконную раму.
И собрали гербарий, и книгу о травах прочли.

Нам позволили там сохранить как-то ясное лето.
И отдали легко для засушки немного травы.
Отпустили невинно нам солнечные первоцветы
И широкие листья с широкой росистой тропы.

А потом мы вернулись и вставили старую раму.
Вот и все чернокнижье... А раму замкнули дожди.
А потом мы вернулись...

Вернулись, наверное, рано...

А потом мы вернулись туда же, откуда пришли.

• • •

Добреду, как собака усталая,
На дымочек людского жилья.
Это будет деревня старая.
Это буду в ней старая я.

Будет там не обидно. Обыденно:
Печка, лавка, капустный кочан.
И навстречу береза выйдет
И пожарная каланча.

И кирпичная водокачка,
И плетеная городьба.
Будет радиопередача
Из районного городка.

Будет воздух такой целебный!
Будет скука — что сам измор.
...И еще до скончанья лета
Принесет почтальон письмо

В палисад, где черна малина.
(Почтальон будет тоже стар.)
«Каравелла Санта-Мария» —
Будет старая марка там.

Зарябит на ранетке ветер.
Скрипнет тоненько желтая дверь...
Положу на траву конвертик.
А зачем мне письмо теперь?

МЕДАЛЬОН

Смотри: вот это древний сон
С лукавинкой внутри.
Тот бирюзовый медальон
Носили короли.

Нет поразительного там.
Там яблонька и две
Фигурки – Ева и Адам
В сени семи ветвей.

Вот человек и человек.
Два первых – ОН, ОНА.
Земля (одиннадцатый век)
Голубизной полна.

Вот им и рай – хоть небольшой.
Продолжен их покой
Какой-то детскою душой
И варварской рукой.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СУВЕНИРОВ

Голубая ветка винограда,
Пиала с водою ледяной –
Натюрморт. Дарю. А мне не надо
Этой райской радости одной.

Этот мальчик с бронзовою кожей
Красным солнцем словно обожжен –
Идолчик. Дарю. Мне не поможет
Никакой пленительный божок.

Этот ангел с дудочкой послушной,
Этот белокурый мой дружок –
Пастушок. Дарю. А мне не нужно
Больше на фарфоровый лужок.

Этот хрупкий, что в хрустальных латах,
Грусть моя... Да он и грустный сам.
Дон-Кихот... Дарю. Расстанусь. Ладно.
И его – хрустального – отдам.

Кажется – вот все, что я имею.
Да еще... вот эта, на краю
Этажерки... кукла Галатhea –
И ее охотно отдаю.

• • •

Я поступлю неразумно,
 Я раздарю все рисунки,
 Зная, что каждый рисунок
 Одновременно и знак.
 Что-то все сумрак и сумрак...
 Ту алфавитную сумму
 Бедный мой, бедный рассудок
 Не восстановит никак.

В озере плавают листья,
 В озере плавают листья.
 Это вот смуглый и мглистый
 Берег и водный овал.
 Ягод зеленые кисти
 В зареве красном повисли...
 Это одно из тех писем...
 Только рисунок пропал.

Это черней головешки.
 Прыгают гладкие кошки.
 Черные, гибкие кошки,
 Ворон чернее угля.
 Это горят веретешки,
 Это купаются в ложке
 Черного блеска сережки
 Явственной формы нуля.

Это вот в камне толченный
 Корень, в огне пропеченный.
 Это сова и волчонок.
 Это на картах – тузы.
 Это почти утонченный
 Чертик, к луне обращенный,
 Магии белой и черной
 Я потеряла азы.

КУХНЯ

А на кухне колбочки и склянки.
Варят с перцем оловянный суп.
Служат мне четыре обезьянки,
Жарят на металле колбасу.

Все тут проще самого простого.
Мой обед воздушен, как балет.
А квадратик слитка золотого —
Это масла горького брикет.

Чад и чан. Меня замучил кашель.
А четыре дуры любят лесть.
Вот сейчас они заварят кашу,
А потом меня заставят есть.

А когда исполню их вельенье,
Будет мне десерт уже готов —
Принесут зеленое варенье
Из каких-то сморщенных плодов.

Поднесут его совсем бесстыдно.
Вкус его не меньше чем жесток.
Варят-парят. Воду через сито
Пропускают в то же решето.

В этом блюде что-то есть от блюда.
Это — непристойное совсем.
В этом решете не будет чуда,
Если пуда соли я не съем.

Их четыре. Их всего четыре.
На балу. На кухонном полу.
И едино таинство в квартире —
Пятая — в невидимом углу.

Две мешают зелье белой веткой,
Две льют в синьку тот же керосин.
Пятая — обычная, как Вечность,
Вместо солнца держит апельсин.

• • •

Предвесенняя даль... Предвесенняя даль.
Голых веток тонки кружева.
Что мне это далось? – клавишина печаль...
Между синей воды – острова...

В деревянном доме деревянные коньки,
В деревянной тарелке легка
Деревянная ложка... И где островки,
Между синего льда – облака.

Это льдинки иль брызги – в старинный туман?
К темным крышам? Все кажется мне,
Там, где ласточка в небе, как черный тюльпан
На слегка голубом полотне...

БЕЛАЯ ПЕСНЯ

Еду я. Еду по белому городу.
Может, теряю с тобою я голову.
Может, блуждаю в метели ночей.
Может быть, сплю на холодном плече.

В белом трамвае, в пребелую полночь
Может быть, может, меня ты не помнишь.
Может, к тебе вдоль Фонтанки бегу.
Улица Зодчего Росси в снегу.

Белого, белого, белого цвета.
Белая, белая школа балета.
Белым-пребелым торжественно заткан
Белый фасад Инженерного замка.

Белые площади. Белый предел.
Вот уже бронзовый конь побелел.
Белая, белая, белая полночь.
Может быть, может, меня ты и помнишь.

• • •

Как мгновенно в аллеях темнеет.
Сплетен много, да нет новостей.
Паутинная нитка длиннее
Всех прямых и окольных путей.

Дождь идет. Правда глазоньки колет.
Собирается грусть в монастырь.
Волосок неминуемой боли
В пустоту опускает мизгирь.

Вот соломинка. На, утопающий!
Вот рука! Только пропасть уже.
Подорожник, тоску унимающий,
Так небрежно приложен к душе.

На дворе нашем листья опали;
Листопад возле окон сожгли.
Мы у осени этой не брали
Ничего, да и брать не могли.

Все, что было, осталось ли с нами?
Кто бы мог нам сегодня помочь?
Благодарно смотрю я на пламень
Листьев, бывших в зеленую ночь...

• • •

В июле голубые кони
 И вечер, как печаль икон.
 Сварю малиновый свекольник,
 Зажгу оранжевый огонь.
 В июле васильки сгорели,
 Но цвет шиповника пришел.
 И было солнце над деревней
 К закату, словно древний шелк.
 Такой невероятно-алый,
 Широкий, радостный такой!
 Как будто счастья всем хватало,
 Но в нем таился непокой.
 И оттого-то так щемило
 От этой щедрой красоты.
 И оттого-то я щадила
 Тебя так нежно, словно ты
 Сейчас умрешь. А я не стану
 Потом жалеть и горевать
 И не смогу чужой и странный
 Твой мертвый рот поцеловать.
 И ничего уже не будет,
 Уже не будет никогда.
 Уже другой закат остудит
 Над алой крышей провода.
 А с них слетят другие галки.
 А к ночи будет тихий дождь.
 И запах мха, и запах гари,
 И топкой тьмы... Куда уйдешь?
 В июле голубые шторы,
 Но в них сгорели мотыльки.
 А скоро август. Август скоро.
 Сильны закаты и легки...

• • •

Окошку слуховому нет помина.
Кто ходит здесь, когда уже темно?
И черная бутылка под паутиной
Еще хранит старинное вино.

Свое ж гнездо сорока разорила,
Упал птенец на бледный край зари.
Французская девчонка Азарика,
Ты знаешь все... Так что же? Озари!

Кроме меня, здесь нету виноватых.
И все (я знаю) к лучшему...

Скажи,

Зачем мальчишки хлещут из рогаток
В те призрачные наши витражи?..

• • •

В такую-то стужу, в такую-то вьюгу
 Дурак не пойдет за вином.
 Давай, ближе к ночи. Давай, дальше к югу.
 Давай отойдем...

За окном

Мотается ветка. Блистает загадка.
 Нет ветра. Есть фреска дворца –
 Железная клетка – в кормушке касатка –
 Дешевка простого кольца...

Игра ничегушки. Подъезд ночевушки.
 Дурнушки дурная игра.
 Моток да катушки,
 Да пух на подушке,
 А скоро четыре утра...

Четыре, четыре...

– Куда ты? – Далече.

– Куда ты? И как я одна?..

Четыре утра...

– Да, конечно, – не вечер,

не вечер,

ни мир,

ни война...

• • •

Морозный Зодиак. Мне снится Вавилон...

Еще один дурак здесь был в меня влюблен.
Опять пришла болезнь. Затем упала ртуть.
И если что-то есть, то, верно, — это путь...

В цветочник забредешь, с цветка воды не пей.
И брось ты эту брошь, какой там скарабей!
И брось еще болтать, что уличный пустырь
Загадочнее, чем тибетский монастырь.
Не все ль равно теперь, когда уже нас нет,
В какую Люцифер бросает пропасть свет?

Ни моего «приди». Ни твоего «прости».
На Геллеспонте штиль. Кораблик в мифе спит.
Волшебных кораблей в помине не видать.

...Хотя все это вздор. Не стоит отвечать...

ДОЧЕРИ

Отдвигаю неизбежность.
В ней расставание с душой
Родимой самой, самой нежной
И непрощающе большой.

Перед грозой стоит затишье.
Пред одиночеством — покой.
Такой покой, что взрыв застывший
Я глажу робкою рукой.

И в ослепительности света
Сквозит иное естество.
И далеко уходит лето
Из окон дома моего.

• • •

Мой половик на половине
Апреля — вербами метен.
А веник ветреной полыни
Водю горькою мочен.

Лежит полынная дорожка
На всем моем — за все мое.
А серо-дымчатая кошка
Мне все о вербочках поет.

Свет беспричинно пахнет гарью,
И тянется беспутный след.
И ветер в спину, ветер гонит
Последний и тяжелый снег...

• • •

Лед из воды проточной.
Птичий крестовый след.
Нынешней светлой ночью
Выпадет поздний снег.
От белизны робея,
Стих не смогу начать,
И «Болеро» Равеля
Будет в ночи звучать...
Снегам белится ветка...
Что ж ты, моя строка?
– Стукнул в окошко ветер
Или твоя рука?
Кто ты? – скажу я. – Кто ты?
Враг или зимний птах?
– Мне бы твои заботы! –
Смех на твоих губах.
Что ты? – скажу я. – Что ты?
Спас мой или беда?
– ...Снег заложил болото.
Ты не смотри туда.

Трат уже не истратишь.
Убыли не избыть.
Прядки седой не хватит,
Чтобы себя укрыть.

Нынче число 13,
Нынче все тот же свет.
Тешатся ли?.. Бранятся?..
– Снег заметает след.

• • •

А ты о чем? – о гибели моей?

– Но прежде был мне сон воздушных башен.

Возьми его – он – белый соловей,

А черный сад к утру уже не страшен.

А ты о чем?

– О том, что все прошло?

– Прошло все то, что между нами было.

Окно в июле зарево прожгло,

А в январе и зарево застыло.

Не надо лгать.

Не надо только лгать.

Не надо быть ни правым,

ни неправым.

Есть берег.

Невозможна переправа,

Есть край, да нам отсюда не видать...

– Так это там

веревочка вилась,

Чтоб оборваться, и трава дрожала,

Откуда кошка черная бежала

И где-то между нами пронеслась.

Вот это солнце ты возьми себе.

Все было да прошло. Оно осталось.

– В моей судьбе, да и в твоей судьбе.

Благодарю. А прочее – казалось.

ЗИМА В НОВОСИБИРСКЕ

1

«Интурист» и магазин, где марки.
Крошечный рябиновый блокнот.
В отдаленье – дымчатые парки,
Для синиц, с рябиною, балкон.

Возле окон дома – сердцу близкий
Снегопад. И до последних врат
За землей и всем Новосибирском –
Снегопад, все тот же снегопад.

В одиночке место мое занято.
Надеваю добрые пимы
И качусь по белоснежной памяти
Белой-белой утренней зимы.

Цирк и церковь – что мне близость эта?
Или даль?.. Но дальше нету сил...
Жил щеночек дымчатого цвета,
Был Кирюшкой, а теперь Кирилл.

Вырос Филиппок и стал Филиппом.
Цирк и церковь – свет не виноват.
Цирк и церковь – вы ли не велики?
Потому – под куполом канат.

Оставляйтесь два чудесных чуда,
Чтоб рукой до вас! ...да нет руки.
Но ни святотатства, ни кощунства
В этой просьбе:

– Купол, помоги!..

2

Полосатый кот идет из центра.
Все! – ни цента! – полосатый мир!
Пусть небесно-дымчатого цвета
Ходит кот по имени Кирилл.

Все, все, все! – моя собачья память.
Все, все, все! – увы, монетный двор...
– Я тебе платила не деньгами,
Странами! – окончен разговор!

Все наперерез тому, что мимо,
Подбеги ко мне еще, Кирилл.
Вырос ты... Зато погиб любимый.
И залетный быстро разлюбил.

(Ест, наверно, где-то в Верхних Иках
Вместе с бабой кашу с молоком.)
Только купол синий и великий,
Как щенок знакомый, мне знаком.

3

Вот и все. И черта с два сначала!
Ничего «сначала», милый мой.
Что ж ты все молчало да молчало,
Родненькое небо над зимой?

По тебе я сохла, как собака,
В клоуна влюбленная щенком.
Клоун умер. Все. И не заплакать
Мне сейчас о чем-нибудь другом.

Снегопад какой в Новосибирске!
Земли пухом! — прахом все. Постой.
Ничего не надо. Здесь разбиться
Об себя, чтоб снова стать собой.

4

Я целую снег родного неба!
Воля-доля — вольному смотреть,
Воля-доля! — дай мне с вольным снегом
В этом чистом свете умереть!

Ничего не надо мне вакантного,
Никаких не надо мне богатств,
Никого умом весьма богатого —
Вместо этих облачных палат.

Купола стоят на том же месте.
Мир стоит. И никаких гвоздей.
Никаких спасительных известий
Мне не нужно больше и вестей.

• • •

Стоит обернуться.

Стоит возвратиться.

Стоит присмотреться и пойти на свет.

Только свет струится – там, где нам не снится

И куда, похоже, возвращенья нет.

Может, за луною,

может, за Окою,

Может, за Литвою – окна вдоль окон,

Как твой взор спокоен.

Как твой взор спокоен! –

выструган твой угол –

доски без икон.

За горою лодка с черною кормою.

Выскоблены доски теркою в жилье.

...Я все эти доски мою, мою, мою

Скорбною водою памяти моей.

БАЛАЛАЙКА

Я в противной этой лавке
Не взяла себе булавки,
Ни конфетки, ни конверта,
Ни запрета, ни вина.
Взяв хозяйственное мыло,
Всю головушку измыла.
Я забыла блеск шампуня
С иностранным словом «Вонд».
Кто со мною горе мыкал?
Бражник, дудочник иль мытарь?
Я не помню, я не помню,
Это был ужасный год!

...Но, наверно, в оправданье
Мне сказали:

— Ты простая.

Репку водкой запивая,
Громкой репкой — раз до ста!
Простота — она такая.
Я не знаю, я не знаю...
Простота — она, наверно,
Верно, хуже воровства.

Ни приличий, ни отличий.
Кругозор мой ограничен
Балалайкой...
Ставлю подпись,
Дальновидный психиатр!

...Вот болельщик необычен:
То ль напыжен, то ль набычен?
Может, все от кругозора?
Что влечет меня? — Театр.

Доктор – степень ваша?..
Город
Мне не то чтоб очень горек...
Впрочем, что я? И зачем я Вам все это говорю?
На столе бумажный ворох
Из досужих оговорок
И свидетельств...
– Это скоро? Разрешите, покурю?

Снисходительно со мною,
Словно с дурочкой больною,
С подозрительно лаской,
с обхождением го-во-рят!

...Я не знаю и не скрою:
Все то стоит, я – не стою.
Ничего, верней, не стоит –
Все мое и все подряд.

Кто-то чистый, чистый, чистый
Говорит – да так речисто:
И про это, и про это, и про это, и про то!
И про грань, и про границу,
Даже про рецидивиста,
А потом про Монте-Кристо.
Так ли? – хлеб да кипятком...

Я в поганой этой лавке
Не возьму себе булавки,
Ни вина. Да-да, конечно: ни булавки, ни вина!
Напишу-ка я на бланке
Подпись в виде балалайки.
С балалайкой и присяду у окна всегда одна.

• • •

Как стремительно рушится
Рай в моем шалаше.
Ветер в комнате кружится,
Словно в легкой душе.
Горсть малиновых ягод.
Черный мед в туюске.
Это глупость, что тяга
К беспричинной тоске.
Нынче теплое лето,
Да и горе – пустяк.
Говоришь: «Как же это?»
Говорю: «А вот так!»

• • •

Я здесь живу, смеясь или колдуя.
Молюсь ромашкам, солнцу, колесу.
И, обжигаясь, как на искру, дую
На злую и горячую осу.
Здесь все мое. Попробуй отбери-ка
Проросшие давным-давно слова:
Заря. Земля. Зарянка. Земляника.
Снег и подснежник. Волга. Волхова!

БАБУШКА НЮРА

*Памяти бабушки моей
Анны Калистратовны Зыряновой
посвящается*

Нет в доме матери горькой Казанской,
Белого боженьки нет.
Бабушка Нюра хранит партизанский
Деда Ивана билет.

Было житье: чугунки, завидки...
Вьючила. Мыла. Пекла.
Бабушка помнит, когда по заимке
Белая банда прошла.

«Как по Аксаторской рыскали идолы,
Горюшка-то набрались!
Слава те господи, люди не выдали,
Добрые люди нашлись!

В стайке морозной всю ночь просидела
С маленькими дочерьми...»
Бабушка Нюра тогда поседела,
Там. За сквозными дверьми.

Что еще вспомнить?... Печные затворки?
Клички коровьи. Курей?
Черные корки да поговорки?
Прялку да козью кудель?

Старый сундук с небосклоном картинок?
Песни да вещие сны?
Бледный кисель деревенских поминок?
Три «всероссийских» войны?

Бабушка Нюра болеть не умеет.
Рано-прерано встает.
Правнучку Леночку больно жалеет.
Смерти уныло не ждет.

Не уповаает на божию ласку,
Но и не ждет божий гром.
Лишь по стариночке яйца на Пасху
Луковым красит пером.

НА ОБСКОМ МОРЕ

Детство мое, утро мое раннее
Темною захлестнуто водой...
Празднично и нежно дразнят драники.
Да горчит похлебка с лебедой.

Да растет трава сквозь тротуары
И смеется под босой ногой,
Рядом с магазином «Продтовары»
С темною мукою дорогой.

Рядом с перешитыми обновами
Да баракom ветхим у реки,
Рядом с ребятишками Поповыми,
У которых папа без руки.

Городок после войны усталый,
С мельницей на левом берегу.
Неуклюжесть медленных составов.
Станция. Боярышник в логу.

Правый берег – это «Красный сокол».
Кладбище. Канатка. Военторг.
Примула в просветах тихих окон.
Тощий бык. Соломы мокрый стог.

И сверкают возле окон тихих
Лопухи в огромнейшей росе.
И плетется ниточка безликих
Пленных по корявому шоссе,

Яркий воздух отдает гудроном.
По узкоколейке пес бредет.
Земляника за аэродромом
Белыми цветочками цветет.

А на циферблате бело-черном –
День да ночь, да круглые года.
Маленький разъезд.
Разъезд четвертый.
А за ним высокая вода.

• • •

А жданный дождик не идет,
А снег на улицах не тает,
И долог-долг перелет
Щебечущей скворчиной стаи.

За снежной замаятью весна,
Перед которой все едины,
Как перед Богом. И сосна
Вдали, как тихая лучина.

А ты гори — не догорай
Вечнозеленым ясным светом.
Молчи, молчи, перебирай
Иголки хрупкие до лета.

А я к тебе еще приду,
Пусть ненадолго, ненадежно —
Смешной и радостно-тревожной —
Как на семнадцатом году.

На свет чуть брезжущей зари,
Где тихо совы засыпают.
По теплоте парной земли
С благоговением ступая.

Я нежность горькую смолы
Вдохну, чудесно оживая.
Возьму картошку из золы,
Ладони детством обжигая.

ПОПЫТКА ДИКТАНТА

Помню черноглазые иконки
Под большими ликами вождей.

Из старого стихотворения

Иконка Марии под ликом вождя.
Снега. Ледоходы. Блистанье дождя.
Карьер и зеленая зона кордона.
И что мне запомнилась эта икона
Под строгим портретом в году сорок пятом,
В избе, где «гуляли», встречая солдата?..
Там был чей-то мальчик. Худой, золотушный.
И киномеханик. И тетка с частушкой.

Портрет да мешочек с сушеной малиной.
Иконка Марии, иконка Марии...
...Пора листопада. Попытка согреться
Посредством диктанта «Далекое детство».
Попытка диктанта. Попытка письма.
Картонная кукла. В косичке тесьма.
Вот чай с сахарином.
Вот вид с Сахалином.
Вот «Песня о Щорсе».
Вот «Дом с мезонином».
Вот поезд промчался. Рассеялся дым.
Вот вышел навстречу отец — молодым.
Озерная улица дышит туманом.
Несет проводница ежа и тюльпаны.

От станции мая уносит фонарь
Обходчик путей, уходящий в январь.
Гирлянда на елке. Хлопушка в снегу.
В трех действиях сказка про Бабу-ягу.
Огромные звезды... Заснеженный свет...
Иные далече... Иных уже нет.

• • •

Тридцать дней остается до осени.
Угасает загар на лице.
Хепоярви – студеное озеро –
В хмуроватом еловом венце.

И проносятся красные лодки.
И зеленая хвойная тьма
Подставляет мне острые локти,
Провожая с крутого холма,
До заката, жасмина, крыльца,
До веранды, окна, одеяла.
...И приходят стихи без начала,
И уходят, не зная конца.

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Был же день удивительно теплый –
День рождения, платье – в горох,
День Победы.
Мне бабушка Фёкла
Подарила цветы и пирог.
Шесть исполнилось. Лопнула почка
На березе. Гармонь взял слепой.
...Принесла два бумажных цветочка –
Очень розовый и голубой.
Что я помню?
Тогда я бездумно
На заборе сидела, а мать,
Чья-то мать озарила трибуну,
Чтобы только на ней зарыдать.
Боже, Боже, невинный мой Боже...
Что ж я помню, беда – лебеда?
Только помню, что плакали больше,
Чем смеялись и пели, тогда.
Машет мальчик,
Флажком красным машет.
...Чья-то мать на трибуне
С трудом
Скажет слово
«Товарищи!» – скажет
И зальется слезами потом.

Ярцев Владимир Иванович (8 октября 1945 – 11 февраля 2019) родился в селе Пильно Красногорского района Алтайского края. Окончил историко-филологический факультет Новосибирского государственного педагогического института. Работал учителем истории в школе, корреспондентом, редактором в книжном издательстве.

Участник сборника «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989). Автор изданных в Новосибирске книг стихотворений «Грустная память» (1992), «Над темной водой» (2005), «Ожидание в сумерках» (2014). Публиковался в журналах «Юность», «Сибирские огни», «Мангазея», «Дети Ра» и др. Лауреат премии журнала «Дети Ра» (2007).

ТЕЛЕЖКА

Ползет потихоньку тележка,
Скрипит помаленечку ось.
Какая там, господи, спешка!
Колеса разлазятся врозь.

Шажками неспешными двое
Повозку влекут за собой:
Она с головою седою
И с пепельной он головой.

Везут полегоньку тележку
(А третья в упряжке – судьба),
Лежат в кузовке вперемешку
Стул сломанный, доски, щепа.

Снег выпавший вдруг не растает,
Зима не на шутку легла...
О, как им тепла не хватает!
О, как не хватает тепла!

Они из Элизы Ожешко,
Из тронутых временем книг –
Бесцветное небо, тележка,
Поземка, старуха, старик.

Живущий одною минутой!
Не бойся нахлынувших слез.
А кто же с тобою твой лютый,
Смертельный разделит мороз?

ЗИМА

Суровый мастер, смел и груб,
На леденеющие стекла
Мороз наложит белый грунт
И ничего не сможет толком.

Пойдет тропкою эпигонов,
Изобразит снега, сосну...
А кто-то номер телефонный
Оставит стылому окну.

А будет вечер. И троллейбус
Продолжит кольцевую грусть.
И я, нисколько не колеблясь,
Запомню цифры наизусть.

Ой, худо зимними ночами!
В одну не вынесу: к утру
Случайный номер наберу,
И где-то там пожмут плечами.

СОБАКИ УШЛИ

Когда-то была танцплощадкой,
С оркестром и шарканьем ног.
А стала развалиной шаткой,
К тому же — оркестр изнемог.
Достаточно, повеселились,
Пора бы взглянуть на часы.
...А под пол обвисший вселились
Без роду и племени псы.
Дворняжье кудлатое братство
На время приют обрело,
Где, если поглубже забраться,
И сухо, и даже тепло.
Кому-то пришлось не по нраву
Колония этих бедняг.
Решили устроить облаву,
Да сами попали впросак.
Бродяги имели в запасе
Спасительный выход — гурьбой
Снялись и ушли восвояси,
Щенков увели за собой.
Но чтобы они не вернулись
С каких-то неведомых улиц,
Площадку сравняли с землей.
Теперь здесь собаки не лают —
Любители в тире стреляют,
И летом стрельба, и зимой.
В желающих нет недостатка,
Под яблочко целясь, палят.
Десятка! десятка! десятка! —
Который уж выстрел подряд.

• • •

Нас чуткости учат утраты.
Доподлинно знаю теперь:
Чужому поможет, как брату,
Хлебнувший из чаши потерь.
Чудовищней нет опоздания,
Когда открывается вдруг:
Созрело твое сострадание,
Но только могилы вокруг.

• • •

Беленые хаты, березы, белье
На длинных шнурах, голубое от синьки...
О, это летящее мимо жильё!
О, светлые эти сатины и ситцы!

Такое случается в долгом пути:
На тихом лесном полустанке
Вот так, беспричинно, захочешь сойти,
А поезд промчит без стоянки.

• • •

В саду работают шмели,
Весь день моторчиков не глушат.
Они природе верно служат —
Вот если б люди так могли!

Уложена дочурка спать.
В платке, накинутом на плечи,
За книгой молодая мать
На остывающем крылечке.

И до потемок, до росы,
До звездочки с холодным взглядом
Плывут шмелиные басы
Над полуспящим летним садом.

ВОСПОМИНАНИЕ О ДЕТСТВЕ

Всю ночь перекликались ставни
На тарабарском языке.
Всю ночь металась птичья стаи
И били крыльями в тоске.

И ветры хлопали железом,
Дождем швыряясь птицам вслед,
И далеко, за Черным лесом,
В оврагах прятался рассвет.

Тревогою не беспричинной
Я в эту ночь охвачен был:
Наш дом, как парусник старинный,
Скрипел, раскачивался, плыл.

Дом плыл! И, страх преодолевая,
Я вышел все же на крыльцо.
Стихия — грубая, тугая! —
В мое ударила лицо.

Как надрывались чьи-то трубы!
Как с неба рушилась вода!
Как твердо знал я, стиснув зубы,
Что буду вечно жить, всегда...

• • •

Обычная прогулка перед сном.
Все тот же сквер с подстриженной травкой:
Гуляй себе да на деревья гавкай,
И пахнет от хозяина вином.

Наш спаниель из клана горожан,
Бедняга-пес не то чтобы несчастен,
Но противоестественно причастен
К домам крупнопанельным, гаражам,
К асфальту раскаленному, трамваям, —
Печален и никем не понимаем.

По будним дням на мух в квартире лает,
А праздники проводит во дворе,
И явно тяготее к детворе,
И быстро детворе надоедает.

Так жизнь его проходит день за днем.
Одна отрада — вечером прогулка:
Все тот же сквер, сто метров переулка,
И пахнет от хозяина вином...

А где-то есть далекий край болот,
И берега, шуршащие осокой,
И птица над медлительной протокой,
И выстрел, и оборванный полет.

• • •

Дела совершенно забросив,
В ломбарде топор заложив,
Обманутый плотник Иосиф
Пьет горькую – чем только жив?

Не верит нелепейшим слухам,
Которых округа полна,
Что с неким мифическим духом
Ему изменила жена.

Иосифу дух сей неведом,
Вершится людьми воровство.
Ужели с тихоней соседом
Жена обманула его?

Над отчимом божьего сына
Открыто хохочет народ,
И плотник, угрюмый мужчина,
Все больше мрачнеет и пьет.

Не вынуть из сердца занозы,
До смерти терзаться в тоске.
Струятся прозрачные слезы
Ручьем по небритой щеке.

Состарившись, обезволосев,
Утратив секрет ремесла,
О, как безутешен Иосиф:
– Ах, Машенька! Как ты могла...

• • •

Из тишины, из области молчанья
Пришла и трансформировалась в гул
Ужасная гроза. Первоначально
Сухой раскат по стеклам хлестанул,
Затем сверкнуло, и еще сверкнуло,
И зачередовалось, и пошло...
И детвору с асфальта как смело,
И пешеходов, словно ветром, сдуло.
А под конец, под занавес грозы,
Заметил, что у входа в чахлый скверик
Стоит одна и смотрит на часы,
Вся вымокла, продрохла вся, но верит.
И сердце сразу, вдруг, оборвалось,
Разладилось, затребовало слез.
Ой, не придут по слякоти да грязи
К ней на свиданье в мокрый этот сквер!
Заблудится патруль военный разве –
Два рядовых и с ними офицер.

• • •

Светает. Утро после снегопада.
Без устали работает лопата –
По лестницам, по сходням да по спускам.
Старик к земным привычен перегрузкам.
Пока он крепок, сила есть в руках, –
Не затеряться Каменке в снегах.
Бросает снег и что-то напевает,
Как будто дней его не убывает.
А рядом внук, снежинке каждой рад.
Не прекращайся дольше, снегопад!
И кто сказал, что эта жизнь – как сходни?
Позавчера.

Вчера.

Сегодня.

• • •

Совсем недолго осыпаться кронам.
Как провозвестник будущих невзгод,
Навис над переулком Пенсионным
Октябрьский тяжелый небосвод.
Несветлый горизонт сулит ненастье.
Мы встретились опять лицом к лицу.
Врач участковый пронесла участие
К соседскому скрипучему крыльцу,
К чужой беде, что топчется у входа,
К укладу, обреченному на слом...
Хотя бы так! Пусть год или полгода,
Но будет жив надеждой этот дом.
Еще дома. Они теснятся, скучась,
Больные деревянные дома.
Врач участковый! Их смягчая участь,
Неужто ты несчастлива сама?
Кто о тебе заботится и кто
Глаза твои печальные целует?
Проходишь молча. Ветер в спину дует.
И воротник не поднят у пальто.

• • •

За Каменкой – военный городок,
Кирпичные казармы старой кладки,
И облака в нестройном беспорядке
Лениво проплывают на восток.

За Каменкой – столетние в обхват,
А то и в два обхвата, в три обхвата,
В неярком освещении заката
О вечности деревья говорят.

За Каменкой – закатов не бывает.
Там всходит солнце из-за тучных крон,
Там выучкою блещет гарнизон
И молодецки песню запевают.

А Каменку песочком замывают.

Конец оврагу. Каменка, дружок,
Прости-прощай! И лестницы, и спуски,
Звучащие пленительно по-русски
«Гусиный брод», «Гуляевский ложок».

И вы, лужайки мать-и-мачех майских,
Сбегающие к высохшей реке,
И ты прощай, белоголовый мальчик
С игрушечным корабликом в руке.

В ДЕРЕВНЕ

Продравшись плечом через вьюгу,
Войду в уют и разлад —
В свой дом, удаленный от юга,
Где грудями книги лежат,
Лохматые толстые книги,
И каждая учит добру,
И каждую в руки беру,
Как чистую тяжесть ковриги.
Но холодно. Печь затопить.
Сухие дрова разгорятся.
Словарь мне тем временем вкратце
Расскажет о слове «любить»
(Без права широкой огласки),
Закружится кот возле ног,
Мурлыканьем требуя ласки,
И нехотя вступит сверчок.

СКАЗКА О СЧАСТЬЕ

Рано утром лавку открывали,
Народ зазывали,
Счастьем торговали...

Милостивый боже! Что за давка!
Как из-под земли, сама собой,
В тот же миг возникла у прилавка
Очередь обиженных судьбой.
Ругань над толпой:
— Торгуй без блата!
— Осади!
— Куда ж ты прешь! Не лезь!
— По полштуки выдавать на брата,
Чтобы всем досталось! Всем как есть!
Постепенно навели порядок,
Объявили: счастья хватит всем.
Головокружителен и сладок
Запах счастья, не сравним ни с чем.
Редкостная выпала удача,
Денежки гони — и на тебе:

Можешь разом все переиначить,
Все перерешить в своей судьбе.
Осчастливлен каждый будет вскоре –
Миг, ни с чем который не сравним...
...Неужели не учили в школе:
Лучше быть несчастным, чем смешным?
Неужели в лавочное счастье,
Обезумев, верит этот люд, –
В счастье, что, как окорок, на части
Рубят и по сумкам раздают?
Да и сам ты в неводе соблазна,
И твои устои непрочны...
Распродажа счастья. Безобразно
Смотрится она со стороны.
Пересиль же голод этот лютый
И ничем иным платить не смей,
Кроме как единственной валютой –
Жизнью неразменной своей.
...Я там был,
Да счастья не купил.
Деньги дома забыл.

• • •

Приглядишь, эта улочка тихая
Не успела лишиться корней,
И старинные ходики, тикая,
Двигут нехотя время по ней.

Все твои прегрешенья и промахи
Здесь простят без ухмылки кривой
За цветение майской черемухи,
За июльский раскат грозовой.

Здесь дома в одночасье не куплены,
Но до первой, германской, войны
Топорами отцовскими рублены
Из пахучей и жаркой сосны.

Здесь не комнаты — светлые горенки,
А под окнами плещут сады
И выводят мелодию горлинки,
Песню редкостной чистоты.

И молитвы, молитвы за здоровье
В каждом доме негромко звучат.
Только вместо икон фотографии
В незатейливых рамках висят.

И в сознании не умещается:
Этой улочки явь так страшна!
Этой улочкой не возвращаются,
Лишь надеяться смеет она.

ДВОЕ

Легонько, костяшками пальцев
О ставню. Во дворик войдем.
Полуночных впустит скитальцев
Скрипучий бревенчатый дом.
Ну что же! Готовь угощенье,
Хозяйка, гостей привечай.
Чудесны сухое печенье
И крепко заваренный чай.
И десять минут разговора
О том и о сем — ни о чем.
Хозяйка, откланявшись, скоро
Пришельцев оставит вдвоем.
Проникнет сквозь щелочку в ставне
Серебряный лучик луны,
Напомнив: причастные тайне,
Мы вечно скитаться должны.
Пора! Отогрелись, и ладно.
Спасибо, бревенчатый дом.
Бесслезно пойдём, безоглядно,
Искрящимся снежным путем.

ВОСПОМИНАНИЕ О ЛЮБВИ

Прекрасная ночь грозовая!
Робея и робость скрывая,
Мы, за руки взявшись, бежим
На станцию Береговая.
От молний безмолвных светлым-
Светла эта ночь луговая.

Вот, кажется, мы добежали,
Но пусто уже на вокзале,
И дождь хлестанул проливной.
Давай разберемся вначале,
Что с нами – с тобой и со мной,
А рельсы давно отдрожали.

Загадочно! Непостижимо!
Пока что – все молнии мимо.
Разыграна только для нас
Высоких небес пантомима.
Не нужно, не прячь своих глаз.
Любима! Любима! Любима!

Бушуют над нами стихии,
А мы посредине России
Стоим на перроне вдвоем,
Счастливые, молодые,
Под крупным июльским дождем
Друг к другу прижавшись впервые.

• • •

Милосердия! Но – не уступки.
В судный день да ниспустится дождь!
Чтобы лес, отведенный к порубке,
Ощутил каждой веточки дрожь.
Чтобы, правды жестокой не зная
О судьбе этих крон и стволов,
Щебетала пичуга лесная
И не слышал ее птицелов.
Уцелейте же, гнезда и логова,
И свои оградите права
От прямых посягательств двуногого,
Непонятого вам существа!

• • •

Налетела гроза, перепутала
Провода, повалила столбы
И осколков небесного купола
Второпях нашвыряла в сады.
Электричества век закатился?
Сумрак лег на просторы равнин.
И старинная медная гильза
Принимает в себя стеарин.
И свеча оплывала и таяла,
И дрожащий ее язычок
Стал последнею жгучею тайною,
Что, сгорая, постиг светлячок.

• • •

Как сумрачно на лестничной площадке!
Как боязно! Как поцелуи сладки!
Как гулко надвигаются шаги,
Оттуда, сверху, — ниже, ниже, ниже...
Мы замерли в какой-то полунише,
И страшно мне, и не отнять руки
От девичьей доверчивой перчатки
В семнадцать лет на лестничной площадке.

И вот повтор. Свершился некий круг.
Я с женщиной чужою у подъезда
Чужого дома очутился вдруг,
А знаю, что не время и не место.
Укрыться перед скорою грозой
Нам нужно где-то с женщиной чужой.

И мы вошли и встали у окна.
Зловещая какая тишина!
И сумрачно — как много лет назад,
И руки — на плечах ее лежат,
И — до невероятности тихи! —
Оттуда, сверху, легкие шаги.

• • •

Что ни день – холоднее на градус,
На полградуса. Глядь, и снега...
А давно ли безумствовал август,
Молоком заливая луга?

Щедрым был. За подарком подарок:
Ягод горстка, в тетрадке строка.
Полыхали в безмолвных пожарах
По ночам за рекой облака.

Отшумели кочевья крылами,
Отпалили охотники влет,
И холодное небо над нами
Ни слезинки уже не прольет.

У природы в лице ни кровинки –
Лес опавший, да иней ночной,
Да прощальный полет паутинки
В лунном свете над спящей страной.

• • •

Кладбище сразу за дачным поселком
Служит приютом и мертвым и елкам.

Древний, как мир, невеселый порядок —
Ветхость крестов, кособокость оградок.

Здесь же сторож, хотя и старик,
Думать о смерти пока не привык,

Он, презирая свои костыли,
Копит на лодку с мотором рубли.

В лодку с собою посадит щенка,
И навсегда унесет их река.

• • •

Ненастное небо беззвездно.
Случайные звезды — не в счет.
Рассвет, наступающий поздно,
Разлуку тебе принесет.

Она не заплачет, не вскрикнет,
Не кинется в нервную дрожь,
Но молча всем телом приникнет,
А ты — ничего не поймешь.

Лишь лет через двадцать заметишь
Мольбу в предрассветных глазах.
И в ужасе шаг свой замедлишь.
И в жарких проснешься слезах.

• • •

В окрестных обобранных рощах
Дань с веточки каждой снята:
Вчера – безрассудная роскошь,
Сегодня – дотла нищета.
Стеклянными сделались травы,
Сгорбателись в поле стога,
И пашня накинула траур,
По-вдовьи черна и строга.
И птицами край мой покинут,
И в призрачном свете луны
Лежат неподвижно и стынут
Озера родной стороны.

О, если б подняться над этой
Притихшей осенней страной,
Над рощей, до нитки раздетой,
Над темной водой ледяной!
Окинуть единственным взглядом
Все то, от чего без ума,
И легким упасть снегопадом...

И сразу наступит зима.

ПОПЫТКА НАСТАВЛЕНИЯ САМОМУ СЕБЕ

Полувнятицу, скороговорку,
Что в ходу у тебя и в чести,
Позабудь. И примись за уборку,
Чтобы ясность души обрести.
Дым развеешь, сотрешь позолоту.
Чтоб явились простые слова,
Но на эту немую работу
Ты потратишь не год и не два.
Никогда не стремись к дешевизне
И молчанье прогнать не спеши –
Может быть, ты потратишь полжизни,
Обретая кристальность души.
Лишь однажды, когда на исходе
Голубого, неяркого дня
Что-то дрогнет в душе и природе
И немедля запросит огня, –
Вот тогда и рассыпь бестолково
Весь, до крошки, запас золотой,
Позабыв, что за каждое слово
Терпеливой платил немотой.

• • •

Перед тем как уйти,
Запотевшие стекла протру –
Поутру ощути
Переменного света игру.

Выйди в страждущий сад
И к дичку невзначай прикоснись,
Как слепец, наугад, –
И смутится небесная высь.

Ближе к полдню, гляди,
Заморочена голубизна...
Тесно станет в груди.
Так бывает во все времена.

Древний, как мезозой,
Цепенеет над яблоней зной.
...Перед скорой грозой
Воздух плавится не надо мной.

ИКОНА

Отпевали бабушку. Прицерковный парк
 Был заснеженным. Не каркало воронье.
 Завещала старая свой нехитрый скарб
 По игле-платку всем, кто знал ее.

А икону главную – никому в родне,
 И товарок милостью обошла.
 А икону главную – завещала мне,
 Забудыге, грешнику... Вот дела.

«В жизни ты один, как осенний лист,
 Ветер дунул – по свету полетел.
 Ты иконке той, не стыдись, – молись,
 Чтобы светлым был дальний твой предел».

Черной краской поверху имена троих
 С указанием занимаемых должностей.
 Лишь разок взглянуть – и запомнить их:
 «Св. Пр. Петр», «Св. Ц. Елена», «Св. Бл. Андрей».

Помутнела киноварь. Золото отцвело.
 И кресты осыпались на груди.
 В глухомани ветхое отыщи село –
 Образов таких там хоть пруд пруди.

Для болящих душ, для скорбящих глаз,
 Для нуждой придавленных деревень
 Малевал их сотнями богомаз,
 Беспробудно путая ночь и день.

У иконы бабушкиной неприглядный вид,
 Не прельстится ей даже «Вторсырье».
 Я не верю, что она меня сохранит.
 Знаю только: я сохраню ее.

СТАНСЫ

Безмолвию я предпочту молчанье,
Прохладе горней – дольний холодок.
...Вас время оправдает, угличане,
Но мир не станет менее жесток.

Жизнь сузилась. Сквозь смотровую щель
Доступен лишь сегмент июльской воли,
Где первобытный освящает шмель
Не минное, но клеверное поле.

Далекие клубятся облака.
Их глубину зарница прорицает.
Дитя не спит. И матери рука
Звездой на лбу младенческом мерцает.

Ничем печали этой не унять.
Беззвучен миг прощания со Словом.
Да! – не забудьте плакальщиц нанять
В сиреновом, под цвет грозы, в лиловом...

• • •

Дождь не дождь, шелестящий на идиш
Полукровка, канва для шитья.
Замуж словно на улицу выйдешь,
Чтоб кого-то спасти от дождя.

Погребок – промежуточный финиш.
Угощает кривой караим.
Ну зачем ты себя половишь?
Не светло мы с тобою горим.

Отчего откровенно неволишь
Бедный дух, что и так невесом?
Кто ты есть для мздоимца? Всего лишь
Вожделенный набор хромосом.

Ну а я, ни далек и ни близок,
Ничего от тебя не хочу –
Полосушь меж тамянок и плисок
И по счету исправно плачу.

В ГОД ЗАТМЕНИЯ СОЛНЦА

Все-все учили. И молоток. И гвозди.
И реплику: мол, здесь мы только гости,

И гляцевую фразу припасли
О ласковости матушки-земли.

И, следуя обрядам неким строго,
Цветов охапку вынули из гроба.

И музыку со свекольным лицом
Заставили согнуться под кустом.

А рядышком – кусочек целины
Ромашковой оставлен для жены.

Недолгая работа штыковая.
И дождь над бором не переставая.

СМЕШНАЯ ОБИДА

Ах, обида! Такая обида!
Только – жаловаться не с руки.
Все забыто? И пусть все забыто.
Поселюсь у широкой реки.

Там, в лесу, буду жить постоянно,
Одиночества ссучивать нить.
И всего-то нужна мне лесная поляна,
Чтобы сеном лосенка кормить.

Будет дом у меня с жаркой печью,
Полной медленного огня,
Будет лодка с отчаянной течью
И – не будет ружья у меня.

А за то, что мне сладко и любо
Жить и что не приходит тоска,
Буду брать по бревну с лесоруба
И по рыбине брать с рыбака.

• • •

Воздух родины сладок и колок,
Возвращаясь из детства ко мне
С карнавалом и запахом елок
И дозорным на снежной стене.

Память! Ты прорвалась сквозь завалы,
Сквозь торосы из вздыбленных льдин:
Вновь танцуют твои карнавалы
И форты восстают из руин.

Знай же, память: мне мало стоп-кадра,
Прокрути все, что прожил, назад.
Пусть мальчишек снежки, словно ядра,
Прямо в сердце меня поразят.

Пусть опять за приспущенной шторой,
Отраженный в холодном стекле,
Встанет школьный учитель, который
Много лет не живет на земле.

• • •

Мне родиться бы сызнова где-нибудь в Сызрани,
Даже если пытались бы мне рассоветовать, —
Изнемочь в безнадежной борьбе с англицизмами
И ни разу на свой неуспех не посетовать.

Мне родиться бы сызнова где-нибудь в Сызрани,
В крайнем случае в ржавой слободке под Ельнею,
Чтоб сестрица губами припухло-капризными
Спела песню вполголоса мне колыбельную.

Чтоб себя ощутить неделимой частицею
Утра зябкого, после дождя, глухоманного.
Лишь тогда в мировую поверю юстицию,
Если где-нибудь в Сызрани, сызнова, заново.

• • •

Шмель, слетевший с рекламы «Билайна»,
Утолит желтизну в черноте.
Крановщица! Ни вира, ни майна
Не спасают. Ни эти, ни те.

Воскресает зверек землеройка,
Котлован зарастает травой.
Крановщица, зачем эта стройка
И стрела над моей головой?

Прорицатели сядут в галошу,
Ну а лучше бы – сразу в тюрьму.
Опускай неподъемную ношу,
Я холодные стропы приму.

• • •

Как славно цветет сирень!
Какой неподкупный год!
Уже убывает день,
Июль, а она цветет.

Свежо в саду по утрам,
Туман августовский густ —
Роскошествует, упрямя,
Венгерской сирени куст.

— О сад, поставщик депеш,
Сад по ветру листопад!
Подавлен ли тот мятеж?
— О нет! — отвечает сад.

Трескучие холода
Сшибают птиц на лету.
Озябла в небе звезда.
Сирень не в снегу — в цвету!

И сколько царствовать ей,
Подвластной не быть зиме, —
От двух зависит людей,
От двух людей на земле.

• • •

Я живу в деревянном предместье,
Где дома продаются на слом.
Некрасиво, признаться по чести,
Оставляя обреченный свой дом.

Ну а если совсем откровенно,
То не это волнует меня.
Старый дед мой всё трогает стены
Да подолгу сидит у огня.

По утрам просыпается рано,
Курит молча да смотрит в окно,
Сухопутный двойник капитана,
Чье суденышко обречено.

Нет же! Мысли его не о доме,
Но — о бурях житейских морей,
О последнем, должно быть, изломе
Ускользающей жизни своей.

• • •

Я, сотканный из множества влияний,
Всегда чурался щедрых подаяний,
Но искреннюю милостыню брал.

Я тем горжусь, что родовое древо
Мое кренится откровенно влево
И надо мной не прозвучит хорал.

Как всякий домовый и разночинец,
Я не терплю ломбардов и гостиниц.
Из всех родных — есть у меня сестра.

Есть младшая сестра. А это значит,
Не кто-нибудь — она меня оплачет,
Когда повозку тронут со двора.

• • •

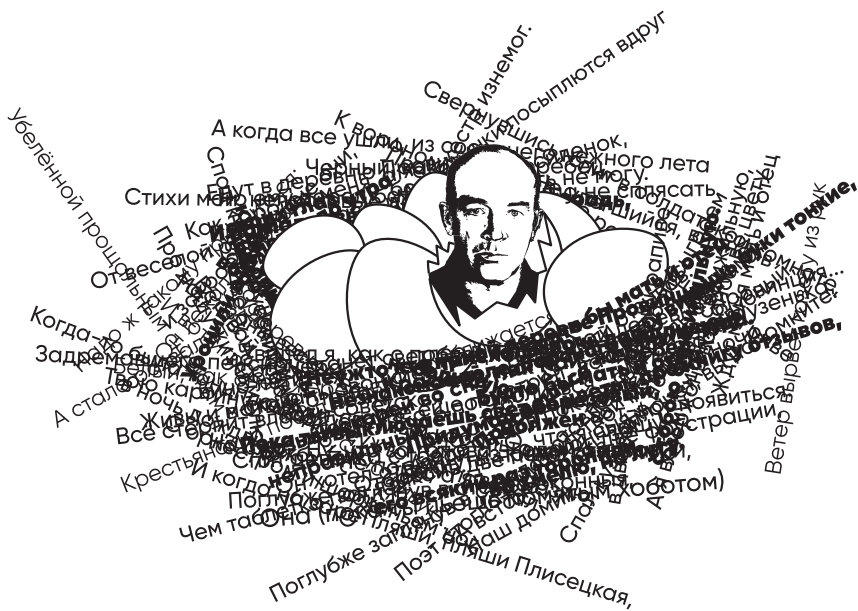
Не смерть страшит, но умирание.
И тьма, что не на холмах Грузии.
Я вас предчувствовал заранее,
Мои предсмертные аллюзии.

Вот и родня уже заплакала.
Страшит – до умопомрачения.
Спасибо, что светила маково,
Прощай, прощай, заря вечерняя!

• • •

Был безвестным и непризнанным,
Но зато самим собой,
Лишь себя считая призванным
Править собственной судьбой.
Был поэтом, как Коперником,
С горькой сухостью во рту.
Выбрал грозный век соперником,
А подругой – нищету.
Он пришелся не ко времени,
А верней, не ко двору.
Но его знамена реяли
На чудовищном ветру.
Сквозь кровавую сумятицу
Над рекой горячих слез
Сумасшедшую невнятицу
По канату он пронес.
Рядом умники-разумники,
Расточая яд и мед,
Между делом по изюминке
Натаסקали на компот.
А его десерт – скитания
Да случайные дома,
Где его застала ранняя,
Беспощадная зима.

Рядом – лгали и лукавили,
Расточали яд и лесть.
А его судьбою правили
Лишь достоинство и честь.

МИХАИЛ СТЕПАНЕНКО

ОСТАНОВИМСЯ

Степаненко Михаил Михайлович (24 декабря 1945 – 1 мая 2013) родился и жил в Новосибирске. После службы в армии работал на авиаремонтном заводе.

Участник сборника «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989). Автор изданных в Новосибирске книг «На краткую разлуку» (1995) и «Растрava» (2014). Публиковался в новосибирских сборниках «Ось бытия» (2006, поэзия), «Горький запах полыни» (2005, проза), «Несовпавший» (2007, проза).

• • •

Есть в одиночестве озерная печаль,
Где в глубине темнеет небо,
И тонкие круги холодного ключа
Вращают вод незастоявшуюся негу.

И так кругами, омывая память дней,
Туманным солнцем, белыми ночами
По небу бьет родник. И Водолей,
Рассыпавшись, не замутит его печали.

Я приходил сюда открыто и тайком
Послушать родника сокрытое биенье,
Где дышится и слышится легко,
Где память впитывает свежесть оживления...

• • •

Эй, воздух крутизны обской,
Эй, ветер, свежий и прибрежный,
Не позволяй руке небрежной
Ловить полет по-над рекой.

Песок горячий, бег босой,
Бег запрокинутого смеха,
Упрячьте крошечное эхо
В дух клеверный и травяной.

Эй, тополь на откосе дня
Зеленой заповедью бредит:
— Я волен, мой зеленый бредень
Сам тянет смерть и жизнь огня...

Глаголет тополь над волной,
И птица дальняя над влагой
Снует с бессмертною отвагой,
Стяжает сердцу дух живой.

УЖЕ ЗА СПИНОЙ...

Как сибирские дети обгоняют веселый мороз,
И хрустит под ногами ореховый снег и крошится,
И летят на рябину пылающим ворохом
снежные птицы,
И купаются чечи в сугробах и пене берез,

Я уже не помчусь по репейному склону на лыжах,
Где же конскую глызу, чтобы шайбу гонять,
тут найдешь?
Снова птицы и снег, снова те же знакомые лица,
Но уже за спиной, петушиный до слез,
Закатился ребячий галдеж.

• • •

Если б видел мой сентябрь красный:
Как за ветхим, за слепым дождем
Лета искалеченные страсти
Входят в непогоду босиком.

Если б только знала эта осень
С лужами и холодам листвы,
Как огонь свое лицо выносит
На ковер звериной жуткой тьмы.

Задремал тяжелым сном сосновым
Бор. И город ярусный поник.
Если б знали вы в раздоре кровном,
Как люблю я ваш тяжелый лик.

• • •

Ничего не надо, ничего,
Лишь бы в дом, облитый поздним солнцем,
Письма от брата моего
Приносили сизари из Омска.

Ничего не надо, лишь одно –
Чтобы дня ушедшего фрагменты,
Словно кадры прошлого кино,
Склеил вечер синей изолентой.

Ничего не надо, об одном –
Лишь бы ты была, библиотека,
Лишь бы плыл за золотым руном
Мальчик из сегодняшнего века.

Никого не надо, никого,
Лишь бы те, кто был, и есть, и будет:
Каждый – под ладонью одного
Времени – читающие люди.

• • •

В ногах ползет тропа под кустики
Талы, репейника в лугу.
Березок гипсовые бюстики
Красуются на берегу.

.....

В лесу трава с водой шушукает,
И сверху — небо с ноготок,
Когда прищуришься — аукает
Далекий круглый голосок.

Глядишь через цветы кудрявые,
Листву взлетающих дерев
Туда, где облаком появится
Несоразмерный сонный лев.

Вот так лежать, лежать у просеки,
Закрыть глаза, совсем уснуть...
И вдалеке от близкой осени
Понять все то, что не вернуть.

• • •

В ярмарочном убранстве
Площадь на Красном яру.
Пожалуйте, иностранцы,
Но честную делать игру.

Вам скажет осетр сквозь жабры,
Где были в Сибири сады,
Где падали дирижабли
Лицом в полярные льды...

Отмоем позор Беловодья,
Хруст и лай лагерей
В чистилище простонародья,
А не в реке Водолей!..

Я СЕГОДНЯ ЗАБЫЛ О ВЕСНЕ

Я вписал тебя в книгу дождей
Всею силою майского ливня,
Песней телу..
Я думал призывно.
Ничего не осталось вражде.

Ночь безлунную скомкал апрель,
Сжал до писка, сдавил что есть мочи,
И от этого – мельче, короче
Даже сон, что объял колыбель.

Я сегодня забыл о весне,
Хоть и влажно, и зябко в округе,
И вдали обозначились дуги
Над дождями, идущими к ней.

В жизнь опасно пытаться играть.
Все такие умячие стали! –
Под наркотиком тряпок и стали
Беспокойство свое не унять.

Будто день белорукий и дождь
Вместе сияются смуть грязь и копать.
Страх души... Это сыплет и каплет
Милосердые небесное сплошь.

ОБРАЩЕНИЕ

Не исследят воздушной чистоты
Неопалимой – серые недели.
Осеннее страданье красоты
Омоет нас дождями умиленья.
Друзья мои,
Учителя мои,
На хрупкую снежинку быть похожим
С душой цветка возвышенной,
Быть может,
Как быть (и быть ли), все не знаем мы?..
Гляжу..
Но странно, странно – этот снег,
Как будто странник в холоде рассветном.
Я вас люблю,
Люблю...

И этот свет,
И небеса,
И каменная вечность!

ВЕСНА

Весна в набеге половецком:
Кто полонен, а кто погиб.
Ручьи несутся с переплеском
Под сапоги.

В подлес, многоязык, предтечей
Уходит снег.
А с предстоящей нашей встречей —
Все как на грех.

И все. И прояснений прочих
Не требуй ты.
Как ссылки на первоисточник —
Цветы.

ОБЬ

Под твоими берегами
Тень крыла, пустая кость...
Обью плавали веками —
Кто хозяин, а кто гость.

В стужу, как вода свернется
Звонче, чем стекло и сталь,
Здесь ходили инородцы,
Беглые — за волей, вдаль.

• • •

От Омска до самой Тары
Говаривал один татарин:
– Тарка – девичья коса –
На плече у Иртыша.
Обь течет в страну Вертолет,
Где черная кровь и пот.
Говорят, что Кучумов конь
Ходит там, как лесной огонь.
Ловит сын мой того коня,
Словно волю ушедшего дня.
Слышал я, как поет камыш,
Как бежит ковыль на Иртыш,
Как стальная ходит орда
Там, где кровью мутилась вода.
Гой, ты – камень Сибири – Тобол,
Положи карыша на стол.
Выйду в степь, хлестану бичом –
Почернеют поля грачом.
Птица Див не вещала нам,
Но улусы бегут к городам.
Только я ухожу назад –
Где мой конь,
 и степь,
 и гроза.

• • •

Всю ночь луна переплывала Обь,
Любуясь юным отражением в заливе.
Положив голову на мокрое весло,
Лежал я на песке, раскинув крылья.

Пристань в затишье сонном
Будят бредовые волны.
Сколько бездомных ночей
ей посвятил.

Пусть нерушимые распри
Здравствуют в нас
Между башкою и сердцем.

Шелест песка побережья
К диким низовьям Оби
здесь провожал.

Сколько напевов безвестных
перехватил.
Сколько любимых друзей
здесь избежал.

• • •

Дымкой голубики пролетело лето.
Полиняла осень золотой басмой.
Пасмурное рденье северного света
Будет разгораться над обской водой.

Станут удивляться города и веси,
Воздух ожидания в жилах оживет.
Наше ожиданье – будущая песня.
Та, что нам синица с вербы пропоет.

Как же неохота! Провожая лето.
Разноцветным руслом – катер на реке.
Веси, люди, реки медленного света –
Все перед лицом они – на северной руке.

• • •

Это бесиво скоро пройдет..
Вдалеке от горячего вздоха —
Задохнется в толкучке под током
Электрички
И вовсе замрет.

Если так, первородства взамен
Получать только влюбчивость крови,
Лучше сдвинусь я от перемен,
От измен придорожного крова.

Только б сердце не выдало вдруг
И на ложь не сыграло уловкой.
О, мой нежный, мой ласковый друг,
Ты ли мог лицемерить так ловко...

• • •

Остановимся.
Помолимся.
В храме железобетонных ниш.
О детях с ключами на ошейниках позаботимся..
Тень скатаем в катушок,
Вот и день прошел.
И ангел умер в облаке крыш.

ВСТУПЛЕНИЕ

Над морем чайки, над нами сизари.
О ком они и что нагульковали?
Не поднимая головы, облюбовали
Мы этот уголок ухоженной земли.

Над морем — души, над нами — синь и снег..
Там моряков сопровождают братья,
Их серафим и херувим над водной гладью,
У нас — путь городской и тружеников бег.

Там лайнеры, здесь — зданий корабли.
И миллионы, миллионы жизней.
Еще не обесценен труд. И тризну
Не правит уголок ухоженной земли.

Два кабака. Зал будущих знакомств,
Аптека, парикмахерская, фото..
И, наконец, библиотека по субботам —
Нас брал в объятия щедрый Салтыков.

Наискосок есть, правда, гастроном,
И роль его значительней и шире,
Чем может показаться в этом мире.
Но мы его случайно обойдем.

И там, где нижних этажей стекло
Нам отражает блеск забот и развлечений,
Их полумрак. Похоже на кино
Все, чем живет Новосибирск вечерний.

• • •

Архитектор спроектировал жилмассив,
Рабочий вложил в него душу.
Теперь в этой душе живут люди
и жалуются,
жалуются
жалуются...

А видя себя по телевизору –
Радуются.

• • •

Приоткроется дверь на распутье
И асфальт заблестит от ручьев
Будет полдень от местного гуда
И от пары в душе соловьев
Торопиться не надо. Помедлим
Слыша капельный медный полет
Вот уж по небу белых медведей
Прошагал шерстяной тучный взвод
Бородатый мужик у киоска
Подсчитал стеклотары доход
И над лужей качнув пару досок
Закурил как большой пароход
Не спеши. Мы сегодня помедлим
Возле окон дворца Скорняка
На крыльце за Аврама Ушерыча
Где поэты лечили сердца.

• • •

В птичий час незримым утром
Утрачены слова. В тумане лес.
Так невесомо чист, так одиноко мудр.
Царит роса на отуманенном весле.

Еще Ярило в сонном просыпанье,
Булатный меч еще летит извне
Краеокруглого недосыганья
Переполошным петухом огня.

Еще молчание цепляется за ветки.
И над водой чешуйчатая мгла.
Еще в росе луны прохладной светлы
Озябшими зрачками шевелят.

• • •

Ты ушел, но оставил мне целое царство:
над оврагом барак и слепую печаль облаков,
за игрушечным садом обское широкое счастье
и берез крестный ход вокруг деревень и лугов.

Я еще не успел оглянуться, как выросли стены,
дикий голубь позвал сизарей делить небеса,
как нарвались они на грачей, воробьев оголтелых,
не хватало воды ключевой для смягчения ран дележа.

Еще бурный апрель бережил берендеевы пляски
и тревога зудила меня на прибрежном песке,
как за сладостный сон я потом заплатил
сыновним участием
и младенцу в глаза посмотрел —
и увидел себя вдалеке.

Было лето: вовсю зеленели душистые травы,
а грибница еще отдыхала, и пел теплоход,
когда я оглянулся, – ударила прямо в лицо, для забавы
весть вороньих сердец. Оторопела душа. Замер порт.

Спятил нищий. Сдурела базарная псарня,
когда мать, присев на диван, повязала платок и без слов
обняла мою голову, словно я распрощался с казармой,
вот стою на крыльце, вот вошел мужиком в отчий дом.

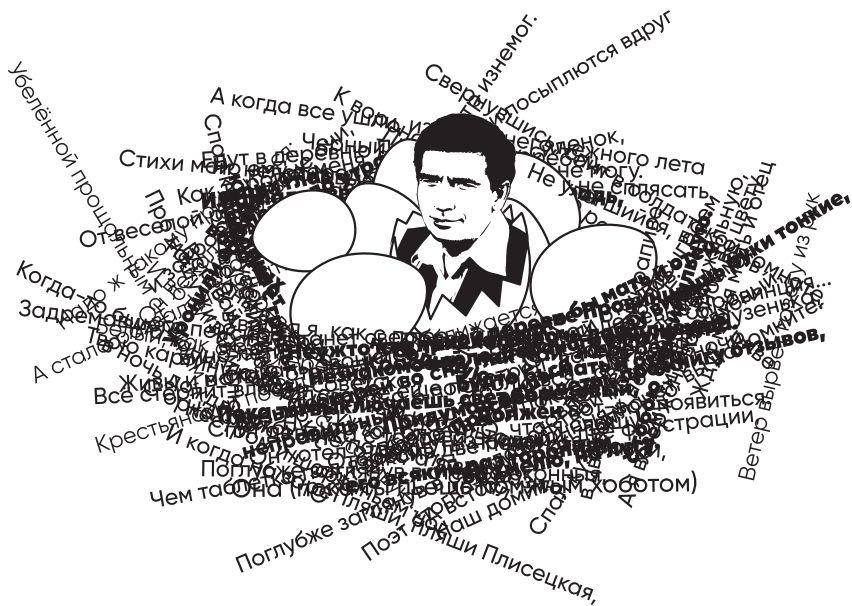
Но тебя уже нет, и, пока не сгубили ограду,
причасти меня, ма, и на царствие благослови.
– Успокойся, сынок, ты увидишь, что надо тебе и не надо,
если ты очевидец молитвенной муки любви.

ОСЕНЬ

Обь — как будто постарела:
похудели берега,
как в далеком детстве, мели
поросли травой.
Луга
за Большой Курьей дымятся.
Спит купчихой на холме
Колывань; горит румянцем
нищий храм, одетый в хмель.
А за Чаусом — озера,
потемневшие до дна.
Жеребенок с косогора
мчится прямо без разбора
мать догнать и перегнать.
Всё в дымах дремотной тайны:
здесь — под бором, там — в песке,
и карась, совсем нечаянный,
золотом кипит в руке.

• • •

Говорила мне мама в детстве:
«Если ты от хворобы скис,
есть в Сибири травы чудесные,
пойди, сынок, поклонись.
Если травы пожухли, повяли,
ты от сирости не тужи:
корень — ты, как земля с корнями,
ну а значит — надо жить».
Что же мучает, жжет и неволит,
выворачивает все на то,
когда счастье становится горем,
там, где зелено, — стало желто.
Все желтеет: синее, красное.
Очень хрупкая света нить.
Так уходит лето напрасное
свои раны жалостью мыть.
Я уже не ищу, как в детстве,
травы те, чтоб недуг заглушить,
только слышу голос чудесный:
«Надо жить, сынок, надо жить».

ЮНИЛЬ БУЛАТОВ

В ДОРОГЕ ДОМОЙ

Булатов Юниль Хаджихметович (2 июля 1945 – 25 июля 2021) родился в селе Казачинском Казачинского района Красноярского края. Учился в Новосибирском электротехническом институте связи. Работал мастером по ремонту телевизоров.

Участник сборника «Гнездо поэтов» (Новосибирск, 1989). Автор книги стихотворений «Весна в монастырском саду» (1995) и романа «Цветы для Маргариты» (2006), изданных в Новосибирске. Публиковался в журналах «Сибирские огни» (роман «Дом, пахнущий хлебом» и стихотворения) и «Новосибирск» (роман «Танцующие» и стихотворения).

ДВОЙНИК

В далеком детстве тишина.
Дрова на вес, и печь топилась
Едва-едва... Под утро снилась
Река, промерзшая до дна.

Я шел рекой, а подо льдом
Двойник, зеркально отражаясь,
Шел следом, выйти не решаясь...
Я думал – там его и дом.

Жалел – как холодно ему..
Ему и жить и спать не с нами,
Не попроситься ночью к маме,
Когда так страшно одному!

Проснулся поздно. Мать ушла.
Светало. Лаяли собаки.
Я плакал в синем полумраке
О чьей-то жизни без тепла.

И все глядел я из-под век
В окошко зеркала стенного,
Как в прорубь моря ледяного,
И ждал – вот выйдет человек!..

ОКНО

В чистом детстве, детстве раннем
В первый раз пошел в кино.
За экранам полотняным
Распахнулось вдруг окно.

Не окно, пожалуй, двери
Распахнулись в мир иной!
Сердцем маленьким поверил —
Все живое предо мной!

Что-то мама мне сказала,
Не расслышал — ускользнул
И под общий хохот зала
Я в экран, как в дверь, шагнул.

Я метался: «Мама! Мама!»
Увели меня домой.
Для родителей и драма
И комедия со мной.

И словами и руками
Объяснили: «Это тень!..
Как от солнца под ногами
Человека в ясный день!»

И созрело убежденье —
В той я вере и сейчас! —
Мир — кино, и все мы тени
Тех людей, что выше нас.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА УЛИЦУ ДЕТСТВА

Сорвался однажды...
 Во всем обвиняя
 Любимую женщину, лучших друзей,
 Лицо потерял, и, тоску нагоняя,
 Я связь потерял со вселенною всей.

И так захотелось мне спрятаться в детстве.
 Забыться безгрешным младенческим сном!
 И тут мне на радость открылось наследство –
 Совсем опустевший родительский дом...

Дорога отвесно спускалась на город,
 Простроченный нитками дальних огней.
 Был, помнится, вечер. Приподнял я ворот.
 Но страх неизвестности дул все сильней.

Я сколько здесь не был! А улица так же,
 Сиротски прижавшись к подножью холмов.
 Петляла и пряталась в темень овражков,
 Спускалась ступенями старых домов.

Все так же, внушая мистический ужас,
 Краснели средь дикой травы пустырей
 Рельефная грязь и бездонные лужи,
 В которых тонула печаль фонарей.

Рассказы о бандах и жертвах невинных
 Припомнились живо, и верилось вновь,
 Что лужи-то эти красны не от глины,
 А с Верхней Покровки стекается кровь...

Я голову поднял – по склону крутому
 Сбегали бараки нетрезвой гурьбой,
 И темные окна, подобно слепому,
 Глядели с обрыва угрюмой судьбой.

ТРОПАМИ ДЕТСТВА

Сосновые комли обуглил
Столетний пожар низовой,
Но угли еще не потухли —
Пылали жарки над травой.

По кручам из темного бора,
По каменным плитам ползли
Корявые черные корни,
Набухшие вены земли.

На гребень взошел я и замер
Под натиском горных ветров.
Крутые вершины с лесами...
Пейзаж их угрюм и суров.

Прилег я и, глядя на горы,
Почувствовал запах родной:
Как мамины волосы,
Марьины корни
Склонились, грустя, надо мной.

Скрипели деревья под ветром,
И к небу я поднял глаза:
Склонив иероглифы веток,
Что сосны хотели сказать?

НА ДАЛЬНЕЙ СТАНЦИИ

Ни души. Только ветер срывает
С осветительных мачт голоса,
Точно боги там гнезда свивают
И прожектором смотрят в глаза.

Пробегающий гром автосцепки
И гудки маневровых машин,
А над станцией замкнутой цепью
Караульные башни вершин.

И уж чудится — выхода нету..
И бегут из ничто в никуда,
Истекая безжизненным светом,
Обезлюдившие поезда.

БЛОКАДА

Средь вспышек розовых в тумане,
Средь бело-черно-красных туч
Два самолета, как в капкане,
Держал и вел наклонный луч.
И луч то мерк от голоданья,
То мыслью вспыхивал одной,
Что держит крышу мирозданья,
Вконец разбитую войной.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГОРОД

Шел поезд по мосту, и фермы
Рубили наискось закат.
Краснело в темной атмосфере
Стекло промышленных палат.

За струнной изгородью ливня
Мелькали мачты ЛЭП,
И дым,
Кальмаром щупальца раскинув,
Тянулся к трубам золотым.

Кружили низко вертолеты,
Глаза в глаза на вираже,
Как существа иной природы,
Искали ключ к моей душе.

ПО УЛИЦЕ ТИХОЙ

По улице тихой туда и обратно
Ходили, и только что выпавший снег
Скрипел и искрился, и было отрадно,
Что рядом хороший идет человек.

Она задавала о жизни вопросы.
Слегка назидательно он отвечал.
Надолго задумавшись, мял папиросы,
Советуясь с сердцем, но опыт молчал.

И он подавал ей с веселым искусством
Лицо, на котором все можно прочесть:
Высокие мысли, глубокие чувства,
Мужские достоинства — коих не счесть.

Она улыбалась и странно смотрела.
Чертила, нагнувшись, на чистом снегу
Какие-то знаки — кружочки и стрелы.
Снежками бросала в него на бегу!

По лунным сугробам — ей нравилось лазить! —
Бежала и падала в ямы без дна.
Тревожно-счастливый, боящийся сглазить,
Бежал он по следу, — но где же она?!

• • •

Слова позабылись, смешались...
Боялись друг друга спугнуть,
Целуясь, никак не решались
Друг другу в лицо заглянуть.

Вот так и ласкались, не глядя —
Минута прошла или час? —
Смущаясь и света, и взглядов
Чужих иронических глаз.

Так стыдно при всех целоваться,
Но стыд еще больший куда —
Лицом от лица оторваться,
Открывшись, сгореть от стыда.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Едва встряхнет меня звонок,
Я лезу в ящик с ожиданьем:
Вот чья-то нежность, как щенок,
Лизнет мне руку состраданьем.

И даже ночью, от толчка
С кровати с грохотом слетая,
Смотрю я почту, но пока,
Как жизнь моя, она пустая.

Никто не спросит у меня,
Своим сочувствием врачаю,
Здоров ли я и жив ли я,
А если жив, чего хочу я...

ПРИЗРАК ЛЮБВИ

Фонарь гуляет, ветер злится,
Проходят домом сквозняки:
То скрипнет дверь, то половица,
То слышу легкие шаги.

Вдруг тень мелькнет на фоне света.
Он спросит тихо: «Это ты?»
Но вместо смеха и ответа
Лишь легкий вздох из темноты.

Из темноты, из сновиденья
Ее лицо к нему плывет
И сквозь эфирное гуденье
Его по имени зовет.

И колдовством неясной речи
Метнется ветер от окна.
Он гладит волосы и плечи.
И тает под рукой она.

А утром прибрано повсюду
Его унылое жильё.
На кухне чистая посуда
И стопкой свежее бельё.

ВЕТРЕННЫЙ ДЕНЬ

В приевшемся месте, где жизнь без порыва,
О дальних дорогах мечтают.
С кипением листьев с крутого обрыва
Деревья, согнувшись, взлетают.

Гнездо родовое, привстав на фундамент,
Глядит из-под крыши на пристань,
И город старинный, как снимок на память,
Синеет на окнах волнистых.

Прощаюсь я мысленно с жителем каждым,
Сродненный с ним жизнью суровой,
Прощаюсь с домами, где был хоть однажды.
Прощаюсь с собакой дворовой.

Взбегаю на сопку, подхваченный ветром,
Гляжу напоследок на город:
Над дымной равниной под бронзовым светом
Смыкаются синие горы.

ДОМОЙ

В купе дорожные огни
Метались птицами, и вновь
Летели в ночь былые дни,
Былое счастье и любовь.

Он, нервно вздрагивая, спал,
И снилось – пишет письма всем,
Что сильно духом он упал
И не разбиться бы совсем.

Он слышал множество речей –
И кто судил, а кто прощал.
И громче всех и горячей
Забывтый голос защищал.

И смутно снилось: кто-то с ним
Сидит и думает о нем,
Дыша с ним воздухом одним:
– Домой! Забудем и начнем...

И видел он счастливый сон,
Что любит женщина его,
И благодарно плакал он
Без слез... без жизни... без всего...

В ДОРОГЕ

Я вышел в тамбур, дверь открыл –
Железным лязгом оглушило.
Средь леса, прячась, словно зверь,
Луна за поездом спешила.

И чуял я, что зверь я сам:
Не по душе мне жизнь такая –
Огни хлестали по глазам,
Душила ненависть слепая...

Свободный средь ручных зверей,
Спеша покончить с обезличкой,
Шагнул вперед, но от дверей
Я был отброшен электричкой.

Какая страсть была в душе
И что потом со мною стало!
Порыв прошел, и я уже
Глядел спокойно и устало...

Светясь с хвоста до головы,
Состав скрипел на повороте,
И запах скошенной травы
Настоян был на креозоте...

БЕССОННЫЕ НОЧИ

Я выкурю трубочку. Рюмку вина
Выпью неспешно для крепости сна.
Но сон не идет мне: на жестком я сплю
И холодно в доме — я печь не топлю.

Мне холод полезен — я слишком горяч,
На милые сцены особенно зряч.
Лишь стоит подумать — и сердце вразнос.
Любви же все нету... Так лучше мороз!

Мне жарко в постели, холодной как снег.
Мне снится стремительный под гору бег.
Я вновь просыпаюсь с тревогой в душе —
Бежит моя жизнь: мне за тридцать уже...

И я одеваюсь, на двор выхожу,
На холм поднимаюсь, на город гляжу.
Морозно и тихо. Хоть криком кричи —
Никто не услышит в пустынной ночи.

ВПЕРВЫЕ

Глаза открыв, она очнулась
От бреда легкого...
Рукой
Его нечаянно коснулась:
В груди зажгло – о, стыд какой!

По книгам выросла. Хотела
Любви, но только для души,
Души, оторванной от тела,
Как звездный свет, как миражи...

Она зажгла на ощупь спички
И, замерев от страха вся,
Смотрела с чувством необычным
На маску спящего лица.

Она от холода дрожала,
Лежала б лучше, но сильней
Был страх повторного и жалость
К себе самой – что будет с ней?

Как дальше жить?! И вся в тревоге
Надела, что впотьмах нашла,
И по ночной, чужой дороге
Безлюдной улицей пошла.

По снегу свежему спешила –
Вот-вот он кинется за ней!
И в то же время мысль смешила –
Проспал свою любовь, злодей!

Любовь свою! Как стыдно, боже!
Прикрыла варежкой рот.
Потом задумалась – похоже,
Настал у жизни поворот...

ПЧЕЛИНЫЕ СОТЫ

В результате НТР и отбора естества
Появился новый тип человека № 2.

Завывая, как комар, тяжело летит, как жук,
Он без ног и без седла, но зато две пары рук.

Бесконечные ряды сорокаэтажных сот.
В каждой соте человек проживает лет пятьсот.

Совместимость хороша. В гости выбьется сосед
Только раз за сотню лет – чаще надобности нет.

Отношенья меж людьми в идеале, в чистоте.
Все прозрачно, все стекло:
что скрывать – стандарт везде...

Перепутав как-то дом, среди сна в проем окна
Залетела и легла на постель ничья жена.

И прищурясь – муж, не муж? – скажем, так:
приснилось мне! –
Приняла под утро душ и исчезла вновь в окне.

Следом выглянул в окно: не разбилась ли она –
По заказу-напрокат-аварийная жена?

МАДОННА С НАКОЛКОЙ

В тридцать лет совсем старуха.
Голос сдавленно сипит.
От вина лицо распухло,
И пустая грудь висит.

Сын, зачатый на пирушке,
С букварем в портфель кладет
Складничок – свою игрушку.
Сын растет, и нож растет.

ЗАВУЧ

Вцепившись в круглые очки,
Его зрачки, как паучки,
Глядели из-под балки
Провисшего сознания.
(По школьному преданию,
Он был воспитан палкой.)
Своим он методом учил,
И взгляда черные лучи
Через глаза кололи мозг,
Бесформенный, как воск.
(Чтоб впрыснуть в Управление
Программу поведения.)
И прежде бойкий ученик
Ногами шаркал, как старик.

НЕВИНОВНЫЙ

И конфеты казенные сладки,
И среди ярких игрушек сидит,
Но чего сквозь решетки кровати
На людей он так странно глядит?

Так глядит, будто знает такое,
Что доступно лишь детям ничьим,
Славно ищет он что-то родное
Средь идущих сестер и врачей,

Словно видит он внутренним зреньем
Милый облик со смутным лицом.
Накопились его подозренья,
И он плачет, не зная о чем.

В полумраке, проснувшись, лопочет,
Будто речь о погибшей душе.
Никому не понять, что он хочет.
А ребенку два года уже...

КАМЕНЬ У ДОРОГИ

Грязь не тронет, дождь не мочит
Странный камень у дороги.
Кто присядет, тот подскочит,
Словно ток ударит в ноги.

Странно светится ночами
Смесью музыки и цвета.
Философскими речами
Разряжается с рассвета.

Странно схож он с головою,
У него есть даже имя.
Полон мыслью он живую,
Только жизнь проходит мимо.

• • •

И книга в шкафу не пылится,
И празднично смотрится стол,
Но женщина плачет, и злится,
И моет без памяти пол.

И что ее точит сомнением,
Всю жизнь уводя в маету?
И люди-то к ней с уваженьем,
И дом на хорошем счету.

Высокая, умная... Что же
Покоя и радости нет?
Вот так и завянет, похоже,
Красивый отборный букет!

Задумавшись, смотрит дорогу,
Ночные огни за окном...
А демон стоит за порогом
И пахнет дешевым вином.

ГРИШКА

Был раньше глубокий овраг.
От светлого центра по склонам
Дома опускались во мрак
Долины речушки зловонной.
Бараки. Ступеньки ходов.
И, как оголенные нервы,
Над крышами сеть проводов
Ночами искрилась под ветром.
Казалось, сплелал эту вязь
Трущобный паук преступленья,
И дальний фонарь, его глаз,
Прохожих держал в напряженье.
И был среди прочих притон,
Где сутками пьянствовал Гришка.
Дружками зарезан был он,
Известный в районе воришка.
По просьбе его, говорят,
В подвале с бутылкой зарыли,
А вскоре пришел земснаряд
И Каменку вровень замыли.
И Гриша, печальный слегка,
Что водку никто не откроет,
Бродил под землю, пока
Не встал на пути Метростроя...
...Я еду сквозь старый район,
Из тех я, кто жил здесь и выжил.
Я вижу дома сквозь бетон
И Гришу, что к поезду вышел.
В вагоне спокойный народ
Читает, на поручнях виснет.
Метро современное прет
Сквозь прошлое к будущей жизни.

Грехова Нина Митрофановна родилась 16 октября 1941 года в селе Барышево Новосибирской области. Окончила факультет иностранных языков Новосибирского государственного педагогического института.

Публиковаться начала с 15 лет. Стихи печатались в журналах «Смена», «Сибирские огни», «Юность». Первая книга стихов «Старт» вышла в Новосибирске в 1964 году. Автор сборников «Стихи» (1968), «Жили-были два жука» (1973), «Стихотворения» (1976), «Осень» (1978), «Шиповник» (1987), «Стихи» (1991), изданных в Новосибирске.

В последнее время живет в Испании.

ВОСПОМИНАНИЕ О КЛОУНЕ

Леониду Енгибарову

Ветрено в городе,
Ветрено, ветрено.
Гонит октябрь колесо.
Я не уверена, я не уверена,
Есть ли под маской лицо.

Снова трапеции
Зыбкий скелетик
Тронула я сгоряча.
Где ты, мой клоун?
В каком из столетий?
Зябнет звезда, как свеча.

Пусть она греет
Тебя в бездорожье,
Вверх тебе путь или вниз.
Только, пожалуйста, поосторожнее —
Шляпой ее не коснись.

Славу не делят.
Тем более — поровну.
Как нам остаться вдвоем?
Мертвые листья
Уносит из города.
Ветрено в сердце моем.
Ветрено в сердце моем.

• • •

Все мне кажется —
не было этих пасмурных дней,
переписанных набело
нелюбовью твоей.

Осыпаются ветхие,
дождевые снега.
Оседают под ветками
навсегда-навсегда.

Все понятно, все правильно,
и не стоит глупить...
Буду жить очень праведно
и тебя не любить.

Не отстану от поезда,
не уеду всерьез.
Отчего же так боязно
среди белых берез?

Отчего эта веточка
так дрожит на стволе?
Может быть, это весточка
о печали твоей.

Может быть, ты отчаялся
и не можешь прийти...
И деревья кончаются
у меня впереди...

• • •

Любимейший
из всех,
давно прошедших,
добрейший дождь
в июльской тишине.
Мне кажется,
что это ты мне шепчешь,
как больно ты тоскуешь обо мне.

Любимейший,
добрейший,
виноватый,
ушедший не на год
и не на два.
Я думала,
слова мои крылаты...
Не долетели до тебя слова.

Опали,
не помогут,
не обнимут
волшебным опереньем сентября.
Зеленый сквер
зачем так чисто вымыт?
В нем холодно
и пусто без тебя.

Отгоревать
однажды,
утомиться —
не дай мне бог
забыть твое тепло.
Минуя время,
тихий дождь струится,
и волочится
по земле крыло.

• • •

Уже лицо не чувствует метели,
и тела нет, а есть один полет.
И вижу я, что птицы прилетели,
И слышу я, что девочка поет.

Как хорошо – ни зависти, ни жалоб.
Хоть мне уже и это все равно.
И сытый голубь входит в лунный желоб
И в зоб кладет отборное зерно...

И снится мне сирени белый ворох,
и ты идешь, и ты меня зовешь.
Как хорошо, уже мороз за сорок...
Прости меня за правду и за ложь,
за все, что было, и за все, что будет,
за пораженья и победы в спорах.
Хвала тому, кто спящего разбудит.
Мороз за сорок,
слышите – за сорок.

• • •

Как долго я тебя любила
И все ждала,
Что нас рассудят.
Качалась рыжая рябина
На развороте наших судеб.
А листья шепотом шуршали
И всё боялись,
Что сорву,
И, словно шелковые шали,
Ложились медленно в траву.
И ветер был
Тягуч и сладок.
И умирающее солнце
Уже не в силах было плакать,
Пристав на крае горизонта.
И было страшно
И отрадно
С тобой проститься навсегда
И вдруг понять,
Что слишком рано
Восходит белая звезда...

• • •

Я выброшу розы,
засохшие розы печали.
Я слушать не стану,
о чем говорит тишина.
Мой милый апрель,
чтобы вы ни о чем не скучали
и лет не считали,
которые я прожила.
Беспечные дети
сосульки сбивают с карнизов.
Озябшая ветка
в стеклянном бокале дрожит.
Мой юный апрель,
я вам платье бросаю,
как вызов.
На черной земле
мое серое платье лежит.
Бесстыдные руки,
познавшие
старую тайну,
листва и цветы,
и трава
еще в вашем плену.

Мой добрый апрель,
погодите,
я таю,
я таю —
и парусом белым
по вашим разливам
плыву.
Забывши совсем,
что к земле прижимает усталость,
гляжу,
как последние льдины
плывут по реке.
Мой бедный апрель,
вы же видите —
это не парус,
а белый платок,
словно флаг,
я сжимаю в руке.

• • •

Доверчивость ступает очень тихо.
Пусть будет мягко молодой траве.
И муравью на утренней тропе
Дорогу уступает муравьица.

А ветер вырваться перестал
Из цепких листьев —
Он уснул пока.
Моя любовь прохладна, как кристалл
В развернутой ладони лопуха.

Возьми с меня какую хочешь плату!
Пускай лучи струятся по ножу —
Я подойду
 и голову на плаху,
Как будто на колени,
 положу.

• • •

Мне память диктует слова.
А я лишь листаю листы.
Пишу, успевая едва,
пером улетевшей мечты.
Мне кажется – тысячи лет
живу я на этой земле,
и яблока пламенный след
я вижу в остывшей золе.
Под солнечным куполом дня
я вижу мерцание звезд.
Пожалуйста, верьте в меня.
Как верят в качнувшийся мост.
В обломках, несущихся в ад,
я чувствую трепет крыла.
Нельзя ли вернуться назад
и выглянуть из-за угла?
Пока не стучат топоры
по сваям, плечам, голове,
пожалуйста, будьте добры –
не верьте уснувшей траве.

• • •

Ах, фортуна, — душа на свету...
По лесной, по колючей росе
Это я за тобою иду,
Как по взлетной своей полосе.
Собираю в охапку слова,
Все такие, что лучше молчать.
Одуванчик, сорви-голова,
Мне бы лучше его не встречать...
Ни дышать на него, ни глядеть,
Ни жалеть уже времени нет.
Пятачок! Беспечальная медь.
Сохрани мой закат и рассвет.
Вот сейчас за мою спиной
Разомкнутся два крепких крыла.
Непонятно мне станет самой,
Как я раньше летать не могла.
Подняла меня горькая власть
Над землей, над зеленой травой.
Ах, фортуна, вели мне упасть,
Чтобы снова пойти за тобой.

• • •

Ветер детства ко мне прилетел,
на траву опрокинул забор,
черновые листы моих дел
оборвал
и унес за собой.
И за ним, успевая едва,
зазвенела осенняя медь,
полетела за ветром листва,
а трава не могла полететь.
Стало странно остаться одной,
все хотелось коснуться земли.
Там, где ветер простился со мной,
голубые цветы расцвели.
Словно бабочка
в смятой пыльце,
не могу я покинуть огня.
И сидит моя дочь на крыльце
и никак не дождетса меня...

ПРОЗРАЧНАЯ ПЕСЕНКА

О, нарисуй меня прозрачной —
возникнет дождик на волне,
еще невзрачный,
и незрячий,
и исчезающий во мне.
Еще меня он крепко любит,
еще не стал он сам собой,
и солнце, мокрое, как лютик,
цветет у нас над головой.
Но вот он мчится над рекою
и забывает про меня,
и словно скачут,
скачут кони
во все концы и времена.
А я тебе не помешаю,
тебя ни разу не коснусь.
Я все,
как девочка на шаре,
боюсь на землю соскользнуть.

• • •

Я рву шиповник, отряхиваю росу.
Дрожат цветы в моих пальцах исколотых...
Не бойтесь, глупые, я вас отнесу одному человеку в комнату.
Правда, ему сейчас не до вас –
он занят: сидит, как леший, с черными пальцами и глазами
и подбородком поголубевшим...
Он локтем размажет тушь ли, воду ли – не догадается,
что это роса.
Он будет курить и думать до одури, и мимо вас окурки бросать.
Но однажды, уже к рассвету, он встанет, неловкий,
как будто от ног отвыкший,
и вдруг над зеленым граненым стаканом увидит он вас,
невозвратно поникших.
Он вам улыбнется, он к вам шагнет, возьмет вас в руки,
обдует пепел... И, может, подумает:
«Вот идиот! Такое счастье – и не заметил!»

СТИХИ О МОЕМ ГОРОДЕ

Присядь сюда,
на краешек скамьи.
Побудь со мной
меж правдой и обманом.
Загадочны
объятия твои,
где дым соединяется
с туманом.
Старик
с нетерпеливостью юнца.
Подснежник,
расцветающий в июне.
Лесной скворец –
и клетка для скворца,
распахнутая ветром
накануне.
На серых стенах
комья белизны.
Люблю тебя,
в снежки с тобой
играю.

Присядь сюда,
на краешек весны,
поближе к ослепительному
краю.
Мы любим то,
что нелегко любить,
едва ли слыша в песне
голос меди.
Когда, от всех усталая обид,
звенит земля
в апрельской гололеди.
И только так,
летающие столбы
и свет в окне
в любом ее начале.
Присядь сюда,
на краешек судьбы,
на самой грани
счастья и печали.

• • •

Иду я по белому полю,
следы мои
светятся чисто.
Я песню свою не неволю,
когда она в сердце стучится.
И вижу,
уже моя песня
дыханием легким струится.
И вижу,
летит моя песня,
моя белоснежная птица.
Туда,
где, добры и кудлаты,
над лесом плывут облака.
Куда же ты,
песня,
куда ты?
Зову ее издалека.
Сродни реактивному
следу,
в пронзительном
ветре звеня,
куда ты
по белому свету?
А песня не слышит меня...

• • •

Ты все еще жива,
моя любовь.
В темнице одиночества
ночного
я потеряла
дорогое слово...
Не жди меня,
иди же, бог с тобой.
Уже росую
каждый лист облит
над сонными цветами
молодыми.
Прости меня,
я вижу, как болит
твое лицо
за прутьями гордыни...
Не понимают синие цветы,
бутонами спеленуты,
как дети,
что это ты выходишь
из воды
и солнцем расцветашь
на рассвете...
Пересекая жизнь
наискосок,
мы словно
приближаемся к волне,
где камень
превращается
в песок...
Любовь моя,
ты помни обо мне.

• • •

Прошу тебя,
не задувай огня.
Не верь моим насмешливым глазам...
Как холодно
на сердце у меня
в любом огне,
ты понимаешь сам.
Не думай,
что спасительная ложь
нежнее может быть
руки твоей.
Забытого сегодня не тревожь.
Я буду ждать
у запертых дверей.
Я буду ждать
у призрачной мечты.
Пускай века
не повернутся вспять,

пускай ко мне
не прикоснешься ты,
я буду ждать.
Я буду верно ждать.
Мы все не понимаем
до поры,
о чем горюет черная ветла.
Нас греют
только первые костры.
Последние –
сжигают нас дотла.
И потому
не думай обо мне.
Ломай меня,
как хворост для костра.
Мне хорошо
гореть
в твоем огне,
который ты забыл задуть вчера.

• • •

В безумной
апрельской капли
лесные поют соловьи.
Опять мы с тобой
не успели
подставить ладони свои.
Прости меня,
я не умею
до срока хранить семена.
И ты,
моя добрая фея,
опять утешаешь меня.
И платья старинного шорох
напомнит мне
осень в саду.
Окно
в незадернутых шторах
мою обрамляет
звезду..
И птицы,
над ней пролетая,
свою искушают судьбу..
А ты,
как всегда, молодая —
с седой паутиной
на лбу.

• • •

Когда ты уходил, луна в окне сияла,
И странно было мне не разглядеть следа.
В пустынной тишине я все не понимала,
Что ты из этих мест уходишь навсегда.

Кому уже твои принадлежали руки,
Бессильную любовь отдавшие земле...
Два смертных мотылька летели в светлом круге,
Когда ты уходил в морозной полумгле.

И показалось мне, что жить я буду вечно
Среди невнятных слов, среди чужих могил.
И облачко души печально и беспечно
Спешило за тобой, когда ты уходил...

УЛЕТАЮТ МОИ ЖУРАВЛИ

Улетают мои журавли.
Мне не жаль потерять их из виду.
Потому что до самой земли
Я свою опускаю обиду.

Оставляю, пускай себе спит,
В листопад завернувшись устало.
Потому что не время обид
Надо мною сегодня настало.

Это только она и могла
Все считать, пока силы хватило,
Сколько листьев сгорело дотла,
Сколько — первым морозом скрутило.

Не забудет сухая листва,
Словно сон, воробьиное пенье.
Вот уже различимо едва
Обнаженного леса смятенье.

Не оно ли рябиной сквозной
Над ушедшим возносится летом?
Это снится нам ранней весной,
А сегодня становится светом.

Нет, не знойным, а теплым едва.
Мне спокойно от преданной ласки.
Забываю все злые слова,
Вспоминаю все детские сказки.

Я как будто еще не жила.
Вот и дочка не скачет, притихла.
Над душою моей тишина...
Голубая летит паутинка...

МОЙ СЛАБЫЙ БОГ

Мой слабый бог, не покидай меня.
Забудутся ночные холода,
Томительные полдни прозвенят.
И только ты останься навсегда.

Как верен шмель ромашке полевой,
Так неразлучен с радугою дождь.
Не уходи, мой бог, повелевай.
Во что мне верить, если ты уйдешь?

Ломаются мои карандаши.
Кто мы с тобой? Друзья или враги?
Душа без плоти, тело без души
Не пропоют мне ни одной строки.

Не уходи, ты видишь, сколько лет
Тебе молюсь, тоскуя и любя.
Судьба моя, вино мое и хлеб,
Иди ко мне, я обниму тебя.

НЕ ПЛАЧЬ

Не плачь без меня обо мне.
Я знаю, непросто остаться.
Единственной верю струне,
Готовой вот-вот оборваться.

Сквозь все мои ночи и дни,
Сквозь утренний свет и вечерний
Звени же, звени же, звени,
Любви колокольчик ничейный.

К стихам, к облакам, к пустякам
Звени же, душа моя, в теле!
Прощальный наполнен стакан,
И стенки его запотели.

Уеду, забуду, усну.
Зачем она рваться не хочет,
Струна, неподвластная злу?
Скажи мне, мой друг колокольчик.

На самом последнем ветру
Над тенью твоей неземною...
Не плачьте, когда я умру.
А плачьте сегодня со мною.

ТРАВА ЗАБВЕНЬЯ

Трава забвенья, окружи меня,
Трава забвенья, накажи меня:
Забывшая на миг про удила,
Душа моя болеть осуждена,
И странно мне веселье от вина.

Трава забвенья, окружи меня,
Пусть знаю я, что будет, наперед,
Что незнакомый мальчик подойдет,
Посмотрит удивленно на меня,
И прутиком отбросит муравья,
И убежит, колесиком звеня.

Трава забвенья, окружи меня
И сделай так, чтоб ни один цветок
Сюда прийти и вырасти не смог.
Трава забвенья, ты поможешь мне.
Хочу побыть с тобой наедине.

Но только слышу я неясный вздох,
Как будто лепестки раскрыл цветок,
Как будто это птица за стеклом
Едва задела веточку крылом.
Как будто где-то тихий дождь полил...
Трава забвенья. Ты моя полынь.

• • •

У березы простое лицо...
Словно женщина русских полей,
озари мой покой
и крыльцо,
в белом платье,
в платке до бровей.
Я не слышу,
как пахнет земля.
Отвори мне окно,
отвори.
Пусть сегодня разбудят меня
невесомые руки твои.
Отчего же рождается боль,
только солнце
оставит зенит,
над землей,
надо мной,
над тобой
беспечальной пчелою звенит...
Но я знаю —
в сумятице дня
на ладони и зла,
и добра
ты поймешь,
и утетишь меня,
и побудешь со мной до утра.
Наклонись надо мной,
погоди.
Стало зябко
и пусто в груди.
Это ты
у меня позади.
Это ты
у меня впереди...

• • •

В самый лютый мороз где-то птица заплачет,
Где-то солнце ударится рыбой об лед.
И растает снегурочка, улетит одуванчик,
И тяжелое яблоко упадет.

Вот и все, вот и кончились все наши беды.
Посижу, помолчу перед тихим окном.
Пересказаны сказки, и песни пропеты...
Но идет ко мне девочка – маленький гном.

В колпачке и пижамке заберется на плечи –
Наши стены окажутся нам не тесны –
И расскажет мне сказку, и станет мне легче
Оттого, что на свете существуют птенцы.

Существуют, и все, и летят над землю
Их пугливые сны – полоса октябрей.
Все, что вымерло здесь этой долгой зимой,
Пусть родится в тебе веселей и добрей.

Вот и листья отжили, отпали, застыли.
И живет этот шорох в усталой душе
Вместе с привкусом слез, вместе с запахом пыли,
Когда все на земле не еще, а уже...

Но опять в январе где-то птица заплачет,
Где-то солнце ударится рыбой об лед.
И растает снегурочка, улетит одуванчик,
И тяжелое яблоко упадет.

НАД ПРОПАСТЬЮ ВО РЖИ

Не надо уличать меня во лжи.
Мне хорошо над пропастью во ржи.
Здесь пахнет медом и поет пчела
О том, что не кончается вчера.

А где ее продолжится полет,
Никто не знает, даже василек.
И странно мне, что рядом по шоссе,
Как будто на нейтральной полосе,

Летят машины, фары притушив.
Обречены уже тела машин,
И мы летим неведомо куда...
Нас пропасть разделяет, не года.

О, эта пропасть непрочтенных книг,
Как мудрость, умирающая в них...
(А может, я, как камень, мчусь на дно —
Всего лишь ускоренье мне дано...)

О, эта пропасть полустертых лиц!..
Как медленно скользит с березы лист
И вдруг сольется с ветровым стеклом.
Я устаю, когда же грянет гром?..

Приди ко мне и тихо Расскажи,
Как хорошо над пропастью во ржи.

• • •

Стихи мои, неласковые дети!
Мне вновь и вновь вас суждено спасти.
Внезапно возникают на рассвете...
Слепые, бездыханные почти.

Безликие, вне формы и объема.
Намек на боль, намек на торжество.
Дышу на них, ликую удивленно
И плачу неизвестно отчего.

Им все мое принадлежит отныне,
Моим дыханьем живы и сильны.
Пускай они мое забудут имя,
Над замыслом моим вознесены.

Мне все равно, пускай бы только жили,
Не вспоминали крови и родни.
Не оказались только бы чужими,
Да не остались без меня одни.

Плитченко Александр Иванович (9 апреля 1943 – 8 ноября 1997) родился в селе Чумаково Куйбышевского района Новосибирской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал заведующим отделом прозы в журнале «Сибирские огни», был ответственным секретарем журнала; был главным редактором Новосибирского книжного издательства, главным редактором Сибирского отделения издательства «Детская литература». С 1993 по 1997 год возглавлял Новосибирскую писательскую организацию.

Автор нескольких стихотворных книг, в числе которых «Аисты улетают за счастьем» (Новосибирск, 1966), «Облака, деревья, травы» (Владивосток, 1967), «Стихотворения» (Новосибирск, 1968), «Родительский сад» (М., 1972), «Родительский дом» (М., 1985), а также ряда публицистических, прозаических и драматургических произведений. Переводчик алтайского и якутского эпоса, автор поэтических переводов с нескольких языков.

ГОЛУБИ

Я – Пикассо районного масштаба.
Черчу как можно проще и грубей
В теплушке
По заданию прораба
Для стройки первомайских голубей.

Мой холст – обои, старые портреты,
Мольберт – большой изрезанный верстак,
И мне, как гонорар, на сигареты
Прорабом лишний выделен пятак.

А я черчу, над верстаком склоняясь,
Карандаши дешевые кляня,
А голуби,
Заворковать стесняясь,
С бумаги хитро смотрят на меня.

Ну вот и все.
Продукция сверх плана –
Пять синих птиц
И лозунг небольшой.
Пришел прораб, неторопливо глянул
И пробасил:
– А в общем – хорошо!

А после было –
Красные колонны
И в небе первомайском –
Облака,
И голуби светло и окрыленно
Слетали им навстречу
С верстака.

ВЫШИВАНИЕ

Мама за неделю уставала
И к субботе старая была.
Мама в воскресенье вышивала,
Нитки разноцветные брала.

Радостные голуби взлетали,
Расцветали алые цветки,
Реченьки студеные плескали,
Падали кленовые мостки.

Сам я накормлю скотину вволю,
Прополю, полью весь огород,
Только пусть над чистым-чистым полем
Вышитое солнышко взойдет.

Мама вышивала, вышивала,
Молодая, добрая была.
И соседкам вышивки давала,
А сама соседских не брала.

КАНАВА

Канавы,
 где спелые травы хрустят
 под случайной ногою,
 Где жук поселился в огромной
 консервной цистерне,
 Где белый окурок лежит,
 словно маленький
 боров,
 Где перышко птицы
 угрюмый несет муравьишка,
 Где ржавый паук
 оплетает цветущий репейник,
 Где ищут собаки и кошки
 целебную травку,
 Где можно червей накопать
 для рыбалки, на утро,
 Где можно упрятаться так,
 что никто не отыщет...

А мамы
 Носы утирают сыночкам
 И говорят им:
 – Не вздумайте лазить в канаву.

ДОБРОТА

Мне доброта досталась нелегко.
Я знал о ней из сказок,
Понаслышке.
Был с ней знаком,
Как с сахаром знаком, –
По книжке.

Узнал я о беде и о врагах,
Подрос на лебедь и на картошке,
Пока она
В солдатских сапогах
Пришла ко мне
И –
Сахар на ладошке.

• • •

Как только отойду от верстака,
Я голоса веселье услышу,
К подсолнуху притронется рука,
Скворец с небес
Опустится на крышу.

А я тогда ладошку протяну –
Два семечка подсолнечных в ладошке –
И так скажу я:
– Скворушка, а ну
Поешь,
Устал, наверное, с дорожки...

ОКНО

Оно имело цвет и запах,
Как будто легкое вино,
То,
Обращенное на запад,
То земляничное окно.
И голубыми вечерами,
Когда уже взойдет луна,
Я прикасался к синей раме, —
И мир теснился у окна.
В миру ворочались и жили
И самолеты, и жуки,
Коровы и автомобили,
Приезжие и земляки,
И лес — еловый, востроккрыший,
И на заборах петухи,
А в заключение кто-то рыжий
Шел и насвистывал стихи.
И стоило мне очутиться
В постели
И уснуть в тепле,
Как сквозь окно влетала птица
И застывала на столе...

• • •

Ой, как резали быка...
А пока не резали,
Два ножа,
Два мужика
Грелись в доме трезвые.

Ой, как резали быка...
А пока грелись,
Как ревел он в облака
И бодал
Рельс.

Ой, как резали быка...
А пока,
На случай,
Два ножа,
Два мужика
Думали — как лучше?

Ой, как резали быка...
А пока думали,
Были полными бока
И рога —
Дугами.

Как зарезали быка —
Снег теплее мака.
С полотенцем в руках
Заплакала мама.

ЧАСТНЫЙ ОГОРОД

Дед хочет дерево свалить.
Оно мешает огороду—
Наводит тень,
Изводит воду.

Дед хочет дерево свалить.
Он стар и знает толк в земле.
Всегда предсказывает твердо
За месяц: дождик или ведро.

Он стар и знает толк в земле.
Он поучал меня, но вот
Его сединам не в угоду
Кричу:
— Да черт с ним, с огородом, —
Пусть это дерево растет!
Дед жить учил меня — и вот...

ДУША

Он скоро станет старым-старым —
Совсем на пенсию готов,
В его душе
К зверью и травам
Проснется тихая любовь.

Он торопливо,
Тут же,
Летом
Прибьет скворечник на ветлу,
Войдет в леса районным лешим
И улыбнется на ветру.

И сыну скажет он:
— Негоже
Грибы с корнями вырывать.
Своей жене впервые сможет,
Кота оправдывая,
Врать.

А утром выйдет за дровами,
Случайно глянет на восток —
И под дремучими бровями
Качнется тихий
Огонек.

ВЫХОД

Рукавицы на руках.
Табачок в кармане.
Рыбаки в Шибакмах.
Чебаки в Каргане.
В длинных лодках рыбаки.
На воде лодки.
Вдоль по берегу мостки.
На мостках молодки.
Смех сережек на ушах.
На устах шутки.
Мы выходим.
В камышах
Дергаются щуки.

КОРОВА

Корова воду трогает губой,
Вздыхает шумно,
Ноздри раздувая,
И, над водой склонившись голубой,
Ушами нетерпенье выдавая, —
Пить начинает.
Чмокает, сопит,
Поводит непомерными боками.
А рядом с нею
Женщина стоит
С обветренными красными руками...

Корова пьет,
Огромное нутро
Степенно, неторопко наполняет,
До глаз толкает голову в ведро
И ничего на дне не оставляет.
А женщина опять ведро берет
И говорит:
— И сено ты доела, —
Легонько по спине корову бьет, —
Ой, как ты мне, корова, надоела!

У БРАТА В ГОРОДЕ ГОЩУ

У брата в городе гощу,
Брожу по городскому раю,
К провинциальному плащу
Шарф помоднее подбираю.

Хожу в театры и в кино,
Курю безвредные «Новинка»,
Пью темно-красное вино
В кафе с названием «Снежинка».

Я отдыхаю, как хочу,
Пока про дом не вспоминаю —
Я с киоскершами шучу
И юмор их воспринимаю.

А город мне — за видом вид,
Где ни присутствую, ни шляюсь,
И думает, что удивит,
А я — такой,
Не удивляюсь...

Так до субботы погощу,
А может быть, и в эту среду
О доме вспомню, загрузчу,
На поезд сяду и уеду...

Вот за окном уже поплыл
Каргат,
Деревья,
Огороды...
Сходить на выставку забыл;
Схожу!
Какие наши годы.

КАРГАТ

Не хвалю свое болото —
Слава богу, не кулик.
Мазать хаты позолотой
Повернется ли язык.

Но и попусту не хаю,
Серой синь не назову.
Не гощу,
Не проезжаю,
А живу я здесь,
Живу.

ДРОВА

Видно, минуло время жары —
Над поселком грачи проорали...
Не пора ли точить топоры?
В самом деле,
Точить
Не пора ли?

Без добра, без тепла, без огня
Мы зимовку себе не устроим,
Стародавний обычай храня,
Мы дома от мороза укроем.

Мы дровами завалим дворы,
Чтобы в печках поленья пылали!
Не пора ли точить топоры,
В самом деле,
Точить
Не пора ли?

• • •

Мне снилась женщина одна,
она со мною говорила,
и мне, хорошему, она
слова хорошие дарила.

На землю тихо и тепло
склонялся тихий теплый вечер.
Над миром пело и цвело,
царило
слово человечесьё!

Тот вечер длился до утра...
Проснулся –
мир не понимая.
Я встретил женщину вчера,
она была глухонемая.

СОН МАТЕРИ

«Я вроде бы сижу на лавочке у хаты,
И вроде грустно так и беспокойно так.
Вдруг будто бы ко мне подходит бородатый
Мужчина. С ним еще — степенные,
в годах.

Я вроде встала к ним, да и остановилась,
И сердце у меня совсем оборвалось,
И плачу, и кричу:
— У Саши что случилось?
Что с Сашей в городе, скажите мне,
страслось?

А первый говорит спокойно так как
будто:
— О сыне плакать вам пока причины нет,
И жив он, и здоров. Мы к вам зашли попутно,
С дороги отдохнуть. Я — Афанасий Фет.

Я стол накрыла им,
Окрошкой накормила,
“Московской” поднесла: знакомые, поди...
Проснулась, и весь день так беспокойно
было,

И все тебя ждала.
Приехал — ты гляди...»

• • •

Все в деревне бабку понимали –
Выпала ей доля тяжела.
Померла – чужие поминали:
Всю родню она пережила.

Люди собрались, соображали,
Горько толковали меж собой,
Невпопад старуху обряжали
И молились как-то вразной.

Скотник выговаривал:
– Агафья...
Кончилась дороженька твоя...
На старуху с мертвых фотографий
Тихо улыбались сыновья.

Председатель выделил телегу.
За леском, где пашни и луга,
Схоронили старую до снегу,
А наутро – выпали снега.

МИША

Мишина доля хренова,
Мишина доля горька —
Выпьет стакан разливного,
Ляжет в бурьян у ларька.

Нюхают Мишу собаки,
Бродят по Мише жуки...
Рядом то ругань, то драки,
Пьют, говорят мужики.

Миша в бурьяне тоскует,
Думает думу опять,
Горькую думу, какую —
Где мне, счастливому, знать?

Взгляд его, как на иконах
Старых, — поник и потух.
Миша и плотник, и конюх,
Миша печник и пастух,

Миша Равеля не знает,
Миша Рембо не читал,
Миша в траве засыпает,
Миша от жизни устал.

Все ее беды и бури
Выпали Мише сполна...
Дети, тянитесь к культуре,
Пейте поменьше вина!

НАЧАЛО

Я давно не жалею нимало,
Что в село не летаю свое.
Мне достаточно мать рассказала
Про военное наше житье:

Батю взяли, потом оправдали
И – на фронт.
И осталась семья.
Хлебанули мы там, повидали –
Два братана, сестренка и я.

Ни картошки, ни дров, ни коровы –
Все отняли с казенной избой.
Так вот я вызревал в Чумаково –
Не рожденный еще, а изгой.
Годы детские! Дни ножевые!
Нас участие Божье спасло –
Мы живые,
Живые,
Живые!
Не летаю в родное село...

Эту жизнь не считаю случайной,
И о детстве забыть не дано –
И о тетушке с крынкою тайной
Молока, что от слез солоно...

РАДИЩЕВУ

...Где мороз на полнеба пылает,
Разгоняя по нарам людей, —
Не стозевное чудище лает,
А стозевней стократ и лютей.

Пушек лай у Кремлевской твердыни
Всей земле известил наконец,
Что под вечной стеною отныне
Будет тлеть бесконечный мертвец.

И осиновый домик-гробница
Для того обратился в гранит,
Что внутри его нечто хранится,
Что душа и земля не хранит.

Там лежит, нескончаемо тлея,
Самый темный и мстительный царь.
В очертаньях его мавзолея
Не Пергамский ли виден алтарь?

И наивно, но все ж не случайно
Верит чистый, как почва, народ —
Стоит перекрестить его тайно —
Мертвый вскочит и громко заржет!

Измытарил он русскую землю,
Был татарского ига лютей,
Дух его небеса не приемлют,
А земля не приемлет костей.

• • •

Николаю Шипилову

Отсюда молодость видна.
И видно — сколько было дури.
С бутылкой жидкого вина
Мы шли, средь ночи балагурия.

Из горлышка хотели пить,
Но мысль возникла у кого-то —
Стакан иль кружку раздобыть,
Стучась в церковные ворота.

Старик открыл нам, и не зло,
Не осуждающе, не строго
Спросил он: что нас привело
В полночный час к жилищу Бога?

А после — хлеба и стакан
И соли крупного помола
Принес.
Про «опиум, дурман»
Вдолбила нам родная школа.

Потом не одному оно
Сломало жизни — то ученье...
Тогда ж мы выпили вино
И позабыли приключенье...

Мы и представить не могли
В пустом бахвальстве полупьяном —
Какую кровью добрели
Стучаться в церковь за стаканом!..

• • •

Над туманом брезжит и светает...
Заплывая в осень на заре,
Льдина лета – медленная – тает
В сентябре. В Сибири. В серебре.

Мокрый лог лежит в грибной дремоте,
Серый стог, как конь, в тумане спит.
Тишина, и только на болоте
Птица непонятная скрипит.

От звезды последней на рассвете,
От хрустящей лужи, от луны
Ясный ветер и просторный ветер
Входит в холод вольной тишины.

Этот холод душу мне согреет
В сентябре – в Сибири – в серебре,
Где над мглою вздыбилась и реет
Рдяная рябина на бугре.

• • •

Что проносится с ветром к закату?
 Что уносится с ветром за край?
 Золотую, последнюю плату
 За последнее солнце — отдай.

В сильном свете — густом и прощальном,
 В синем ветре над юной травой
 Позабудь о закате печальном,
 Он не твой, он не твой, он не твой.

Видишь, радостный сноп с поднебесья
 Рассыпают золотые лучи, —
 Можешь песню — затеивай песню,
 Можешь сердцем — люби и молчи.

Но за это последнее солнце
 Будет долго дорога брести,
 И что начато, то допоется
 Там, за краем земного пути...

ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ

Проходил Господь проселками
От села и до села.
Гулевыми перепелками
Били знойные хлеба.
Шел, прикидывал, поглядывал
На хлеба да на кусты,
К сбитым ноженькам прикладывал
Подорожника листы.

Песню выдумал и спел ее,
Встретил озеро – попил,
Землянику переспелую
Наклонясь – благословил.
Просветленно, неуверенно
(Хоть давно про это знал),
Сколько жить ему отмерено,
За кукушкой сосчитал.

На двенадцатой поляночке
Из дорожного мешка
Хлеба вынул, соли в баночке
Да бутылку молока...
А вокруг
Стояло марево
И лесные голоса,
И кузнечик выкомаривал,
И трещала стрекоза.

Мир животный и растительный
Под нетленной синевой
Трепетал вокруг Спасителя
Весь до капельки – живой,
Полный вечного и мудрого...
И подумал Иисус:
«Будь что будет, но отсюда
Ни за что не вознесусь!»

СКВОРЕЧНИК

Алексею Ивановичу Брагину

Есть страница в истории птичьей —
Удивительней многих страниц:
Привезли из-за моря обычай
Избы малые ладить для птиц.

И теперь
Средь естественных,
Вечных
Русских черт, образующих Дом, —
На шесте, на березе ль —
Скворечник
И поют на скворечнике том.

Не деталь,
Не пустячная малость,
Коль, жестокий изведавший рок,
Попросил Заболоцкий под старость:
Уступи мне, скворец, уголок...

Ладит мальчик и духом не чует,
Что в Европе
На горе певцам
Птичий дом не затем существует,
Чтобы птенчики вывелись там.

В Нидерландах,
Ты слышишь, мальчишка,
Не привыкший к спокойному злу,
На скворечниках –
Съемная крышка,
Чтоб открыл, и яички – к столу!

Потому-то, к сердечному глухо,
Позабывшее свет и полет,
Европейское сытое брюхо
Свой кишечник упорно поет!

Ну а мы переняли обычай,
Строим домик,
Как ихний
Точь-в-точь,
Чтобы тешиться песнею птичьей,
Чтобы малой пичуге помочь,

Чтоб наслушаться,
Чтоб наглядеться,
Чтобы сердце очистить свое...
Понимай эту разницу с детства.
Будь готов
Постоять за нее!

РЕЧЬ

Чтобы исток не замутило,
Сама родная наша речь
С собою рядом поместила
Глагол взыскующий беречь.

Недаром нераздельным ладом
Они поставлены навек —
Природа с родиною рядом
И с веком рядом человек.

И понимаешь, как суровы
Все эти связи были встарь,
Когда душой за словом — слово
Читаешь отческий словарь.

И, может, думая об этом,
Российский гений всех времен
Родной язык назвал поэтом,
Но речь — превыше всех имен!

Нам речь беречь, нам помнить надо,
Что доля — даль ржаных долин,
Где хлеб поставлен с небом рядом,
Где слава в слове с л а в я н и н!

УТРО

Еще темно,
Еще совсем темно...
Проснется мать,
По дому захлопочет...
Заголубеет раннее окно,
Огонь в печи спросонья залопочет...

Я выйду в полушубке на крыльцо,
И вот он —
Мир весеннего восхода —
Сияющее катит колесо
Из-за лесов на кручи небосвода.

Как воздух яр!
Как широко дышать!
О, что нас остановит или свяжет!
Откроет двери,
Улыбнется мать,
И поглядит,
И ничего не скажет.

Душа полна!
О боже, как полна!
И под крылами утреннего ветра
Все выше
Поднимается волна
Родимого,
Родительского света!

Стою на синем, как слеза, ветру
С глаголом влаги,
С памятью полыни,
Я отвлеченно знаю, что умру,
Но этого не чувствую поныне...

ВОСПОМИНАНИЙ ГОРЬКИЙ МЕД...

История создания «Гнезда поэтов»*

«Была не была», как говорил Гамлет, хотя, по словам принца Ивана Овчинникова, «Гамлет был глубоко нерусский человек...»

...И вот по весне, когда вскрылась Обь, ко мне на работу в типографию «Советской Сибири» пришел познакомиться черноглазый Владимир Берязев в белом кашне. Его энергичная мягкость и в общем-то необременительная просьба «помочь найти адреса и восстановить речевые и почтовые связи с друзьями-товарищами по ЛИТО» расположили меня к нему, особенно когда он произнес имя Александра Плитченко, который задумал собрать и издать сборник поэтов нашей юности. Конкретно: списаться-созвониться с Евгением Лазарчуком, Владимиром Ярцевым, Николаем Шипиловым, Ниной Садур, Иваном Овчинниковым, Жанной Зыряновой, Анатолием Соколовым, Михаилом Степаненко, Валерием Малышевым, озарить их идеей и собрать с них оброк по 300 строк (по пол-листа). Срок – от Благовещенья до Троицы. Благослови, Господь! Я пояснил: Нина и Николай штурмуют Москву, Евгений оседло живет в нашем Куйбышеве, Валера Малышев в Джезказгане на стройке, должен вот-вот быть... Звоню вечером Ивану, тот: «Стихи у ребят хорошие, что ж не продать...»

Написал всем по письму, с кем мог – созвонился. Женя Лазарчук поначалу решительно отверг, отрезал, Коля тоже замаялся, пояснил: «Я все же по преимуществу прозаик, но, коль надо для артели, на один лист собираю, с Ниной поговорю-перетолкую, а Лазарчуку напишу военно-товарищеское письмо для подкрепления». Впоследствии оказалось, что принципиальное согласие и товарищеский авторитет Николая немало поспособствовали делу. Понятно, что реальная жизнь оказалась ближе к прозе, но Ярцев, Овчинников, Булатов,

* Из архива Александра Денисенко.

Степаненко, Денисенко, Соколов внесли свои паи. Каким-то чутьем или провидением о сем узнала Жанна Зырянова, находившаяся временно вне города по командировке солидного учреждения: «А как же я?!» Ситуацию спас вернувшийся с работков Валера Малышев: «Скажи ей, что место для нее будет. У меня предполагается издание своей книги у Жигалкина». Только не говори ей, что я уступаю ей место. Не говори! Дай слово! А с Плитченко я поговорю сам, объясню».

Ну, в общем, дело начало слаживаться, да и соскучились друг по другу. Никто не задавался вопросом «Разве такое возможно?», веря Александру Плитченко, как верят старшему брату. К тому же он сам был выходец из фонаковского литгнезда. Все вдруг вспомнили, что «жизнь – яко липовый цвет», который пьянит и кружит голову, но быстро осыпается... Подспудно, интуитивно мы смутно догадывались, что гармонизировать этот массив разнохарактерных текстов будет не просто, что подтвердилось: пошли возражения против Мишиной резкости, цветаевщины Жанны, со стороны появились «пришельцы», как называл их Соколов. Хотя за бортом остались те, кто все же был нам ближе по духу: Петр Кошель, Валерий Ржанников, Виктор Сайдаков, Володя Громов, Володя Романов...

Я могу только догадываться, какой для издателей это был тяжкий выбор...

...Был момент по жизни, когда Александр Иванович пригласил меня вслед за Володией Ярцевым на работу в молодое издательство, в Сибирское отделение «Детской литературы», и в один из первых дней, спеша на службу, я купил у лоточницы на привокзальной площади цветную (!) полиграфическую карту своего родного Мошковского района, а Александр Иванович, приехав на электричке из Сеятеля (Сиэтла, как шутил он), где жил, набрел на ту же лоточницу и выкупил не только свой Каргатский район, а еще и всю карту НСО. В редакции он приладил ее рядом с небольшой иконкой Владимирской Божией Матери, велел мне закрыть глаза и тыкать пальцем в карту на предмет: где живут у нас поэты? Я ткнул: Почта! «Почта – это Толя Сорокин. Тыкай дальше». Барышево – Нина Грехова, Ефремовка – Жена Лазарчук. Сузун? Сузун – это братья Заволокины и Михаил Щукин – наш сибирский прозаик. «Тыкай

** В. А. Жигалкин – директор Западно-Сибирского книжного издательства.

дальше». Ояш – вотчина Геннадия Карпунина, автора «Синильги», переводов «Слова о полку...», – единственного из наших поэтов, занесенного в Большую российскую энциклопедию. «Какой хороший человек приехал к нам. Какой хороший...» – пробасил Плитченко. Так мы пропальпировали всю карту, и Александр Иванович, огладив ее ласковым круговым движением, как милую женщину, подытожил: «Куда ни ткни, Саша, везде у нас произрастают хорошие поэты... потому что земля у нас богатая...»

И уже много позже я осознал, что стоял у карты рядом с удивительным человеком, который умел видеть глубоко-пронзительно, мгновенно обобщать и выражать суть в предельно концентрированной форме, поражающей своей ясностью, доступностью и поэтичностью, человеком, буквально открывшим за минуту целый поэтический атлас НСО, человеком, написавшим за пределами светлые и глубоко сокровенные поэтические новеллы «Надежник», «Планета Колывань», «Небесная Сибирь», «В городе моем светло», – светло и у тех на душе, кто имел счастье знать этого горячего, гордого и сердечного человека и дружить с ним. Сколько же он для нас, птиц, сделал хорошего, доброго, долговечного, как свитое им любимое его детище «Гнездо поэтов».

Время течет все время...

...В последнее время он *торопился*; большой, грузный, как Жан Габен, погруженный, ушедший в себя, он, вероятно, уже чувствовал, что загнал вороных своей судьбы, и потому работал без отдыха, на износ. И если кто-то пытался шуткой отвлечь его: «Все, Иваныч, шабаш, полдень, адмиральский час: пора вермут пить...» – он только грустно улыбался и опять склонялся над компьютером, грудой рукописей и писем в «Горницу», статей в газеты и лишь изредка отшучивался: мол, мы, мужики, – двигатели внутреннего сгорания...

И все чаще и чаще в его стихах явственно стала проступать мысль о том, что хочется идти обдуманно, не с праздными руками и рассеянным взором, а выбирая каждый раз осторожными стопами эту свою последнюю дорожку на малую родину. Конечно, он тяжело страдал: дорвавшиеся до власти холуи устроили в своей «депрессе» настоящую травлю А. Плитченко – поэта, гражданина и патриота, так много сделавшего для своего города! За это и травили...

...За несколько месяцев до своего успения, осенью 1997 года Александр Иванович написал: «У меня есть родина. Не сознание родины, а чувство. Как чувство блаженства, как чувство тепла, света, как зрение. И как безмерно счастлив тот, чья родина не истаяла, чье родное село стоит себе, и можно пройти по улице, зайти в дом, где родился и жил... Иначе живешь, ощущая над прекрасной осенней землей, над родной почвой – пресветлую Небесную Сибирь, свет и сила которой держит нас в жизни, показывает путь, чтобы не погрязли мы в суете и мелочах, но старались приблизиться к вечной родине – к Небесной Сибири. Чтобы порадоваться еще одной возможности послужить родной земле, отдать ей хотя бы частичку того, чем она безмерно одарила нас, благословив родиться и вырасти под вечным светом Небесной Сибири. Мы счастливы. У нас есть родина».

...А за десять лет до этого, сдавая свои рукописи в «Гнездо», мы... из новой юности возвращались в юность.

Нина Садур, психологически чувствуя драматизм ситуации, убедила Шипилова, что стихи у нее «детские, наивные: о счастье, цветах, о детях Гольфстрима... и вообще на объем не собрать...» Но, к чести ее и благородству, во всех своих насыщенных реактивных интервью она с гордой нежностью отзывалась о друзьях юности: «Все мы, как только теперь я понимаю, отличались какой-то особой повадкой, и повадка эта была безосшибочно красивая...» С Николаем установилась интенсивная переписка; до сих пор в памяти, в отделе «радость», сохранился его адрес: 127254, Москва, ул. Добролюбова, 11, общежитие ВЛК, к. 713, Шипилу Н. А. Позднее там жил и Владимир Берязев – в пору своего обучения в Литинституте. А после сколько я ему кричал, уговаривал: хватит таскаться в Москву, давай создадим в Новосибирске Сибирский институт ПОЭЗИИ, к нам вся Сибирь, вся молодая страна хлынет, ты – ректором будешь! «Угу. Но сначала – сборник!»

Решили: пишем дуэтом с Николаем по два-три «письма чести» его превосходительству Евгению Александровичу Лазарчуку, и – чудо: наши вопли, зазывания, укоризны, давление на честь и совесть возымели свое действие... Лазарчук ответил: «Если все будут вместе, тогда и я с вами!» Он сдержал товарищеское слово. И это было принципиально важно: недаром

«Гнездо» начинается с его локомотивной подборки. Но впереди предстояли затяжные маневры, и главный из них – отставание подборки Михаила Степаненко «Остановимся».

Между тем события (и нешуточные) шли своим чередом: А. Плитченко с М. Щукиным, В. Малышевым бьются за собор Александра Невского, Карпунин через меня просит у Шипилова «много рассказов» для «Сибогней». Плитченко утверждают главным редактором только что созданного Сибирского отделения «Детской литературы», Берязев у него в команде, и он же – главред молодежного альманаха «Мангазея». Жанна хлопочет о своей чести. И остается с ней... Она в неволе выпускает стенгазету, ее все любят, но при выходе из учреждения руководительница его, страстно влюбленная в Жаннины стихи, ревностно отбирает все написанное, и бедная Жанна довольствуется лишь тем, что смогла сохранить и вынести на волю в своей волшебной голове. На улице мы с Иваном Овчинниковым столкнулись с Маковским и тот, отвернувшись всей спиной, сравнил нас с сельскохозяйственными животными и товарищескими предателями (это, видимо, была реакция на неловкое положение Миши Степаненко). В этот же день и час звонит Жанна Зырянова и объявляет, что Плитченко вставляет ее в книгу. Звоню Берязеву, он подтверждает и добавляет, что Степаненко не будет, поскольку «он потянет качество всей книги вниз». Полный бред. Плохо было то, что мы с Иваном накануне ходили как крепостные в издательство. Александр Иванович был отчего-то печален, задумчив; вернул нам его подборку (400 строк) и велел зарезать до 300, с привлечением составителя Владимира Берязева. На том и порешили и успокоились, и вдруг опять – полный отказ, но хуже всего еще и разноголосица, так как Соколов сказал, что от Мишиных стихов ему «ни холодно, ни жарко», плюс к этому – явный нейтралитет В. Ярцева. А между тем Михаил был человеком большой глубины, сложности, тонкости, деликатности. Он, выросший в суровых условиях Ельцовки, ельцовского Гарлема, через самообразование выработался в прекрасного самобытного поэта, беспрекословного авторитета в товариществе, надежнейшего и верного скоропомощника в жизненных испытаниях. Отслуживший четыре года в Западной группировке войск в Германии и присылавший нам на Родину светлые письма со стихами, он, полный упований и надежд, вдруг столкнулся с полным непониманием

и отрицанием. Он был из всех нас единственным, кто мог двумя-тремя ошеломляющими отцовскими седативными словами останавливать кровопролитные споры Маковского и Овчинникова. Жанна плакала и ломала руки в пользу Миши, но оказалось, что дело не в ней и не в противопоставлении, так как при восьми листах, которые были отпущены на всех птиц, хватало места и ей, и Михаилу (в реальности оказалось даже больше — девять). Из чего же все это выросло? Берязев говорит, что сам Плитченко оценивает уровень сборника как «супервысокий». И что присланная подборка Н. Шипилова еще больше его приподняла.

У всех своя правда и свое право, но мы с Иваном и Николаем просто не могли понять и поверить в то, что можно не заметить особую Мишину взрывную энергию в его текстах и глубокие толчки внутри стихов, от которых просто щемит сердце. Иван даже разозлился:

— Мы же сибиряки, считай, люди северные. А как же без удали-то?!

— Ты прав, Иван, когда Пушкину было 18 лет, Вяземский написал Н. Тургеневу: «Пушкин погубит нас и наших отцов. Его надобно посадить в желтый дом...»

И дело тут даже не в принципе, а в том, что я только недавно, старый дурак, понял через муку в его глазах: что он, при его гордости и ранимости, узнав, что его стихи стоят под боем, стиснув зубы, терпел эту муку единственно из высокого товарищества, чтобы поддержать нашу юность, — то есть он не бросил братство, не вышел из игры, не хлопнул дверью, а ведь Михаил среди нас один, кто мог из-за стихов принципиально застрелиться. Однако в нашей ситуации об истине нечего заботиться — пуля съест виноватого. Михаил был большой человек и большой поэт, настоящий! Но не зря говорят: большое дерево притягивает молнию...

То же самое и Малышев: разве ж ему, атаману, предводителю, старосте ЛИТО, из которого вышел и Миша, и все мы, не хотелось побыть с нами в общей книге, в сборнике? Бывало, после заседаний он вел нас в какую-нибудь ресторацию, куда нам, голытьбе, и ходу-то не было, но, достав билет бригадмилльца и вдобавок волшебный документ (СССР. Корреспондентское удостоверение № 36 выдано Малышеву Валерию Викторовичу, корреспонденту газеты «Кадры стройки»). Печать. Продлено

до 1989 года), Малышев гордо проводил всю кавалькаду мимо оцепеневшего швейцара...

К слову сказать, во все времена, на каких должностях бы он ни работал, узнав, что кто-то из нас бедствует, он мгновенно приходил на помощь: находил работу, трудоустроивал, подкармливал, отрицая и пресекая всякий дух сомнения и колебания, в том числе и в отношении поэзии – работать по-монастырски, без шумихи, но твердо, уверенно и результативно. А вообще в те годы «по литературе» многих из нас «тренировали» такие авторитетные и возвышенные учреждения, как ЖКО, ЖКХ, ЖЭУ, которые давали возможность «без отрыва от производства» не только постигать и осваивать по ночам в многочисленных бойлерных, сторожках, вагончиках, кочегарках, котельных «шедевры мировой классики», но и самим создавать свою вольнолюбивую, пусть и угловато-угольную, но искреннюю, суровую и наивную сторожевую поэзию, откуда вышли все лорды-истопники, пэры-кочегары, принцы-сантехники российской поэзии. Это была тайная литературная Академия, давшая немало славных имен, хотя сейчас об этом редко кто вспоминает, словно и не было этого километра советской жизни и искусства. Нашего непростого наследия.

В Новосибирске в то время существовало более десятка литобъединений. И все же, по всеобщему признанию, в ЛИТО-ФИО, как мы в шутку именовали наше пристанище (по фамилии, имени, отчеству основателя – Фоянкова Ильи Олеговича), жил какой-то особый творческий дух... особый пьянящий весенний кислород, чему способствовал сам ФИО.

Невысокого (среднего) роста, короткие мягкие волосы зачесаны назад, высокий лоб, аккуратная, тоже мягкая, борода, жизнерадостная, располагающая улыбка. Одежда тоже мягких тонов. Но иногда и простая клетчатая ковбойка. Учитель, учильщик, мудерис, ачарья, махатма, сенсей, гуру (как мы его дружелюбно и почтительно именовали) был совершенно искренне убежден, что научиться можно всему – даже писать стихи. С этим, конечно, можно поспорить, а поспорить на ЛИТО – милое дело: общеизвестны поэтические амбиции и потаенная ревность друг к другу служителей Аполлона, достаточно вспомнить блоковские строки из стихотворения «Поэты»:

За городом вырос пустынный квартал
На почве болотной и зыбкой.
Там жили поэты, — и каждый встречал
Другого с надменной улыбкой...

И это тоже бывало: молодая бурса, не склонная к пуританизму, иногда во время перекуров от души изливала свое вольнодумство через чтение якобы «крамольных» текстов собственного изготовления, а когда в жарких баталиях не хватало слов — в споры вмешивался авторитетнейший портвейн, вермут или рубин: «Когда напивались, то в дружбе клялись...»

«Вещий Олегович» имел особенный внутренний такт: он не обходил вниманием практически ни одного семинариста — особо отмечал и поощрял ранние опыты Олега Садура, благоволил к расцветающему на глазах огромному дарованию Евгения Лазарчука, благожелательно отнесся к стихам, наполненным самой жизнью, Владимира Землянова. Николая Шипилова и Александра Денисенко хотел снабдить своими весомыми рекомендациями для поступления в Томский университет, а Нине Садур настойчиво предлагал уехать на стройку БАМа, «окунуться в кипящую жизнь», хотя юная Нина сопротивлялась и категорически не хотела окунаться, а если бы дерзнула, то неизвестно, чем бы закончилась эта стройка века... Чуть позже в подобной ситуации, когда Дима, супруг Жанны Зыряновой, собирался забрать ее, чтобы вместе уехать на ПМЖ в Германию, а нам, конечно, не хотелось терять в ее лице единственную среди нас авторессу и товарищеского друга, Овчинников и Малышев, хорошо зная врожденную Жаннину нелюбовь к дисциплине, мудро решили: вот и хорошо, пусть едет — наконец-то мы отомстим немцам по полной!!!

...А жизнь между тем продолжалась... Выходили и до «Гнезда» оригинальные сборники. «Первые строки» (лирика молодых): 41 автор (!), где рядышком, казалось бы, антиподы — патриот Малышев и нынешний американский подданный Мелодьев. И совсем юная Юлия Леонидовна Пивоварова. Через два года, в 1983-м, прозвучал «Зеленый взрыв» — совместный сборник новосибирцев и томичей. Это была «эпоха поэзии», время самородков.

И это была как бы некая сухая поэтическая амнистия, обещавшая выпустить на волю щемящую волну стихов, вызванную

правдой и горечью русского мироощущения, тут же попавшая под сильный западный ветер, который, как известно, быстро сушит мозги и литературные слезы: мало кто устоял перед искушением отпечатать свои морщины на заграничной бумаге, мало кто не ушел в затвор или в распыловку. А не печаль! В России (по словам Берязева) поэты заводятся из ничего, как мыши.

Патриархальная часть молодой поэзии, искушаемая тишиной алкоголя, вновь вернулась в русло подпольной поэзии шестидесятых годов с ее перевернутыми буквами, с угнетением синтаксиса – и вновь ударилась в удалую экстремальную лирику, обильно снабженную дадаистскими приемами, но добрую и разноцветную по своей сути. И вот на старой «литовской» дороге, по которой когда-то щемящей ватагой босиком прошли шестидесятники, вновь поднимается нежная русофильская пыль от отечественных пяток в обувке фирмы «Ади-дас». Пыль все та же, но следы не совпадают...

А не печаль! Тот, кто с самого начала писал натуральными неперевернутыми буквами, кто не плакал в стихах напоказ, тот имеет сегодня счастье оставаться самим собой. Немногие остались верны той «литовской» дороге, но им есть чем гордиться, ибо ни один из них не издал книгу в свином переплете, на запах которой сбегаются все литературные крысы.

У Музы тяжкая рука, но никогда она не вдарит
Поэта бедного, пока он на груди ея рыдает...

Валерий Малышев, к слову сказать, еще тогда предлагал кормить за счет государства в простых обычных закусочных и столовках тех поэтов, кому недоступна, как луна, гонорарная система оплаты литературного труда, а по выходным поощрять рюмкой водки, поскольку работать поэтом хотя бы 20 минут в день насухую – это не каждому дано. И совсем не случайно Александр Плитченко, наделенный сверхвысокой социальной чувствительностью и один из немногих ощущавший еще тогда подземные тектонические толчки, которые вскоре разрушат государство, занялся с товарищами по духу укрепительными работами, в том числе подтянул и нас, устроил «смотр боевых поэтических сил». Несомненно, он спас тем самым с добрый десяток поэтических судеб, ведь к этому времени мы, бывшие «литовцы», все уже шли вразнобой и вслепую. Конечно,

он рисковал по-крупному, включая в редакционный план сборник никому не известных авторов, кроме двух – Мартина Мелодьева и Евгения Миниярова, уже печатавшихся до этого в коллективных сборниках, а в ситуации с Михаилом ему надо было понять, сохранились ли в «команде» былая честь, порядочность и готовность постоять «за други своя». И это был серьезный экзамен... В конце концов, мы же не слепые и тоже в стихах кое-что кумекаем! Надо сказать, что и Владимир Берязев, как составитель, проникся духом книги, сумел найти верный тон, сочетавший уважительную деликатность и необходимую требовательность, где она была уместна. Примером тому их синхронная работа с Михаилом Степаненко над его подборкой. Отсутствие Маковского по звезде дружбы было чувствительным – с одной стороны, он хорошо бы уравнивал одушевленный классицизм Володи Ярцева и держал силовое напряжение в постоянном титаническом противостоянии с алтайской энергетикой Ивана, а вот на фоне суровой метафоричности Соколова и Юнилевых городских баллад, всегда с завораживающей узнаваемой картинкой, и высокохудожественного проникающего текста Лазарчука импульсивный стиль Маковского уже не кажется таким убедительным, – пусть на это ответит нынешний обновленный вариант «Гнезда» с Маковским и Малышевым.

...Вскоре состоялось решительное собрание на ул. Свердлова, 13 (над картинной галереей), в голубой квартире Соколова. Приехал Женя Лазарчук, да мы с Иваном, Толя вышел из больницы после шунтирования, да Ярцев. Мишу решили не посвящать, не рвать сердце, зато призвали Берязева и спросили: как и что? Он честно сказал, что редакция желала бы добавить к нам двух-трех человек: Мелодьева, Миниярова и... и... и... а кого-то из наших попросить вон. Тут встал Соколов и на правах хозяина сматерился... Все по очереди горячо заговорили, и я сказал, что слова заочно просил Николай Шипилов, и включил на плеере песню «Это наша территория». У Лазарчука повлажнели глаза, он громыхнул кулаком по столу: «Я сам переговорю с Плитченко, Коля прав – это наша территория! Почему мы в своем “Гнезде” должны жить на птичьих правах?»

Берязев сказал: коли так, то я вам буду помогать. Я добавил, что нужно строить сборник на старой товарищеской

основе, чтобы был цельный организм, пусть даже со старыми шрамами юности, но не увечить его... Что касается ЛИТО – то это наш потерянный рай.

А не печаль! Иван кивнул: «Я утресь встретил знакомого по школе, по "десятке". Чужой стал пречуждой, даже не поздоровался... Похож на меня, и одного роста, а кажется выше на полголовы – мерзавец! Жаль, что у меня нет слуги, он бы его отдубасил».

...Хорошая новость: Лазарчук, как и обещал, звонил Плитченко. Тот поблагодарил нас за «сотрясение мозгов» и дал свое принципиальное согласие – теперь мы снова все вместе! Зазря радовались: опять отодвигают Жанну (из-за всего в комплексе), Мишу – из-за «мрачности». Однако шипиловская и лазарчуковская подмога уже работают. Лазарчуку, конечно, несладко быть земским коммунистом, мы это понимаем: и зубы рвать, и свои успевай подбирать...

Слава богу, Евгений с нами, у него в «Гнезде» – особый цвет и сила, а что мы вообще потеряли бы в его лице – я и думать себе запрещаю. То был бы, верно, национальный поэт: в 16 лет уже свободно разговаривал в стихах своим голосом: естественно, серьезно, глубоко, с размахом!

По городу прошел слух, что Плитченко дал много эпитетов подборке Анатолия Соколова и тот ходит по издательству под пушкинским № 1. Надо сказать, что деятельное участие Николая и Евгения сильно подняло проценты, а попросту – склеило, воодушевило всех, и всяк вспоминает их добрым словом. Малышева жалко: ему в «Новом мире» отрезали все органы, то есть стихи изрядно обкромсали, но он крепкой породы, улыбается золотым зубом: органы *новые* вырастут... Еще говорят, что контора грозитя в начале февраля выдать на каждого фуражного поэта по 200–300 р. аванса. Жаль, не хватило нам времени на более тщательную «доработку» подборок – это было бы «явление на Руси!» Но мы тогда и думать не думали, что наше выстраданное «Гнездо поэтов» исторически окажется последним советским коллективным поэтическим сборником в славном граде Новосибирске. Хотя эта профессиональная художественная связка А. Плитченко – В. Берязев выдала еще и «Мангазею», и «Слуховое окно», и «Старую мельницу» и, с подачи Михаила Щукина (гл. редактор), прекрасную «Горницу»...

У Владимира Алексеевича Берязева-Мангазейского была природная склонность к книгоиздательскому делу: «Слон» Петра Степанова, «Ведьмины слезки» Нины Садур, в 90-м вышли «Июлия» Станислава Михайлова, «Волчья грива» Александра Плитченко, «Стихотворения» Эрты Падериной, потом залпом: «Заблуждения» Маковского, «Незванное» Жанны Зыряновой-Осмоловской, «Спартаковский мост» Анатолия Соколова, «Грустная память» Володи Ярцева, потом Панфилов, Булатов, Степаненко, но первое, в 89-м, было все же «Гнездо».

Наше! Советское! Коллективное! Шампанское! Как было хорошо! Плачь, сердце, плачь... Жили, прямо скажем, небогато, зачастую не имея «ни мяса опоссума, ни картошки, ни портвейна». И тем не менее каждый от души вкладывал в общее дело по 100 грамм стихов, а не просто желал инвестировать свои мозги в литературу. Но воздух с каждым днем заметно густел, чувствовалось, что страна дышит тяжело, задыхается. А мы, грешники, продолжали суеверно вить свое артельное «Гнездо»... Боюсь, что мы поступали как матросы, которые так же суеверно крестят водяные столбы надвигающихся смерчей, стреляют в них ядрами из пушек, и те либо останавливаются, либо сворачивают, либо разбиваются... И наконец, о самом приятном, о женщинах: «Любая, но не каждая!» — девиз далекой юности...

...Николай Шипилов с оказией прислал из Москвы драгоценную пленку: написал несколько песен на стихи «гнездовцев», да еще новосибирские записи в свой приезд, у Ивана на фольклорном крыльце, — там и Валера Малышев ему изрядно подпевал на есенинский манер, и Жанна, единственная авторесса «Гнезда», сильно тянула грубовато-грудным голосом. Хорошо бы к этому добавить Мишин неистовый баян, плюс соколовскую и иорданскую гитары, плюс кларнет Маковского, который наконец-то понял подоплеку непростой обороны за Михаила. Оказалось, что «Гнездо» выдержало все эти ветры-испытания, окрепло, прижилось.

И еще.

...Дело было так: Соколова Толю положили под Академгородком в клинику: предстояло шунтирование. Мы с Володей Ярцевым поехали навестить. Весна. «Икарус» ревет, по обочине стайкой бегут местные задвинутые джоггеры: бег трусцой под выхлопными газами. Шофер, поравнявшись, иронически выхлопнул им свежую порцию...

Из окна второго этажа больнички Толя показал нам свое сидалище, густо испещренное уколами, и выпустил бумажный самолетик со стихами на борту:

В оттопыренном кармане у Дениса –
Трехсемерочный портвейн,
То же самое содержит
Вовы Ярцева портфель.

В вестибюле обнялись, обменялись новостями. Толя, прихрамывая, вышел проводить нас до больничного скверика и выдал пластмассовый стаканчик: весна...

На обратном пути (с другой стороны дороги) была панорама: качающееся на продувном весеннем ветру в осиннике огромное потемневшее гнездо, птицы, сосредоточенно танцующие вокруг него, их ликующие, тревожно-озабоченные крики, – я толкаю Володю в плечо: «Гнездо... поэтов...» Он добавляет: «Так будет называться наш сборник!»

Александр ДЕНИСЕНКО

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир БЕРЯЗЕВ. Братство разнообразия.
Ко второму изданию книги «Гнездо поэтов» 3

Александр ДЕНИСЕНКО. На ясный огонь

«Белым-бело сегодня в НСО...»	15
На ясный огонь	16
«Как же так: с неба падала вода...»	16
«Умер дед. Семья сидит у тела...»	17
«Господи, да отчего же грустно-то так...»	18
Снег снег снег снег снег	18
Пристально	19
«Между двух январей – грусть утраченных дней...»	20
Трое	21
«Посадили меня на цепь...»	22
Ночная тетрадь	24
«Медлительно плывут казанки...»	26
«Ну, падай, снег...»	26
Отчаянье	27
«Как заплачу я в синие ленты...»	28
«Ну что ты, товарищ, ну спи на плече...»	29
Цветы запоздалые	30
Пепел	31
«Еще не померкли цветы луговые...»	34
Отойдите, не лезьте ко мне	35
Учебное стихотворение	36
Песня для кинофильма	38
«Стихи мои – товарищам помин...»	39
«Нам этот стыд запишут в минуса...»	40
«Красный, как май, жеребец...»	40
«За деревней, в цветах, лебеде и крапиве...»	41
«Грусть невестина. Идет теплый снег...»	42
«Черный снег замаячит на взгорье...»	43
«Я забыл, что со мною случилось...»	44
«Небо над улицей Гоголя милое темное...»	45
«Чей чей чей это конь это конь этот конь...»	46
«Саня пил вино зеленое...»	48
«Покрести на дорогу мне сердце и сокола выпусти...»	49
«Я вспомнил себя и заплакал...»	50
«Любимый город пьян, и сыт, и пьян...»	51

Евгений ЛАЗАРЧУК. Отава

Весна Вийона	55
Хлеб шестьдесят второго	57
В бане	58
Старик и осень	59
«Без ужина он не отпустит...»	60
Мокрый снег	61
«Хорошая была рубаха...»	62
Лесничиха	63
Красные кони (<i>Отрывок</i>)	64
«Осенний лес...»	66
Костер	66
Алый бант	67
Грачи. Nevermore	68
«Ветер вырвет газету из рук...»	69
Легионеры	70
Декабристы. Синодик	72

Николай ШИПИЛОВ. Имя – жизнь

«Как давно я друзьям не писал!..»	77
Дурак и дурнушка	78
Похороны гармониста. 1970 год	79
Футбол	80
Цветы	82
«Пахнёт горячим уюгом...»	83
Родня	84
«Там рыбы на деревьях гнезда выют...»	86
В районной гостинице	87
«Этот мир никому не понять...»	88
«В четыре утра на ухабах гремят самосвалы...»	90
«Я шел, отдыхая в тени от столбов...»	91
День рожденья	92
«Вот и смена сезона, в достатке – озон...»	93
«О, холода!..»	94
Имя – жизнь	96
«Прошла золотая пора...»	97
Я пришел на вокзал	98
«Никого не пощадила эта осень...»	100
«Тело одряхло. Жена – не княжна...»	101
«Друг мой Ванька, Ванька Жуков...»	102

«Как бы мне хотелось — вон из тела...»	103
Тени	104

Анатолий СОКОЛОВ. Сон запирал рассудок на засов

«Над городом кружит, потерян...»	109
«Старый друг позвонит из глубинки...»	110
«Наклоняются темные ели...»	111
«Наступленье осени с успехом...»	111
Базарные фрески	112
«Из недр дождливого простора...»	113
«За декабрьским окном ледяным...»	113
«Сегодня девочек и дам...»	114
«Приход зимы всегда бывает...»	115
«Вечерами встречаешься с теми...»	116
После болезни	117
«Ближе к вечеру метаморфозы...»	118
«Круша цветочные розетки...»	119
«...Вышел амнистированный бык...»	120
«Славный август. Мелькание пчел...»	121
«Природа утомилась, отработала...»	121
«Сон запирал рассудок на засов...»	122
«Запутавшись в тяжелых шторах...»	123
«Душа моя дешевле пятака...»	124
«Перелетных сегодня ревнуют...»	125
«Над ландшафтом родного села...»	126
Мюнхен	127
«Здесь транспорт идет через две остановки...»	128
«Без имени, отчества и языка...»	130
«В стране, от рожденья привыкшей гулять без предела...»	131
«Почитай мне из самого раннего...»	131
«Пока танцует дворник возле булочной...»	132
«Липы на задворках поликлиники...»	133
«Дорогая, давай полетаем...»	134
«В трезвон колокольный с звонками пустого трамвая...»	135
«Жевать и печалиться — нет трудней ремесла...»	136
«Жестоко в городе январском...»	136
«Летит голубая моторка...»	137
«Под березкой худой и поникшей...»	138
«Снег над деревьями кружится белой вороной...»	139
«Двуногое в перьях во тьме закричит кукареку...»	140
«Чтоб покончить с мелочными склоками...»	141

Иван ОВЧИННИКОВ. Бесценные весны деньки

«Хорошо, когда люди дружат...»	145
Незнакомец	145
В отпуске	146
«Нечего делать – воображаю...»	146
Первокурсница-горожанка	147
Черный человек	148
«Достраивают цирк. Достроят...»	149
«Из Новосибирска выходит корабль...»	149
«Наш вуз на самом берегу...»	150
Поют по-старинному	150
«Девушка кружится с зеркалом...»	151
Если обмен, то...	151
Полустанок	152
В деревне	153
У родителей	153
«Уже давно и далеко...»	154
Выходной в тайге	155
Доброе утро	156
Внизу во дворе	157
Сухо	158
Два осенних леса	158
«Разбросанная баня давно уж вся в цветах...»	159
Домой на снопах	159
«Все реже туристы...»	160
«Люблю за деревней лежать...»	161
«Зима. Как будто так и было...»	161
Рассказывали в Кольвани	162
В избушке	163
«Деревня цвела, наслаждалась...»	164
«Рос теленок среди роз...»	165
«Осень за школой. Вот она...»	166
«Ах, представляю лето!..»	167
Послевоенный цвет земли	168
Ребята	168
«Ах, милей, еще милее!..»	169
Деревушка на пенсии	169
Русское одиночество	170
Эпилог одного села	171
«Бредет ли старый человек...»	172

«Зеленый змей – как аэростат...»	173
«Светает. Люська, уходи!..»	173
«Пляши, пляши, Плисецкая...»	173
«Слеплю я снежную бабу...»	173

Анатолий МАКОВСКИЙ. Гепард кубизма

«Жизнь моя в каком-то сизом свете...»	177
Грозный	178
Кавказ	179
«Целый день пишу письмо...»	180
«Вчера я работал грузчиком...»	182
Из Хафиза	184
Грузчик	185
«Жизнь моя слагается из работы...»	186
«Треугольник электровоза...»	187
«Когда-то под этим плакатом...»	188
«Поставьте мне бутылку водки»	188
«Вчера приходит Петька с вермутом...»	189
Голубь	190
Эскизы – май 1975	191
«Откормила гусями Татьяна...»	192
«Зовет мужик меня в Измайлово...»	193
Эскизы – сентябрь 1974	194
«Пришла красивая баба...»	196
«Простился с Москвой незаметно...»	197

Валерий МАЛЫШЕВ. Рассечка

Дальневосточные зарисовки	201
Побег (<i>Детективно-фантастическое</i>)	204
«Тлеет драма бытия...»	207
«Жили-были старик со старухой...»	208
«Снятся, снятся человеку...»	210
«Проснулся от страшного сна...»	210
«Жизнь истончилась, и последний миг...»	211
«Усомнишься, и – голову с плеч!..»	212
«Всё реже ряды ветеранов...»	214
«...будто миг – неужели рассвет?..»	214
Улица	215
«Остались считанные дни...»	216
В городке	218

«Быт пропарывает брешь...»	220
В конце сороковых	221
«Крик раздавался во мгле...»	222
«Кто нас морочил: «Судьба – не судьба?»	223
Гефсиманско-советские бдения	224
Булыжная мостовая	227

Жанна ЗЫРЯНОВА. Понедельники

«Еще не осень в дачном городке...»	231
Маргарита	232
«Не подними меня, как птицу...»	235
«Может, перед смертью вижу сон...»	236
«Не кончается пиром да миром...»	237
Полустанок	238
«В том краю...»	239
«Добреду, как собака усталая...»	240
Медальон	241
Возвращение сувениров	242
«Я поступлю неразумно...»	243
Кухня	244
«Предвесенняя даль... Предвесенняя даль...»	246
Белая песня	247
«Как мгновенно в аллеях темнеет...»	248
«В июле голубые кони...»	249
«Окошку слуховому нет помина...»	250
«В такую-то стужу, в такую-то вьюгу...»	251
«Морозный Зодиак. Мне снится Вавилон...»	252
Дочери	253
«Мой половик на половине...»	253
«Лед из воды проточной...»	254
«А ты о чем? – о гибели моей?...»	255
Зима в Новосибирске	256
«Стоит обернуться...»	259
Балалайка	260
«Как стремительно рушится...»	263
«Я здесь живу, смеясь или колдуя...»	263
Бабушка Нюра	264
На Обском море	266
«А жданный дождик не идет...»	268
Попытка диктанта	269

«Тридцать дней остается до осени...»	270
Счастливый день	271

Владимир ЯРЦЕВ. Двое

Тележка	275
Зима	276
Собаки ушли	277
«Нас чуткости учат утраты...»	278
«Беленые хаты, березы, белье...»	278
«В саду работают шмели...»	279
Воспоминание о детстве	280
«Обычная прогулка перед сном...»	281
«Дела совершенно забросив...»	282
«Из тишины, из области молчанья...»	283
«Светает. Утро после снегопада...»	284
«Совсем недолго осыпаться кронам...»	285
«За Каменкой – военный городок...»	286
В деревне	287
Сказка о счастье	288
«Приглядишь, эта улочка тихая...»	290
Двое	291
Воспоминание о любви	292
«Милосердия! Но – не уступки...»	293
«Налетела гроза, перепутала...»	293
«Как сумрачно на лестничной площадке...»	294
«Что ни день – холоднее на градус...»	295
«Кладбище сразу за дачным поселком...»	296
«Ненастное небо беззвездно...»	296
«В окрестных обобранных рощах...»	297
«Что боли мои! Что утраты, обиды, невзгоды...»	298
Попытка наставления самому себе	299
«Перед тем как уйти...»	300
Икона	301
Стансы	302
«Дождь не дождь, шелестящий на идиш...»	303
В год затмения солнца	304
Смешная обида	305
«Воздух родины сладок и колок...»	306
«Мне родиться бы сызнова где-нибудь в Сызрани...»	307
«Шмель, слетевший с рекламы "Билайна"...»	308

«Как славно цветет сирень!..»	309
«Я живу в деревянном предместье...»	310
«Я, сотканный из множества влияний...»	311
«Не смерть страшит, но умирание...»	312
«Был безвестным и непризнанным...»	313

Михаил СТЕПАНЕНКО. Остановимся

«Есть в одиночестве озерная печаль...»	317
«Эй, воздух крутизны обской...»	318
Уже за спиной...	319
«Если б видел мой сентябрь красный...»	319
«Ничего не надо, ничего...»	320
«В ногах ползет тропа под кустики...»	321
«В ярмарочном убранстве...»	322
Я сегодня забыл о весне	323
Обращение	324
Весна	325
Обь	325
«От Омска до самой Тары...»	326
«Всю ночь луна переплывала Обь...»	327
«Дымкой голубики пролетело лето...»	328
«Это бесиво скоро пройдет...»	329
«Остановимся...»	329
Вступление	330
«Архитектор спроектировал жилмассив...»	331
«Приоткроется дверь на распутье...»	332
«В птичий час незримым утром...»	333
«Ты ушел, но оставил мне целое царство...»	334
Осень	336
«Говорила мне мама в детстве...»	337

Юниль БУЛАТОВ. В дороге домой

Двойник	341
Окно	342
Возвращение на улицу детства	343
Тропами детства	344
На дальней станции	345
Блокада	345
Возвращение в город	346
По улице тихой	347

«Слова позабылись, смешались...»	348
Почтовый ящик	349
Призрак любви	350
Ветренный день	351
Домой	352
В дороге	353
Бессонные ночи	354
Впервые	355
Пчелиные соты	356
Мадонна с наколкой	357
Завуч	357
Невиновный	358
Камень у дороги	359
«И книга в шкафу не пылится...»	360
Гришка	361

Нина ГРЕХОВА. Мой слабый бог

Воспоминание о клоуне	365
«Все мне кажется...»	366
«Любимейший из всех...»	367
«Уже лицо не чувствует метели...»	368
«Как долго я тебя любила...»	369
«Я выброшу розы...»	370
«Доверчивость ступает очень тихо...»	372
«Мне память диктует слова...»	373
«Ах, фортуна, – душа на свету...»	374
«Ветер детства ко мне прилетел...»	375
Прозрачная песенка	376
«Я рву шиповник, отряхиваю росу...»	377
Стихи о моем городе...	378
«Иду я по белому полю...»	380
«Ты все еще жива, моя любовь...»	381
«Прошу тебя, не задувай огня...»	382
«В безумной апрельской капели...»	384
«Когда ты уходил, луна в окне сияла...»	385
Улетают мои журавли	386
Мой слабый бог	387
Не плачь	388
Трава забвенья	389
«У березы простое лицо...»	390
«В самый лютый мороз где-то птица заплачет...»	391

Над пропастью во ржи	392
«Стихи мои, неласковые дети!..»	393

Александр ПЛИТЧЕНКО. Черные яблоки

Голуби	397
Вышивание	398
Канавы	399
Доброта	400
«Как только отойду от верстака...»	400
Окно	401
«Ой, как резали быка...»	402
Частный огород	403
Душа	404
Выход	405
Корова	406
У брата в городе гощу	407
Каргат	408
Дрова	408
«Мне снилась женщина одна...»	409
Сон матери	410
«Все в деревне бабушку понимали...»	411
Миша	412
Начало	413
Радищеву	414
«Отсюда молодость видна...»	415
«Над туманом брезжит и светает...»	416
«Что проносится с ветром к закату?..»	417
Второе пришествие	418
Черные яблоки	419
Скворечник	420
Речь	422
Утро	423

Александр ДЕНИСЕНКО. Воспоминаний горький мед...	
<i>История создания «Гнезда поэтов»</i>	424

В серии «Библиотека сибирской литературы»
вышли также следующие книги:

Петр ДЕДОВ
Собрание сочинений. *В трех томах*

Николай САМОХИН
Избранные сочинения. *В трех томах*

Александр ДЕНИСЕНКО
Избранное. *Стихи и проза*

На два голоса.
Повести новосибирских писателей

Юрий МАГАЛИФ
Сказки

Парк. *Книга стихов*

Владимир ЯРАНЦЕВ
Яновский. Человек эпохи «Сибирских огней».
Повесть-исследование

Илья ЛАВРОВ
Мои бессонные ночи. *Роман-воспоминание*

Сергей БЕЛОУСОВ
Вдоль по радуге, или Приключения Печенюшкина.
Повесть-сказка

Литературно-художественное издание

ГНЕЗДО ПОЭТОВ

Сборник стихов

Составитель *В. А. Берязев*
Редактор *М. Н. Щукин*
Оформление *В. Н. Савин*
Корректор *Т. Л. Седлецкая*
Верстка *О. Н. Вялкова*

Подписано в печать 21.08.2023. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Тираж 800 экз. Заказ № 09-5-7.

ООО «Новосибирский издательский дом»
630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104
<http://книгосибирск.рф>

БИБЛИОТЕКА
СИБИРСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ГНЕЗДО ПОЭТОВ

ISBN 978-5-6050509-5-7

9 785605 105095 7